
АТАМАН А. И. ДУТОВ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ АТАМАНЕ А. И. ДУТОВЕ *Публ. А. В. Ганина (Москва)*

Со времени выхода моей монографии «Атаман А. И. Дутов» (М.: Центрполиграф, 2006) прошло уже почти десять лет. Появление научной биографии одного из вождей Белого движения, Войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта А. И. Дутова вызвало немало откликов из самых разных уголков нашей страны и из-за рубежа. Письма читателей содержали интересные дополнения к опубликованному, позволили установить контакты с потомками атамана в Пятигорске, Красноярске и Дмитрове и существенно расширить представления о жизни наследников атамана в СССР.

Ныне на Южном Урале стал формироваться своего рода культ Дутова, — были установлены памятные доски атаману в Оренбурге (на здании гостиницы «Центральная», где Дутов размещался в июле-августе 1918 г.) и в станице Краснинской (на доме, в котором в марте-апреле 1918 г. находился Войсковой штаб Оренбургского казачьего войска). Появились сувениры с изображениями Дутова, посвященные атаману интернет-сообщества, летом 2007 г. оренбургские энтузиасты осуществили экспедицию в поисках могилы атамана в китайский город Суйдун, где обнаружили предположительное ее местонахождение¹.

Пополнялась и историография вопроса (включая смежные темы)², хотя вышедшие работы различались по степени научной новизны, глубине анализа затронутых проблем и уровню проработки документального материала³. К сожалению, не все публикации заслуживают внимания⁴, а некоторые оказались основаны на заимствованиях⁵.

Несмотря на изменение основного вектора научных исследований, автор этих строк продолжал вести изыскания по истории антибольшевистского движения оренбургского казачества в российских и зарубежных архивах. Новые данные нашли отражение в серии публикаций⁶. В частно-

сти, были найдены и опубликованы важные документы о том, что именно атаман А. И. Дутов предложил кандидатуру полковника Д. А. Лебедева на пост начальника штаба Ставки адмирала А. В. Колчака⁷, что в итоге привело к катастрофическим для белых последствиям на фронте.

Поскольку в книгу о Дутове вошли все документальные комплексы, связанные с жизнью и деятельностью оренбургского атамана, архивные дополнения оказались единичными. Особый интерес среди них представляют новые документы о службе Дутова в старой армии, обнаруженные в РГВИА, рапорт атамана адмиралу А. В. Колчаку с объяснением причин сдачи Оренбурга в январе 1919 г., найденный в собрании Музея русской культуры в Сан-Франциско, его письма лидерам Белого движения на Юге России, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области и в архиве Гуверовского института, свидетельства о Дутове, оставленные его начальниками штаба генералами А. Н. Вагиным и И. М. Зайцевым, также обнаруженные в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Уникальный взгляд со стороны на организацию Оренбургской армии и причины ее разгрома содержит рапорт британского офицера, прикомандированного к армии Дутова, капитана Ф. Ходжеса, хранящийся в национальном архиве Великобритании. Нетривиальностью фактов отличаются разоблачительные статьи бывшего члена Войскового правительства Оренбургского казачьего войска Г. Г. Богданова, печатавшиеся в красном Оренбурге. Широкую панораму событий в войсках Дутова дает военно-исторический очерк выпускника ускоренных курсов Военной академии в Томске полковника А. Ю. Лейбурга «Южная армия Восточного фронта в 1919 году», хранящийся в собрании Государственного архива Российской Федерации. Представляют интерес бытовые зарисовки участника исхода дутовцев в Китай, опубликованного в редких эмигрантских журналах под псевдонимом «Синьцзянский»⁸, а также воспоминания племянника атамана – Н. В. Дутова.

Публикуемые документы и материалы имеют разноплановый характер и различны по своей значимости. Среди них есть и откровенно апологетические статьи сподвижников атамана, есть и ожесточенная критика, а также нейтральные сторонние наблюдения. Тем не менее, они существенно дополняют и расширяют наши представления об одном из крупных деятелей Гражданской войны и судьбе возглавленного им движения. Позволяют они лучше понять и то явление, которое современники и потомки назвали атаманщиной.

Новые данные подтверждают представления о Дутове как о не слишком способном военном администраторе, не особенно твердом, но хитром и лукавом политическом деятеле, склонном к демагогии и заигрывавшим в своих интересах с различными политическими силами антибольшевистского лагеря. Порой подобные заигрывания выходили за пределы компетенции оренбургского атамана (ярким примером служит его письмо ге-

нералу А. И. Деникину с критикой колчаковского командования), подрывая авторитет верховной власти. Тем не менее, атамана это не останавливало. Публикуемые документы проливают свет на противоречия и конфликты внутри белого командования. В частности, содержат некоторые сведения о недоверии колчаковской Ставки по отношению к Отдельной Оренбургской армии, а также новые подробности враждебного отношения хозяйничавшего в Семиречье «атамана» Б. В. Анненкова к вышедшим из тяжелейшего «Голодного похода» дутовцам.

Материалы расположены по хронологии описываемых событий. При публикации мы, как правило, не давали биографических комментариев в отношении оренбургских казачьих офицеров, ограничиваясь указанием инициалов для их идентификации, поскольку справочные данные по этому вопросу можно почерпнуть из нашего с В. Г. Семеновым биографического справочника «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1890–1945» (М.: Русский путь, 2007), который в настоящее время доступен в сети Интернет.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Прописные буквы в документах, в тех случаях, когда их использование не представляется оправданным, не сохраняются. Явные ошибки исправлены без оговорок.

1. Материалы о недвижимом имуществе семьи Дутовых

Оренбургский краевед В. П. Афанасьев прислал выписки из «Именного списка домовладельцев Оренбургской станицы Форштадта» за 1884 г., содержащего данные о недвижимом имуществе семьи Дутовых в детские годы Александра Ильича. Ниже публикуются лишь сведения о Дутовых из этого списка, причем родство указанного в списке последним казака К. И. Дутова с семьей будущего атамана нам неизвестно.

№№	фамилия, имя, отчество и звание домовладельца	№№ по одиночной ведомости	где находится	
			часть № квартала и № дома	название улицы, переулка
	Оренбургской станицы			
59	Дутов Петр Степанович, коллежский ассессор	572	Первый квартал	Большая улица, красный порядок
192	Дутов Илья Петрович, есаул	157	Третий квартал	Узенькая улица, красный порядок
657	Дутов Кузьма Иванович, казак	118	Седьмой квартал	Медведевский переулок

И. д. станичного атамана
помощник атамана

Куликов
Попов

Государственный архив Оренбургской области.
Ф.164. Оп.1. Д.96. Л. 122, 127, 144об.

2.

Дутов – студент

Во время своей службы в Харькове в самом начале XX века Дутов в технологическом институте императора Александра III слушал лекции по электротехнике. Никаких подробностей до сих пор известно не было. Новые грани биографии Дутова открылись благодаря письмам, полученным из Харькова от профессора, доктора медицинских наук В. В. Россихина. К сожалению, проверить эти сведения по архивным документам не представляется возможным, тем более, что автор письма не привел конкретных дат из попавших к нему документов, а среди документов Харьковского технологического института начала XX в. отдельных единиц хранения, касающихся обучения там Дутова, по имеющимся сведениям, нет. В этой связи ответственность за достоверность сведений из этого раздела всецело лежит на В. В. Россихине. Он пишет (внесены незначительные правки): «При работе над дневником известного русского профессора-уролога Ивана Ивановича Маклецова, прожившего долгую жизнь (1863–1961), я натолкнулся на клинические рассуждения по поводу поясничных болей у офицера-студента харьковской технологички А. И. Дутова. Иван Иванович тепло отозвался о симпатичном, волевом, умном молодом офицере А. И. Дутове. В дальнейшем архив Харьковского политехнического и дневниковые постреволуционные заметки в дневнике И. И. Маклецова подтвердили идентичность Дутова-студента и Дутова-атамана.»

По свидетельству В. В. Россихина, «у проф. И. И. Маклецова (ИИМ) было 2 детей – сын Алексей (род. 1899) и дочь Ксения (род. 1902)⁹. После революции дети эмигрировали с сестрой ИИМ. Сын стал генералом французской армии, дочь вышла замуж за английского морского офицера, ставшего адмиралом. Архивные документы и дневник ИИМ переданы правнуку ИИМ по материнской линии бизнесмену Эндрю Стоунфорту (г. Бирмингем) в 2005 году. Какие-то документы остались в семье профессора Ф. А. Клепикова – ученика ИИМ. С Клепиковыми я поддерживаю отношения и могу справиться о наличии у них документации. Точно знаю, что при жизни Ф. А. Клепикова он поддерживал переписку с кем-то из маклецовской линии... До 1996 года какая-то часть архива находилась у профессора Ф. А. Клепикова...»

В письме Россихина есть и такие строки: «После смерти моего учителя – профессора Ф. А. Клепикова – я попал в его кабинет только через неделю... среди рассыпанных по полу рентгенограмм и бумаг я нашел несколько тетрадей и разрозненных листов с записями ИИМ. Дневни-

ковые записи достаточно подробны были с 1892 по 1922, затем разрыв, затем кое-что 1941–1943 (ИИМ был в оккупации). В 2004 году приехал поверенный из английского посольства, и документы ИИМ уехали в Англию. Мне показалось, что интерес был не столько к ИИМ, сколько к описанию Березовских экспериментов проф. Пильчикова, с которым ИИМ был дружен (как я понял, у них были планы по разработке дистанционного «выжигания опухолей» и разрушения камней мочевого пузыря путем подачи энергии от внешнего источника). И это в начале 20-го века! А возможно, что-то иное – ведь архив Пильчикова пропал. Попал ли он к немцам, которые охотились за архивом, или архив до сих пор где-то надежно спрятан в Харькове?»

К письму была приложена публикуемая ниже с небольшими сокращениями и правками статья В. В. Россихина «Атаман из Политеха», в которой изложены сведения о Дутове из бумаг профессора Маклецова.

Василий Россихин
Атаман из Политеха

Работая с дореволюционными дневниками известного российского уролога профессора Ивана Ивановича Маклецова из клинических разделов, я натолкнулся на упоминание об офицере-студенте Дутове. Немного об И. И. Маклецове – родился в крестьянской семье в 1863 году, окончил медицинской факультет Харьковского университета. Маклецов в 1899 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины, стал ассистентом, а затем приват-доцентом у известного харьковского хирурга-уролога А. Г. Подреза, а затем профессором. Имел широкие общественные и медицинские связи, был замечательным диагностом. Это иллюстрирует хотя бы то, что трижды к его диагностическим услугам в качестве консультанта прибегал лейб-медик Николая II, основоположник российской урологии, профессор С. П. Федоров.

В дореволюционных листах дневника Маклецов пишет: «Ко мне на службу приехал профессор Н. К. (кого скрывают инициалы «Н. К.»), установить не удалось. – авт.) и просил об услуге студенту-офицеру, пострадавшему в драке. При этом не исключалась госпитализация с целью дождаться времени, когда скандал утихнет, а студенческие страсти, игнорировать которые администрация технологического института не могла, улягутся. Что было удивительно, так это то, что к вечеру за студента с такими же просьбами обратились профессора-химики Н. С. Курнаков и Л. А. Чугаев. На следующий день ко мне на прием пришел, чуть прихрамывая, молодой человек, в военной форме, подтянутый, с лукавыми глазами, представившийся Александром Дутовым. На скуле и верхней губе его красовались 2-ух дневной давности ссадины, а на голове – на темени, больше слева, – громадная шишка. Во время драки со студентами он получил удар по пояснице и однократно наблюдал гематурию (кровь в моче), без сгустков, самостоятельно разрешившуюся. Я осмотрел

господина Д. Уверен, что имеет место сотрясение почки, которое не требует операции. Учитывая просьбы Н. К., Н. С. К и Л. А. Ч. г-на Дутова госпитализировал в мое хирургическое отделение (хирургическое отделение Александровской больницы. – авт.).

В конце первичного приема я разговорился с необычным студентом-офицером. Узнал, что он имеет отношение к казакам-оренбуржцам, давно расквартированным в нашей губернии, и в настоящий момент занимается изучением телеграфии в технологическом институте. Особо на меня произвело впечатление целостность мышления и основательная убежденность офицера в необходимости образования. Как-то совсем естественно в конце нашей короткой беседы он сказал запомнившуюся мне фразу – «Мне нравится высказывание ученого Бруно, сожженного за верность своему учению, – «Невежество – лучшая в мире наука, она дается без труда, не печалит душу». «Лично я, – пишет Иван Иванович, – получил удовольствие от общения с необычным студентом. Мое опасливое отношение к казакам было сильно поколеблено. За неделю нахождения Дутова на лечении я имел возможность неоднократно убедиться в широте его интересов, внутренней гармонии, верности Отечеству и патриотическим идеалам. В дальнейшем я убедился в том, что не ошибся, поскольку у П. (речь идет о Н. Д. Пильчикове, в дневниках Маклецова имеются аббревиатура Н. Д. П., либо просто П., либо Пильчик. – авт.), знавшего студента много лучше моего, сложилось такое же впечатление».

Следующая запись, касающаяся Дутова, появляется через несколько недель. «Виделся с Пильчиком. Он поблагодарил меня за помощь, оказанную студенту Дутову. Я был несколько удивлен – откуда ему известен господин Д. Оказалось, что наш казак принимает участие в опытах Пильчикова по взрывам на расстоянии. Пригласил П. к себе в имение в Березовку – пусть на моем озере опытничают со своими лодочками и взрывами. Хватит майских событий, когда П. по доносу крестьян забрали жандармы, уверенные, что имеют дело с террористами, исследующими разрушительность взрывов. П. с восторгом и свойственным ему юмором рассказал, что Дутов – человек увлекающийся, посещающий все выступления и дискуссии по передовым техникам и наукам, – с okazji попал в студенческий технологический полупулеальный кружок, где рассуждали об отсутствии Бога и необходимости политических изменений в России. Студенты никогда не испытывали особой любви к казакам, и, наверное, чем-то спровоцировали Дутова. Последний встал и сказал: «Послушал я вас, господа и сказать хочу – я вам не протестант какой-нибудь и не революционер. Я – оренбургский православный казак, слуга Царя и Отечества. Я и в морду дать могу». В морду он получил сразу, но кончилась это драка большой потерей для студентов – пару фингалов, выбитые зубы и серьезное кулачное повреждение глаза. Правда,

нашего казачка тоже помяли, но сражение он выиграл. Наш человек! Пока есть такие офицеры – есть кому Россию грудью защищать. Таких студентов не исключать, а, как надлежащий пример, благодарить надо».

Профессор Пильчиков и студент Дутов, как следует из дневниковых записей, были гостями в имении профессора Маклецова Березовке, расположенном в 30 км от Харькова. Сегодня – это санаторий «Березовские Минеральные воды», отпраздновавший в 2007 году 145-ю годовщину своего существования. Сегодня еще существует деревянный 2-ух этажный домик Маклецовых, где собирались гости и где, наверняка, были профессор Пильчиков и студент Дутов (в настоящее время – это музей санатория «Берминводы»).

Из дневника: «Пильчик приехал в сопровождении трех ассистентов – инженеров Гольдмана, Бекаури и студента А. Дутова. До этого телегой были привезены из города приборы. Дутов, вероятно, со свойственной казакам натурой, тут же оседлал гнедого Лешу и понесся по проселочной вокруг озера. Тем временем Гольдман и Бекаури приготовили увеличительные линзы и какие-то еще диковинные приборы на правом, возвышенном берегу Березовского озера. К концу их приготовлений подъехал разгоряченный, восторженный Дутов и помог ставить приборы на уложенные горизонтально доски. Он же на коне вошел в озеро и пустил полтора десятка деревянных корабликов, начиненных порохом. Кораблики потом взрывались как от увеличительных линз, так и от невидимых радиолучей. Это было захватывающее представление... после обеда я присутствовал на обсуждении опытов. Как обосновал П. – использование линз не целесообразно с математической точки зрения, а вот по поводу радиолучей произошла целая дискуссия. Дутов строил планы на использование таких приемов для уничтожения снарядов и пороховых погребов врага как на суше, так и на воде... Гольдман доказывал, что полученные результаты не более, как развлекательные опыты. С мнением Гольдмана не согласился П., доказав, как мне представилось, перспективность для военного дела полученных в опытах результатов. Мне показалось, что Гольдман недолюбливает Дутова, а тот, чувствуя это, отвечает взаимностью. Не могу утверждать, что Дутов противник евреев, но к их вольнодумно-либеральным (я бы даже сказал – революционным) проектам относится если не враждебно, то настороженно. Интересно, что в обед, за застольем, Д. в упор глядя на Гольдмана, перекрестился, обозначил крест на краюхе хлеба и приступил к еде. П. это заметил, ухмыльнулся и тоже перекрестился... интересную фразу мне сказал Д. Он удивлен, что крестьяне поят коров в озере у берега, который хоть и близок к выпасу, но с «плевной водой». На вопрос об объяснении, Д. ответил, что казаки никогда не будут поить коней плевной водой – водой, подернутой на поверхности пленкой. Такая вода – нездоровая. Конь будет слабеть, корова – давать меньше молока и по-

следнее будет горьким, а курица вообще умрет. Утром следующего дня я распорядился набрать подобной озерной воды и напоить петуха, кролика и собаку. Удивительно, но Д. оказался прав – петух и кролик издохли... Надо будет передать воду микробиологам в университет, чтоб поискали соответствующий миазм...»

Нельзя не прокомментировать это замечательное описание. Дутов в начале XX века обратил внимание на «плевную воду», вызывающую болезни. И лишь в конце века ученые обнаружили так называемые бактериальные пленки – естественные колонии бактерий, кооперация которых придает совершенно новые свойства сообществу микроорганизмов, что требует новых антибактериальных медико-биологических подходов.

Последнее упоминание о Дутове отмечено декабрьскими страницами 1921 года: «из газеты узнал, что “революционный меч” настиг врага пролетариата, атамана А. И. Дутова. А я ведь помню этого замечательного человека – человека научного, прямого, честного. Надеюсь, он погиб как подобает защитнику Отечества – в бою...» Иван Иванович не знал, что атаман А. Дутов... был предательски убит чекистскими наемниками... Интересно, что в разработке операции уничтожения А. Дутова участвовали чекисты А. Нахимович и С. Вайнберг – два бывших студента харьковского политеха, – одногодки Дутова, наверняка знавшие его по небольшому периоду (чуть более 4 месяцев) совместной учебы в технологичке.

3. Прикомандирование Дутова к Оренбургскому казачьему юнкерскому училищу в 1908–1909 гг. и подготовка брошюры «Разведка» в 1915 г.

В ходе поисков в фондах РГВИА были обнаружены новые документы, проливающие свет на деятельность Дутова в межвоенный период. До сих пор не было известно об обстоятельствах перевода Дутова в Оренбург, в юнкерское училище. 23 октября 1908 г. штабс-капитан 5-го саперного батальона Дутов писал: «Сегодня, 23 октября, я представлялся генерал-лейтенанту [П. А.] Лайминг, с просьбой о назначении меня на должность помощника инспектора классов в юнкерском училище, на что генерал приказал мне доложить в 4^м отделении о зачислении меня кандидатом на эту должность, на основании имеющегося в управлении моего представления н[ачальни]ка Оренб[ургского] каз[ачьего] юнк[ерского] училища»¹⁰.

Из рапорта начальника училища полковника К. М. Слесарева от 4 ноября 1908 г. следовало, что училище столкнулось с трудностями в приискании «достойного заместителя» должности штатного офицера-преподавателя фортификации. В оренбургском гарнизоне таких специалистов не было, за исключением двух офицеров местной инженерной дистанции¹¹. Между тем, Дутов выразил такое желание. Слесарев

писал о нем в восторженном тоне: «Оренбургский казак и местный уроженец, желает нести службу на месте своей родины, и в данном случае учебная служба в своем казачьем училище более всего отвечает его личным наклонностям.

В ближайшем будущем он предполагает держать испытание на право преподавания фортификации и в случае выдержания такового может быть утвержден штатным преподавателем.

Таким образом, через прикомандирование означенного офицера училище приобретет прочного постоянного преподавателя и через это преподавание фортификации станет на твердые основания.

За прикомандированием штабс-капитана Дутова стоит еще и то обстоятельство, что он, как окончивший академию Генерального штаба, имеет право преподавать некоторые военные предметы, и потому может облегчить службу одного прикомандированного к училищу для этой цели офицера Генерального штаба, обремененного учебной работой до последней степени, трудно выполнимой одним лицом.

На основании изложенного прошу о прикомандировании штабс-капитана Дутова к училищу для преподавания фортификации с конно-саперным делом»¹².

Прикомандирование требовало решения ряда формальностей. В частности, необходимо было запросить штаб Киевского военного округа, Главное военно-инженерное управление и штаб 3-й саперной бригады на предмет того, не встречается ли с их стороны препятствий. Бюрократические процедуры затянулись. Дутов числился во временной командировке при училище с 13 января 1909 г., а переведен в училище только 24 сентября 1909 г. На новом месте он занимался в том числе приемом вступительных экзаменов¹³.

По аттестации начальника училища, данной 3 сентября 1909 г., Дутов «к службе относится ревностно, очень дорожит местом службы в г. Оренбурге; аккуратен, исполнительен, с обязанностями помощника инспектора классов и инспектора классов (вр. исправляет эту должность) ознакомлен.

Пользуется отличным здоровьем, физически очень крепок, ездит верхом хорошо и неутомимо; характер имеет общительный, живой и энергичный. Умственно развит очень хорошо.

Нравственности безупречной, вполне трезвый, отличный семьянин. Хороший»¹⁴. Жалованье Дутова составляло 780 руб., 1050 руб. преподавательских и 217 руб. 50 коп. квартирных в год¹⁵. В краткой записке о службе Дутова упомянута его дочь Мария, родившаяся 2 мая 1905 г. и, очевидно, умершая во младенчестве¹⁶.

6 сентября 1909 г. военный министр генерал В. А. Сухомлинов лично выяснял вопрос, «поступило ли представление о назначении помощником инспектора классов Оренбургского юнкерского казачьего училища

шт[абс]-кап[итана] Дутова?»¹⁷ Характерный штрих к вопросу о том, чем занималось высшее военное руководство Российской империи.

Конкурентом Дутова в борьбе за должность был штабс-капитан 4-й артиллерийской бригады Протопопов¹⁸. Однако место досталось не ему. 24 сентября 1909 г. Высочайшим приказом помощником инспектора классов училища был назначен Дутов¹⁹.

Еще одна находка связана с изданием Дутовым в 1915 г. брошюры «Разведка». Составив брошюру, посвященную войсковой конной разведке, будущий атаман в мае 1915 г. представил ее на рассмотрение в качестве учебного пособия для кавалерийских и казачьих училищ. Полное название было следующим: «Разведка. Лекции, читанные в Оренбургском казачьем училище помощником инспектора классов» (1915. Цена 50 коп.)²⁰.

Брошюра включала 31 страницу в 1/8 листа с приложением 17 литографированных схем. По мнению бывшего начальника штаба Оренбургского казачьего войска, генерала для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений (ГУВУЗ) генерал-лейтенанта М. И. Гончаренко, Дутов «справедливо в своем предисловии не претендует на самостоятельный труд и составил свою брошюру исключительно для ускоренных выпусков.

Общее впечатление от брошюры: составлена старательно, но не талантливо и недостаточно систематически, редакция в[о] многих местах не отличается ясностью, выразительностью, слог местами требует исправлений.

Издана брошюра нетщательно: очень много опечаток и в некоторых местах, по-видимому, и грамматических ошибок...

Тем не менее, брошюру можно признать удовлетворительной и полезной для ускоренных выпусков.

Я бы считал правильным – отнести эту брошюру к разряду допускаемых, а не рекомендуемых»²¹.

Рецензенты также сочли возможным допустить использование брошюры в Оренбургском казачьем училище, «но не расширять круга обращения ее в прочих кавалерийских и казачьих училищах»²². Тем не менее, 17 января 1917 г. брошюра Дутова была рекомендована ГУВУЗом для эскадронных и сотенных библиотек кавалерийских и казачьих училищ.

4. Дутов и украинский вопрос в 1917 г.

Казалось бы, украинский вопрос прямого отношения к деятельности А. И. Дутова не имеет. Тем не менее, фрагмент статьи известного кубанского политического деятеля, активного проводника идей казачьего сепаратизма П. Л. Макаренко из журнала «Вольное казачество» позволил осветить этот вопрос применительно к периоду председательства Дутова на 2-м общеказачьем съезде в июне 1917 г.

* * *

Начало работ казачьего съезда совпало с выпуском Украинской Центральной Радой 1-го своего Универсала, провозгласившего территориальную автономию Украины с оставлением ее в составе Российской республики. Этот Универсал вызвал тогда бурю негодования в среде русских партий.

Вопрос об отношении к провозглашенной территориальной автономии Украины, по инициативе **А. Дутова**²³ неожиданно был поставлен на обсуждение в президиуме съезда. Президиум Съезда в этом вопросе моментально разделился на две, далеко не равные, части. Представители всех казачьих войск подали голоса за осуждение деятельности Украинской Центральной Рады и за оказание моральной поддержки Временному правительству в его борьбе против автономных устремлений Укр[аинской] Центр[альной] Рады, и только кубанец **П. Макаренко** самым решительным образом высказался против каких бы то ни было осуждений Укр[аинской] Центр[альной] Рады, тем более, что казачий съезд в своей резолюции по земельному вопросу высказался, по меньшей мере, тоже за территориальную автономию для казачьих войск.

Несмотря на этот протест, в президиуме была наскоро составлена и на пленарном заседании съезда оглашена нижеследующая резолюция:

«Всероссийский Учредительный казачий съезд вынес уже резолюцию о неделимой демократической республике, как единственно правильном образе правления в государстве Российском, и полагает, что отделение Украины нарушает целостность государства и в настоящее трудное время еще более усугубляет бремя государственного строительства²⁴. Поэтому съезд заявляет, что он решительно поддержит Временное правительство в его распоряжениях, касающихся «универсала», изданного Украинской Радой».

Почти во всех столичных газетах, кроме большевистской «Правды», на другой день появилась эта резолюция с добавлением, что эта резолюция на съезде была «встречена шумными аплодисментами всех членов съезда, **за исключением представителей Кубанского войска**» (например, газета «Русское слово» № 138, за 20 июня /3 июля/ 1917 г.).

В действительности произошло следующее: когда проект этой резолюции, несмотря на настойчивые возражения представителя кубанцев, был одобрен для внесения на пленум съезда, П. Макаренко немедленно направился к кубанской делегации (пленарные заседания происходили в большом зале здания Армии и Флота; там же, в одной из комнат позади стола президиума происходили совещания президиума съезда), собрал ее членов в стороне, отдельно от делегатов иных войск, и доложил им о том, что президиум собирается предложить вышеприведенную резолюцию на обсуждение съезда; здесь же происшедший обмен

мнений между членами кубанской делегации показал, что большинство кубанцев высказывается самым решительным образом против постановки и обсуждения вопроса об осуждении деятельности Украинской Центральной Рады, незначительное же меньшинство, по-видимому, колебалось и молчало.

После этого П. Макаренко немедленно обратился к председателю съезда А. И. Дутову с просьбой не поднимать этого спорного вопроса на съезде и указал на отношение кубанцев к этому вопросу. Несмотря на это, заседание съезда было открыто и резолюция доложена, действительно вызвав шумные аплодисменты большинства членов съезда и гробовое молчание среди кубанских делегатов. Тогда заместитель председателя съезда **П. Макаренко** настоял перед председателем **А. Дутовым** на объявлении перерыва, чтобы дать возможность кубанцам обсудить создавшееся для них на съезде положение.

Перерыв был объявлен. Коротко обсудив вопрос, кубанская делегация постановила: предложить съезду снять этот вопрос совсем и, в случае не принятия съездом этого предложения, объявить съезду, что кубанская делегация совсем покидает съезд и уезжает на Кубань.

После возобновления пленарного заседания, **П. Макаренко** сделал на съезде вышеизложенное предложение кубанской делегации. После этого председатель **А. И. Дутов** заявил, что в виду протеста кубанцев, зачитанная уже резолюция снимается с обсуждения. Однако русская печать умолчала этот факт, хотя представители русской прессы слышали и видели все происшедшее.

Все же казачий съезд, правда, не путем голосования, а дружными аплодисментами большинства осудил тогда факт провозглашения территориальной автономии Украины.

Макаренко П. Учредительный казачий съезд (по поводу двадцатилетия: 1917–1937) // Вольное казачество (Париж). 1937. Август. №226–227. С. 14.

5. Фрагмент «Донесения о белогвардейских бандах» от 25 августа 1918 г., направленного в секретариат ЦК РКП(б) большевиком С. Д. Поповым с информацией о покушении на Дутова в Челябинске

25-го или 24-го июля был некто бандит Дутов, который ехал в Омск, ехал он экстренным поездом и его сопровождали три вагона казаков. Буржуи ему устроили обед на вокзале и встречали его с хлебом и солью, и была музыка, которая часто играла «Боже, царя храни»²⁵, был выставлен почетный караул и из офицеров и казаков. Сам он одет в пальто как гимназисты, но погоны с вензелями Н[иколай] 2-й²⁶ и эксельбанты²⁷, ему отвечали высоко-превосходительство²⁸. Поезд был с двумя паровозами и стоял часов 8 или больше, когда народ увидел такие ответы, то все заволновались, даже сам почетный караул пришел в

недоумение, а когда это все прошло, то стало волнение, то чехи приказали разойтись и после этого началась вражда у народа с чешскими бандами. Дутов посетил правление Челябинска, нами были посланы люди его убить, но в него не попали, а в вагоны с казаками, но жить ему всего еще осталось трое суток.

РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.55. Л.15. Машинопись.

6.   Статья «Под властью Дутова». 1919 г.

У противника
Под властью Дутова

В редакцию с Восточного фронта доставлено несколько документов. Строки печатных плакатов, строки, переписанные на пишущей машинке, набросанные от руки, читаются с острым интересом, – они написаны и напечатаны по ту сторону фронта, в местах, где держится власть Дутова.

Разновременно происхождение этих документов, различны поводы, вызывающие их появление, разнообразен их характер. Это только обрывки жизни, зафиксированные на бумаге. Но и по этим отдельным клочкам без труда можно воссоздать картину жизни в дутовском стане – в Оренбургском краю.

* * *

Пространная отпечатанная в Оренбурге «Декларация, принятая единогласно чрезвычайным съездом 1 округа Оренбургского казачьего войска 3 августа 1918 года». Это – целая политическая программа, намечающая ряд конкретных мероприятий во всех областях государственной жизни. Составляли ее люди, несомненно, руководствовавшиеся тонким расчетом, составляли с целью заманчивыми обещаниями, громкими словами подействовать на малосознательную массу казачества.

Боясь, «чтобы не заподозрили казака в чуждой ему контрреволюции», подчеркивая приверженность казачества «социалистическому принципу», авторы декларации не могли все же затушевать своих контрреволюционных стремлений.

Обещая «скорейший переход» в руки трудового крестьянства земель казенных, удельных и т. д. «без всякого со стороны крестьянства вознаграждения» Декларация добавляет:

«Государство же должно произвести отчуждение земель на условиях, не нарушающих экономических интересов страны и обеспечивающих дальнейшее существование собственников до приспособления их к трудовой жизни».

Кому в конечном итоге придется расплачиваться за эту статью государственного расхода – декларация умалчивает.

Пугая крестьян и рабочих призраком «экономического закабаления» России Германией, авторы Декларации пишут:

«Мы с крестьянами и рабочими свои боевые силы должны соединить с нашими союзниками, начав борьбу с большевиками и, стало быть, с Германией, поддерживающей большевиков своими подкреплениями – немцами и мадьярами».

Эта басня о германской поддержке большевиков заканчивается фразой, несколько не желающей считаться с историческими фактами и противопоставляющей «союзные демократические государства» «самодержавным императорам Германии, Австрии и Турции». Темная казачья масса поверит и на слово!

* * *

О том, как проводится при разрешении аграрного вопроса в «Дутовщине» «социалистический принцип», может поведать «Обязательное постановление №2 о праве и порядке пользования землею на 1918–1919 года на территории Оренбургского казачьего войска, 22-го августа 1918 года». Постановление это, подписанное Дутовым в качестве председателя Войскового правительства и членами этого правительства, устанавливает такой порядок пользования *частновладельческими и монастырскими* (курсив документа – прим. публ.) землями:

«Необходимое число десятин по соглашению со станичным правлением оставляется владельцам для своей обработки...»

И далее:

«За земли, взятые на учет станичными правлениями и отданные для пользования населению, должна быть установлена арендная плата по соглашению арендатора с владельцем участка».

Крупным землевладельцам предоставляется «на законном основании» обирать окрестное население.

Казачи разбегаются с фронта

Об этом свидетельствует «Приказ войскам Юго-Западной армии», №123. 8 декабря 1918 г., г. Оренбург (по управлению дежурного генерала).

Приказ, подписанный командующим армией ген[ерал]-лейтенантом Дутовым, гласит:

«В видах пресечения возможности самовольных отлучек казаков с фронта в станицы предписываю, в дополнение приказа войскам армии с.г. № 46 § 3, всех казаков, увольняемых в отпуск, а также и получающих командировки в станицы, обязать немедленно по прибытии туда являться станичным атаманам.

Справка: Рапорт главного начальника Оренбургского военного округа от 5 декабря с.г. №287».

Не помогают, очевидно, и те подачки, которыми белогвардейцы пытаются поддержать падающий дух армии.

Так, окружное правление 1-го округа Оренбургского казачьего войска 15 января с. г.²⁹ разослало атаманам станиц 1-го округа предложение о выполнении постановления окружного съезда 1-го округа от 31 декабря 1918 г. за № 5 § 4 следующего содержания:

«Обязать станичные общества крайне нуждающимся семьям, главы коих убиты в войне с большевиками, выдавать пенсию и пособие по существующим законоположениям из общественных сумм впредь до ассигнования этих пенсий и пособий от казны и войска, доводя об этих выдачах до сведения окружного правления на предмет возврата выданных из общественных сумм ссуд по получении кредита».

* * *

Загаенные надежды дутовщины раскрывает документ, с военными действиями и политикой, казалось бы, общего ничего не имеющий.

Это – определение оренбургского епархиального начальства от 11 июля 1918 г. за № 4892 о расторжении брака супругов Масякиных.

Подписанное членом консистории, секретарем, столоначальником, оно начинается словами:

«Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, из оренбургской духовной консистории священнику Покровской церкви, пос. Михайловского Актюбинского уезда.

По указу его императорского величества оренбургское епархиальное начальство, рассмотрев дело о расторжении брака...» и т. д.

Последний Романов – в могиле. И во всяком случае давным-давно не на троне. А оренбургская консистория все еще действует его именем. Поистине по французской поговорке: «Мертвый хватает живого».

* * *

Пышная фраза декларации оренбургского казачьего съезда «казачество не допускает и мысли о восстановлении когда-либо царей, хотя бы и с самой ограниченной властью», – это для других, кого можно и надо обманывать.

«По указу его императорского величества» – это для себя.

Так работают Дутов и его сподвижники.

Не замечая того, что история уже подписала им смертный приговор, что дни их власти уже сочтены.

Под властью Дутова // Известия народного комиссариата по военным делам (Москва). 1919. № 54. 15 марта. С. 5.

7. **Рапорт Дутова Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку от 24 января 1919 г.**

Рапорт А. И. Дутова Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку от 24 января 1919 г., обнаруженный нами в виде копии в коллекции начальника штаба Дутова генерала А. Н. Вагина в собрании музея русской культуры в Сан-Франциско, представляет собой документ исключительной ценности. В этом рапорте оренбургский атаман по должности командующего армией оправдывается перед Колчаком за оставление Оренбурга.

На протяжении всего рапорта Дутов фактически перечисляет различные недостатки своей армии и те трудности, с которыми пришлось столкнуться. Атаман жаловался на отсутствие обещанных ему пехотных пополнений, – при том, что армия была, в основном, конной, а зимой возможности для действий конницы были ограниченными. Отмечал он и то, что с оставлением белыми ряда станиц из армии начали дезертировать и казаки – выходцы из этих станиц. Дутов негативно отзывался о казаках-фронтовиках, не желавших воевать. Беспокоила Дутова некомпетентность казачьего офицерства, в том числе героев партизанского периода борьбы – заслуженных повстанческих вожаков, которые показали свою неспособность руководить войсками, когда наступил период строительства регулярных вооруженных сил. Упоминает оренбургский атаман и предательство башкирского лидера А.-З. Валидова, по приказу которого башкирские части обнажили фронт. Еще одной причиной неудач Дутов видит упразднение единого командования уральскими и оренбургскими частями, произошедшее в конце 1918 г. в связи с расформированием Юго-Западной армии и созданием из нее Отдельных Оренбургской и Уральской армий. Несогласованностью отличались и действия соседней Западной армии, в связи с чем Дутов призывал к созданию единого фронтового командования.

Завершалось письмо характерными для Дутова демагогическими заявлениями о том, что по итогам борьбы с большевиками Оренбургское войско станет нерушимым. Что удивительно, в самом конце следовало перечисление стратегических ошибок, которые, по мнению Дутова, были им совершены. Среди них есть и поразительное самообвинение в связи политики со стратегией, что, казалось бы, вполне естественно для Гражданской войны. Тем не менее, документ вполне характеризует уровень мышления оренбургского атамана, волею судеб оказавшегося во главе антибольшевистского движения на Южном Урале.

Документ представляет собой незаверенную машинописную копию. Никаких данных о том, был ли он отправлен и получен адресатом, какова была реакция Колчака, обнаружить не удалось. Тем не менее, сам по себе этот рапорт привносит новые штрихи в картину жизни и деятельности Дутова и истории Гражданской войны на Южном Урале.

Командующий
Отдельной Оренбургской
армией и
Войсковой атаман
Оренбургского казач[ьего] войска.
24 января 1919 г.
№....
Ст[аница] Верхне-Озерная

Копия
Верховному главнокомандующему

Рапорт

21 января г. Оренбург после возможной эвакуации без боя занят красными.

В настоящее время части противника занимают ст.ст.³⁰ Сакмарскую, Нежинскую, Каменно-Озерную, выставив, таким образом, заслон для прикрытия Оренбурга. Из представляемых сводок, телеграфных донесений в Ставку было видно, что противник действовал по строго определенному и заранее согласованному плану:

После взятия Уфы, пользуясь железной дорогой, красные сосредоточили ударную группу сильного состава на своем правом фланге, взяли Стерлитамак и повели наступление на Оренбург с трех сторон: с севера – со стороны Стерлитамака, с запада – со стороны Бузулука и с юга – со стороны Актюбинска. Наступление с севера имело район в виде треугольника, вершиной которого был Стерлитамак, основанием – линия Орской железной дороги Саракташ – Сакмарская. С запада красные наступали в четырех группах: 1) вдоль реки Дема, 2) вдоль р.р. Б. и М. Чуран, 3) по железной дороге и 4) в разрез армий Оренбургской и Уральской, примерно, по разграничительной линии. С юга наступление велось двумя колоннами: 1) по правому берегу р. Илека, 2) вдоль Ташкентской железной дороги.

Противник имел во всех колоннах только пехоту с большим числом орудий, не исключая и тяжелой артиллерии, число пулеметов было громадно. Конницы на всех направлениях у красных было не более трех тысяч. Количество пехоты, наступающей с севера, определяется в 8–10 тысяч, с запада – до 5 тысяч и с юга – до 8-ми тысяч человек, по моим выводам всего на Оренбург наступало от 20 до 25 тысяч человек пехоты, около 3-х тысяч конницы, до 250 пулеметов, преимущественно Максима и до 100 орудий легких и 15–20 тяжелых. Вся пехота имела для передвижения сани, запряженные парой лошадей.

Со своей стороны я мог выставить 9-ю Башкирскую дивизию из 4-х пехотных полков, силою в начале операции до 2000 штыков при 2-х легких орудиях, 2-ю стрелковую дивизию из 4-х полков силою в 1200 человек при 4-х легких орудиях, 5-ю стрелковую дивизию из 4-х полков силою до 850 штыков при 4-х легких орудиях; Атаманский стрелковый полк в 300 штыков, Степной партизанский отряд в 140 штыков, пластунские казачьи части около 1000 штыков, 11-й Бузулукский пехотный³¹ полк в 280 штыков, всего пехоты в начале операции было около 5 1/2 тысяч штыков при 72 пулеметах и 32 орудиях легких и гаубичных³², тяжелая артиллерия в бою участия не принимала за неимением снарядов, о чем уже два месяца тому назад доносилось в Ставку. Конницы было более, чем достаточно: три казачьих дивизии, 2 кавалерийских малочисленных полка, два казачьих полка, не приданных дивизии и Атаманский конный дивизион, всего конницы было 17 полков, силою в 10 200 сабель при 60-ти пулеметах.

Всего армия в составе I-го Оренбургского казачьего и 4 [Оренбургского] армейского³³ корпусов располагала к началу операции пехотой

5500 штыков, 10 500 сабель [при] 140 пулеметах и 32 орудиях, не считая команд специальных войск и особых мелких частей. Фронт армии около 500 верст, по линии р. Б. Ик, Спасское, Чебеньки, Аскарينو, Якупово, Юзеево, Романовка, Исянгулово, Гумерова, Балейка, Ново-Сергиевская, Черепаново, Калугино, Илецкая Защита, хут. Высокий, Харьковский, вдоль железной дороги на Ташкент и севернее Актюбинска 15 верст.

На таком фронте стояли указанные выше войска, имея в том числе и армейский резерв.

Армейский резерв состоял из 2-х казачьих полков, Атаманского дивизиона, 11-го Бузулукского полка и одной разведывательной сотни, всего 280 штыков, 2200 сабель и 2-х легких орудий.

Наступление противника развивалось очень быстро, энергично, и удары были направлены на Орскую железную дорогу с целью ее перерезать, и с юга на Оренбург. Бузулукская группа нажимала слабо. С первых же дней операции части, будучи малочисленны и разбросаны на огромном фронте, были разобщены между собою и сразу же начал расходоваться армейский резерв с целью закрывать прорывы.

Пришлось, обороняясь на Бузулукском направлении, все силы сосредоточить к Илецкой защите с целью взять ее; когда же эта операция получила затяжной характер и обнаружилась сильная угроза Орской железной дороге, пришлось перейти к обороне и на этом участке, перебрасывая спешно войска на Орскую дорогу.

Части снимались с боя и, иногда переходя по 80 верст в сутки при 30° морозе, шли опять в бой.

Была большая убыль, как от боев, так и от мороза, донесения становились все тревожнее. Началась спешная эвакуация Оренбурга и нужно было во что бы то ни стало сохранить Орскую железную дорогу. Все усилия были направлены на север. К дню оставления Оренбурга части были совершенно не боеспособны; так 11-й Бузулукский пехотный полк имел у себя в рядах 35 штыков, 5-я стрелковая дивизия – около 250 штыков, 2-я стрелковая – около 800 штыков, Степной партизанский отряд – 19 человек и т. д. Казачьи полки дошли до 120–150 сабель. Артиллерия едва-едва могла везти орудия – не было прислуги. Удар противника в разрез между Оренбургским и Уральским казачьими войсками с занятием нижних станиц окончательно внес разложение в армию. Казаки бросились в свои станицы, и полки обезлюдели. Большевическая³⁴ пропаганда велась все время, и особенно подчеркивалось, что казаков не тронут, дома жечь не будут, и что казаки будут автономны. Все это в связи с четырехлетней войной и одиночеством в борьбе сказало, и полки развалились. Мною были предприняты все возможные меры: и разоружение, и расстрелы, и порка, но ничто не могло остановить какого-то стихийного помешательства. Так, например, 1-й Орен-

бургский казачий полк имеет около 120 шашек, полк состоит преимущественно из молодых казаков; полк вышел в боевую линию, имея 980 шашек, и в течение 3-х месяцев не выходил из боя, сражаясь, главным образом, пешком. 16-й Карагайский казачий полк, сформированный в мае месяце, ни разу не отдыхал, сделав с боями непрерывно несколько тысяч верст, начав бои под Верхнеуральском, преследовал противника через Уфимскую губернию до ст. Иглино, оттуда был переброшен в Оренбург, и из вагонов отправился в бой в конце сентября и с того времени ни разу не выходил из боя.

Мною неоднократно доносилось в Ставку, как генералу Болдыреву, так и Вам, что у меня почти исключительно конная армия, и что для зимних операций она мало пригодна, так как полки связаны лошадьми, и что в бою участвует только половина, так как конных атак почти не было, а наблюдались исключительно пешие бои.

Помощь пехотой мне была обещана еще в сентябре, и, затем, представлена войска полковник Анисимов доносил, что нам в армию предназначались сначала французские части, потом английские, потом чешские, и, наконец, сибирские. Но в силу постоянно менявшейся политической обстановки таковая помощь оказана быть не могла: сначала ликвидация Комуча, потом распад Директории, падение Уфы и события в Омске в связи с семеновской автономией окончательно сделали присылку помощи вопросом времени и долгого времени. Я отлично учитывал это обстоятельство и принимал меры к выигрышу времени, создав три линии укрепленных позиций вокруг Оренбурга, которые, к сожалению, не были совершенно использованы войсками, проходившими их без боя и остановки в виду развала и неспособности части командного состава³⁵. Касаясь здесь командного состава, главным образом, казачьих частей, с грустью должен доложить, что почти половина его оказалась непригодной к занимаемым должностям. Я был до известной степени связан в деле назначения офицеров, как постановлениями окружных съездов, так отчасти и Войсковым Кругом, ибо были выдвинуты на высокие посты люди, оказавшие большие услуги войску в момент восстания и когда не было правильной войны, а боевые действия имели характер случайный, партизанский, части не имели организации и отчетности. При ведении же настоящей войны, подчас герои, офицеры оказались никуда не годными администраторами, а еще хуже тактиками. 3/4 командного состава – офицеры ускоренных выпусков со слабой подготовкой и почти без всякого образования, кругозор их невелик. Не могу скрыть и того обстоятельства, что часть офицеров, пережив³⁶ революцию, забыла причины пропасти между рядовым и командиром и круто приняла дисциплину старого порядка, чем вызвала в казаках недоумение; другая часть совсем распустила вожжи, пьянствовала и совершенно не заботилась о хозяйстве и быте сотни и полка. Я боролся жестоко с этими явлениями, было порядочно разжаловано, по-

рядочно офицеров переведено в строй рядовыми, много смещено, гауптвахта всегда имела двойной комплект обитателей, и, тем не менее, распушенность сократилась, но не прекратилась. Три офицера были расстреляны за безобразия, но офицерство как-то не реагировало на это, живя только сегодняшним днем.

В виду того, что существовали правительства Алаш-Орды и Башкурдистана, которые имели свои национальные войска и производили офицеров даже через чин, платили им большое жалованье, – замечалась тяга офицеров в эти части. Попав в эти части, офицеры в большинстве случаев являлись лишь игрушкой в политической борьбе родов и партий этих народов.

Г[осподи]н Валидов, начальник военного отдела Башкирии, совершил тягчайшее государственное преступление во время этой операции. О преступных действиях Валидова мною уже доносилось раньше; ныне же этот гражданин, в разгар самых тяжелых боев в районе Дедово-Исаево, прислал приказ всей 9-ой Башкирской дивизии немедленно перейти в район Разномойка – Ташла – Мраково, чем совершенно открыл фронт на Оренбург. Преследуя узкие национальные и личные цели, Валидов поставил всю армию в неприятно-тяжелое положение, и мне едва-едва удалось заполнить прорыв измученным донельзя 14-м казачьим полком, только что вышедшим из боя. Мною начальник Башкирской дивизии и его на[чальник] шта[ба] див[изии] отстранены от должностей. Мною посланы телеграммы в Ставку о Башкурдистане.

Прошу еще раз дать мне пополнения или запасных сибирских полков для пехотных частей. Несмотря на просьбы, мне до сего времени не разрешена мобилизация уездов Орского и Актюбинского, почему я не мог приготовить соответствующих пополнений, имея прекрасные боевые кадры: было бы желательным ускорить разрешение на мобилизацию указанных уездов.

Считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству, что дело³⁷ управления армией и выполнения директив Ставки, а также задач, возникающих согласно обстановке, сильно затрудняется несогласованностью фронтов отдельных армий. Выделение Уральской армии в отдельную есть одна из причин катастрофы, ибо как бы ни была сепаратна Уральская армия, я все-таки имел возможность координировать действия, группировать резервы и преследовать общую цель; с момента же выделения Уральской армии получились сразу несогласованные действия. Уральская же армия целиком зависела от работы Оренбургской, так как база уральцев был Оренбург, а военная дорога проходила вдоль линии фронта вверенной мне армии.

Западная армия действовала тоже самостоятельно и, когда с падением Уфы, образовался стоверстный прорыв, то я должен был занять Стерлитамак и хотя [бы] на первое время обеспечить себя с севера, что

растянуло фронт армии слишком³⁸ на сотню верст. Было бы очень важным иметь один фронт – Западная, Оренбургская и Уральская армии – тогда получилась бы большая согласованность работы.

Я без ужаса сейчас не могу думать о тяжелом, почти безвыходном, положении уральцев и одна из главных целей моих ближайших операций – выручка уральцев.

Должен также доложить, что во время всех военных операций нарушается основной принцип военной науки – стратегия и политика согласуется так: до войны политика диктует стратегии, во время ее – обратно. У нас же все операции зависели от политики. Я должен был считаться с политикой Башкирии и перебросить всю пехоту башкир с Актюбинского фронта на северный участок в пределы Башкирии; это было первое изменение боевого распоряжения в зависимости от политики. Заговор в Оренбурге и события в Омске отразились и на фронте. Я принужден был в Оренбурге держать надежные части в ущерб фронту. Крайне враждебное настроение крестьян, зачастую стрелявших в войска при проходе деревни, отнимало силы для тыловой службы. Настроение городских низов было не на нашей стороне, и это заставляло дробить внимание и учитывать иногда важность тыла в ущерб боевой линии.

Недостаток оружия не позволил в полной мере использовать запасные казачьи части, а полная изношенность материальной части артиллерии вывела из строя 50% орудий в разгаре боев под Оренбургом. Об этом инсп[ектор] арт[иллерии] арм[ии] доносил в Ставку.

Мною была произведена мобилизация до 55 лет казачьего населения первого округа, давшая в 24 часа около 4-х полков с прекрасным духом, но неприбытие 12 000 обещанных винтовок заставило распустить часть полков. Настроение казаков таково: молодые, призванные на действительную службу, – элемент вполне надежный, старики от 40 и выше лет – прекрасны, горят желанием сражаться, середина – фронтовики, большей частью, элемент скверный, особенно первого округа нижних станиц и станиц вдоль Самарской железной дороги, распропагандированных³⁹ еще на фронте во время революции; они и составляют заразу частей. Во время ведения этой операции дезертиры-фронтовики-казаки внесли панику в станицы и, несмотря на жестокие меры, пришлось считаться с тылом. Были случаи, что казаки-артиллеристы выпрягали упряжных лошадей и уезжали в свои станицы.

Наряду с этим 16-й Карагайский моего имени полк, Атаманский дивизион и полки 9-й и 10-й Оренбургские казачьи доблестно и беззаветно несут свою службу и еще теснее сплачивают свои ряды на защиту Родины и войска.

Остатки пехотных частей выше похвалы. Часть станиц, как, например, Краснохолмская, совершенно большевические⁴⁰, и, в то же время, есть

станции, целиком выселившиеся и вставшие в ряды войска поголовно. Бедствия, каковые терпит Оренбургское казачье войско, неисчислимы.

Паника тыла оказала сильное влияние на армию; тяга домой увеличилась, особенно при проходе через свои станции.

Нахождение Войскового правительства в Оренбурге со всеми его учреждениями сильно сказалось на ведении операций, и в то же время нельзя было его перевести, ибо это влияло на настроение войска. Гражданская война вносит свои требования в ведение войны, и поэтому приходится многое делать не так, как бы требовалось наукой.

Излагая и донося обо всем происшедшем, считаю долгом доложить, что как Войсковое правительство, так и большинство, вернее, 75% Оренбургского казачьего войска, будут вести войну до конца, дадут огромное напряжение, но восстановят положение и разобьют врага. Я, как командующий армией и атаман, совершенно спокоен, и только это новое несчастье окончательно скует казачество неразрывными узами братства всех станиц и округов и сделает Оренбургское казачье войско нерушимым.

В настоящее время мною и чинами штаба армии предпринято все к восстановлению фронта и порядка, и я уверен, что все это будет сделано в самый короткий срок.

Доложив все об операции под г. Оренбургом, для полного освещения дела ясно вижу свои стратегические ошибки:

1) Во-первых, до самого конца верил в стойкость всех казачьих станиц и твердость фронта, что заставило меня медлить с эвакуацией. Хотя никаких трофеев в руки противника не отдано и все вывезено, тем не менее, эвакуация носила спешный характер.

2) Веря в доблесть всех полков и их командиров, предпринял операции под Илецкой Защитой с целью ее взятия, рассчитывая взять ее и тогда уже, окончательно прервав Туркестан, обрушиться всеми силами на север.

Полки под Илецкой Защитой действовали вразброд и вяло, и операция приняла затяжной характер, и я потерял три дня.

3) Недостаточно сурово проводил требование иметь частные сильные резервы со стороны командиров корпусов.

4) Допустил пребывание штаба армии в линии боевого расположения и оперативную часть штаба вывел из города в момент вхождения в него красных, что отразилось на связи (таковое решение было для предотвращения паники в городе и тыловых учреждениях).

5) Сразу израсходовал свой и без того слабый резерв, спасая Орскую дорогу.

6) Участвуя сам в политике, невольно политическую обстановку связал с[о] стратегией.

Генерал-лейтенант

Музей русской культуры в Сан-Франциско.

Коллекция А. Н. Вагина. Незаверенная машинописная копия.

8. Идентификация персоналий на фотографии банкета в Троицке с участием Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и А. И. Дутова.

Письмо от потомка участника событий Р. В. Шкоды и присланные им в качестве подтверждения фотографии из семейного архива позволили установить прежде неизвестных лиц на опубликованной в книге о Дутове фотографии банкета в Троицке с участием Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, что расширяет представления о круге общения атамана: «На фотографии 1919 года между фигурами Дутова и Колчака стоит (слегка облокотившись на спинку стула Дутова) мой прадед Петр Евдокимович Степанов (1872–1926), а рядом с ним (левее него) – моя прабабушка, Софья Васильевна Степанова (Лавровская). Высылаю вам несколько фотографий, подтверждающих этот вывод... П. Е. Степанов был одним из крупнейших предпринимателей тогдашнего Троицка, имел большой, сохранившийся до нашего времени, дом, автомобиль (есть фото автомобиля); был председателем различных обществ города. После революции и гражданской войны остался в России... справа от прадеда стоит женщина в белой одежде и черной шапочке. Это – М. Яушева, жена одного из богатейших людей Троицка».

9. Неизвестные письма Дутова на Юг России. Лето 1919 г.

Документ 1

Письмо Дутова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 23 июля 1919 г.

Летом 1919 г. Дутов в своих политических играх решил активизировать контакты с белым Югом. Возможно, он пытался сделать ставку на более успешного в борьбе с большевиками главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала А. И. Деникина с очевидной целью не опоздать к дележу пирога после победы белых. Как и во многих других случаях, атаман не гнушался откровенно лгать, стремясь произвести впечатление на Деникина. Отметим, что написание подобных писем главе союзного Колчаку фронта, да еще с критикой колчаковской стратегии, выходило за пределы компетенции Дутова с тех пор, как он добровольно подчинился Верховному правителю. Тем не менее, общероссийские политические амбиции у атамана остались. К сожалению, первый документ сохранился не полностью – отсутствует окончание письма, причем, судя по резолюции генерала П. А. Кусонского и других штабных работников, пропажа произошла еще в 1919 г. Штабом главкома ВСЮР письмо было получено лишь в декабре 1919 г., когда актуальность его утратилась. Тем не менее, для историков этот сохранившийся отрывочно документ представляет интерес.

Походный атаман
всех
казачьих войск и
генерал-инспектор
кавалерии
русской армии
23 июля 1919 г.
№ 2662
Ставка.
гор. Хабаровск

Копия
С[овершенно] Секретно

Его Высокопревосходительству
генерал от инфантерии⁴¹ А.И. Деникину –
главнокомандующему русскими войсками
Юга России⁴²

Ваше Высокопревосходительство
глубокоуважаемый Антон Иванович

Приказом Верховного правителя я командирован на Дальний Восток, отчасти для улаживания казачьих вопросов, отчасти для укрепления порядка и власти и отчасти для инспекции воинских частей. Вот почему я пишу из г. Хабаровска. Считаю чрезвычайно важным доложить Вам о положении дел Сибири я, хотя и предполагаю запоздалость моих донесений, все же это делаю ради полного освещения дел.

Податель сего письма войсковой старшина Солянский служит у меня в штабе недавно, почему я не считаю возможным поручить ему мое представительство у Вас, но как прекрасного боевого храброго офицера-партизана, командирую курьером.

Буду докладывать по порядку.

І. Военный обзор

Положение армий Восточного фронта критическое, но не безнадежное. Начну доклад издалека. Еще в ноябре месяце 1918 г., когда был у меня проездом генерал [А. Н.] Гришин-Алмазов, я предлагал для общих операций план следующего содержания: обратить внимание на левый фланг – район Оренбург – Самара – Уральск – Саратов. Усилить здесь войска, сосредоточить резервы, войдя с Вами в связь, начать весеннюю кампанию в этом направлении, на предмет соединения с Вашей армией.

Выгодами этого плана я выставлял:

- 1) Соединение с Вами, физическое единство фронта.
- 2) Приобретение Вас, Вашего штаба, офицеров Генштаба и др. солидных кадровых офицеров, чего у нас очень мало.
- 3) Огромное поднятие настроения в обществе, в наших и Ваших армиях при соединении, использование этого энтузиазма в целях быстрого наступления.
- 4) Приобретение бассейна Волги.
- 5) Полной изоляции Советской России от всех источников питания и снабжения.
- 6) Чисто русское начало движения на Москву, торжество русского духа без участия союзных войск.
- 7) Соединение Юга с Востоком, приобретение лучших людей для образования Совета министров, ибо у Вас вся русская мыслящая интеллигенция и все имена.

8) Разрешение реально вопроса о конструкции власти и пресечение всех споров о таковой и успокоение общества в смысле единства командования, единства власти и целостности Руси.

9) База и военная дорога армий проходила бы через мое и Уральское войско, т. е. по территории крепкой духом, не зараженной большевизмом казачьей земле. И хотя нам было бы и тяжело, но мы охотно брали на себя все устройство и охрану тыла.

План мой принят не был. В то время была знаменитая пятерка⁴³ и генерал Болдырев, являясь главкомверхом, был нерешителен и связан социалистическими бреднями со своими коллегами. Была боязнь, но более Вас и Вашей армии, считая этот район глубоко монархическим. В это время народная армия, плохо спаянная, еще хуже организованная и почти необученная, бежала, увлекла чехов и их разложила. Наступил переворот 18 ноября и адмирал Колчак стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Я первый без всяких оговорок признал эту власть и ее поддерживал силой, в те времена только одна моя армия была целой и сильной. Сибирской еще не было, она формировалась. Западная разлагалась, благодаря Уфе. Моя Юго-Западная армия оставалась спокойной. Я вновь предложил свой план, но он вновь был отвергнут. Во-первых, меня обвинили в том, что я хочу спасти только свое войско, не думая о России. Во-вторых, что я рекламирую себя и хочу пожать лавры. Это предположение меня возмутило до глубины души, но, тем не менее, я настаивал на подкреплении моей армии пехотой, ибо таковой было мало, а исключительно армия состояла из конных казаков, хотя я и создал дивизию из мобилизованных крестьян, но она не была надежной, а созданная пластунская бригада была недостаточна. Помощи я не получил, как не получил ни оружия, ни орудий. Дело было зимой и конница была плохой работницей. В это время Уфа была накануне падения, и я вновь доложил в Ставку, что падение Уфы и Стерлитамака ставит мою армию в критическое положение, просил, умолял о подкреплении, но вновь ничего не получил.

Я же дрался на два фронта: 1) Самара – Стерлитамак и 2) Актюбинск – Кара-бутах.

Уфа пала, подкреплений я не получил, и противник обрушился на меня со стороны Стерлитамака на Орск, т. е. в тыл армии. С невероятными лишениями, боями в 40° мороз, в метели, я лично, командуя арьергардом, вывел армию из катастрофического положения, устроил ее и вновь перешел в наступление, забрав опять всю оставленную территорию, кроме г. Оренбурга и вновь соединился с уральцами. Но опять отдана Уфа и все прочее за ней.

В феврале 1919 г. я имел свидание с адмиралом и вновь высказал свой план. Но чины Ставки, особливо наштаверх⁴⁴, мой план раскритиковали, опять указав на мои честолюбивые замыслы. В то же время я узнал вполне точно, что Совет министров и Ставка решили, что у них

достаточно сил для наступления самостоятельно и что аппарат центральной власти совсем сконструирован, и потому надо идти на Москву коротким путем и своими силами, первыми прийти в Москву и не быть ни от кого в зависимости и диктовать свою волю. Я ужаснулся этому решению, переругался со всеми и категорически отказался от командования армией и заявил, что я не участник гибели русской армии и авантюристической стратегии. Я им говорил, что все дело решит Юг, и без него мы не овладеем Волгой. Но мой голос был одинок. Я ушел из армии и получил то назначение, каковое значится на бланке. Да и этого не хотели, но заставил Верховный правитель.

Я еще раз пробовал доказать Ставке всю эфемерность плана. Говорил, что они губят адмирала, я, глубоко уважая А. В. Колчака, старался оберечь его имя и даже, добившись приема, высказал все, что было на душе и что адмирала окружают честолюбцы и узкие люди, и что его обманывают, не все докладывают, много скрывают и что опыт истории дал нам примеры: адмирала Чичагова в 1812 г. и адмирала Алексеева на Д[альнем] Востоке и что ныне Вы, адмирал, руководите сухопутными войсками и как бы худого не вышло. Затем доказывал, что движение на Уфу – Симбирск – Москва, конечно, кратчайший путь, что он даст славу Сиб[ирской] армии и омскому правительству, и что таковым движением исключается непосредственная связь с Вами и группой генералов Юденича и Миллера, и что лавры будут омские, но ведь медведь не убит, раз, а, во-вторых, стратегия учит нас рвать центр, надо иметь столько же в резерве, сколько в боевой линии, а этого не было – значит, риск, наша армия едва сколочена, она не может рисковать и не должна. Говорил про Юг и его значение, но, увы и здесь мой взгляд потерпел фиаско, и вот я путешествую по Сибири. Я очень прошу Вас, Ваше Высокопревосходительство, верить искренности моих чувств по отношению к родине, совершенно исключая мои личные взгляды. Может быть, тон моего письма даст Вам предположение, что я слегка будирую, будучи обойден или обижен и в то же время учитывая положение, забегая к Вам, ради будущих выгод. Вы меня не знаете и только слышали обо мне. Клянусь честью офицера, что пишу только для Вашего осведомления и только ради блага Родины. Моя мечта будущего – отдых и работа [в] русском парламенте – другого ничего не ищу. Я исключительно предан Верховному правителю, ценю его кристальную честность и русскую душу и ради чего отдам все, включая и жизнь, если это будет ему нужно. Я только скорблю за Россию и ее Верховного правителя, его именем делается многое и неизвестное ему. В настоящую свою поездку по России я все время пропагандирую верховную власть Омска и требую беспрекословного ей подчинения.

Переходя к тылу Сибири – скажу, что тыл сносный, организация имеется. Дорога работает прилично, поскольку это возможно, ныне при недостатке то того, то другого. Имеются резервы, кадры, мобилизации

проходят спокойно. Хуже обстоит дело на Д[альнем] Востоке. Семёновская история с долгим непризнанием Верховного правителя и нетвердой политикой ген[ерал-][лейтенанта] Хорват, создали положение, при котором подорвался престиж власти и теперь это отражается на спокойствии края. Здесь идет всю партизанская война, рвутся мосты, разрушается дорога, нападения на почты, убийства милиции и т. п., сильно подрывают авторитет власти и вносят хаос. Теперь на это обращено серьез[ное внимание]...

Архив Гуверовского института. Vrangl Collection.
Box 52. Folder 12. Машинописная копия.

Документ 2

Письмо Дутова Кубанскому войсковому атаману 26 августа 1919 г.

Письмо читателя, пожелавшего остаться неизвестным, содержало копию письма Дутова на Кубань, датированного 26 августа 1919 г. и отложенного в фондах Государственного архива Ростовской области.

Походный атаман
всех
казачьих войск и
генерал-инспектор
кавалерии
русской армии
26 августа 1919 г.
№ 2759

Ваше Превосходительство,
Брат-Атаман⁴⁵

Шлю глубокий поклон славной Кубани, войску и ее атаману. До далеких степей Урала доходили вести о Ваших и Вашего войска подвигах.

Все казачество мыслит едино и здесь на Урале, [в] Сибири и [на] Дальнем Востоке, все остались верными заветам предков своих и шлют своих сынов на брань за Русь великую.

От посланцев генерала Деникина и Дона знаем мы все здесь о Вашей борьбе.

Да не испугает Вас мой громкий титул. Он дан мне указом Верховного правителя, и я, несмотря на заявления свои, должен был принять, но пока условно, это я выговорил, до соединения с Вами.

А там общей казачьей семьей мы и решим, кто и где будет.

Пока же желаю Вам успехов в делах Ваших, привет славным кубанцам.

Глубокоуважающий Вас

А. Дутов

Государственный архив Ростовской области.
Ф.46. Оп.1. Д.4208. Лл.2-3. Подлинник. Автограф.

**10. Статьи бывшего члена Войскового правительства
Оренбургского казачьего войска Г. Г. Богданова
с критикой Дутова. 1919 г.**

При подготовке книги о Дутове в качестве одного из приложений предполагалось напечатать серию статей из оренбургской советской

газеты «Коммунар» с критикой в адрес атамана, опубликованную бывшим членом Войскового правительства Оренбургского казачьего войска Г. Г. Богдановым. Наряду с главой о соратниках Дутова, эти материалы издательством были сокращены.

Несмотря на общий разоблачительный и пропагандистский тон, эти статьи представляют значительный интерес, затрагивая малоизвестные обстоятельства деятельности оренбургского атамана. Статьи публикуются под общим для них заголовком «Под властью Дутова» и представляют достаточно сложный для интерпретации документ.

Г. Г. Богданов являлся землемером, депутатом Учредительного собрания, в Войсковом правительстве он представлял интересы казаков-мусульман. В 1919 г. Богданов перешел к красным и выступил в качестве разоблачителя своего прежнего начальства. Статьи печатались в Оренбурге осенью 1919 г. и содержат ряд любопытных фактов. В интересах Богданова было обнародовать в советской печати компрометирующие Дутова сведения, однако проверить их и определить, что является правдой, а что вымыслом, в данном случае почти невозможно. Самого себя автор представил лишь в качестве пассивного исполнителя чужих решений, что, скорее всего, не соответствует действительности.

Богданов Г. Г.
Под властью Дутова

На днях на совещании партийных работников выступил с докладом перешедший на нашу сторону член Оренбургского казачьего войскового правительства Богданов. Весь доклад Богданова был своего рода покаянной речью. Богданов охарактеризовал войсковое правительство как своего рода ширму, за которой скрывался и именем которой правил самодержавный атаман Дутов, принявший от ненавистной ему еще в большей степени, чем нам, учредилки чин генерала. Диктатура Дутова над правительством проявлялась даже в мелочах: так, на заседаниях круга упорно не давали слово тем, кто был неугоден Дутову. При последних выборах в войсковое правительство Дутов выступил с заявлением, что с такими-то и такими-то кандидатами он не согласен работать. И этих кандидатов, первоначально получивших большое количество голосов, забаллотировали.

Представителей так называемой «демократии», входивших в состав правительства, дутовцы умело использовали при переговорах с массой, и тогда, когда эти «демократы» были уже более не нужны, их выбрасывали, как выжатый лимон.

Дутовцы всегда были не прочь использовать в своих целях и национальную рознь. На антисемитскую агитацию в войсках они (если не поощряли ее) смотрели сквозь пальцы. На заседании круга Дутов, пользуясь отсутствием представителей мусульманского казачества, выступил

с речью, в которой заявил, что причиной оставления Орен[бурга] и де поражений белых являются казаки-мусульмане, в решительную минуту отказавшиеся драться с красными⁴⁶. Это заявление на следующий день было жирным шрифтом отпечатано в белоказачьей газете. Оно могло оказаться гибельным для мусульман, живущих островками среди православного казачества, которое, будучи спровоцировано Дутовым, неминуемо начало бы погромы и избиения мусульман.

Провокация не удалась Дутову только потому, что своевременно прибыл Богданов, заставивший Дутова выступить со вторым заявлением уже в том духе, что отказались сражаться не только мусульмане, но и русские.

Для поднятия благосостояния края за время властвования Дутова ровно ничего не было сделано.

В результате долгой совместной с белыми работы Богданов и его товарищи пришли к убеждению, что войсковое правительство не может уже по своей природе быть защитниками интересов низов казачества и в особенности мусульман и других инородцев. И вот Богданов и пять членов войскового круга, бывшие вместе с ним на совещании, сознавши необходимость для блага трудящихся бороться против белогвардейщины, пришли в наш лагерь.

Богданов Г. Г. Под властью Дутова // Коммунар (Оренбург). 1919. №197. 11 октября. С. 1.

Наш сотрудник⁴⁷ беседовал с бывшим членом войскового правительства, ныне перешедшим на сторону Советской власти, Габдрауфом Богдановым. Последний поделился с ним интересными картинками, рисующими Дутова и его приближенных.

Дутов-самодержец

За месяц еще до переворота в Омске в войсковом правительстве смутно можно было догадаться, что в Сибирском правительстве что-то назревает, что там к чему-то очень серьезному готовятся.

Об этом можно было догадаться из тех осторожных докладов атамана Дутова, которые он делал в войсковом правительстве. Кстати, необходимо отметить, что атаман Дутов к разрешению вопросов более или менее серьезных подходил очень осторожно. О них могли знать только самые приближенные единомышленники его – верхи правительства, а до всего правительства они доходили почти всегда уже в готовом, законченном виде: оставалось только выслушивать и подписывать. О какой-либо попытке к изменению уже готового постановления и говорить не приходилось – это значило бы только навлечь на себя суровый и недовольный взгляд Дутова.

Так было и в этом случае. Событие государствен[ной] важности назревало; члены правительства, за исключением приближенных Дутова, об этом не знали.

Помню, заседание правительства только начиналось. Все члены правительства, за исключением Дутова, были в сборе. Наконец, приехал Дутов. Он был весел и развязен. Открыв заседание и достав из портфеля телеграмму, только что полученную им по прямому проводу из Омска, он так же легко и развязно прочитал ее. Это была телеграмма об Омском перевороте, о том, что директория свергнута, что верховным правителем всероссийским стал Колчак. Далее атаман заявил, что он вопрос этот считает очень спешным, что необходимо признать Колчака и именно теперь, в самый трудный момент зарождения и т. д. и т. д. Закончив свое слово, Дутов поставил вопрос на обсуждение, но никто не высказался. Знали, что это бесполезно – только время тянуть.

Выходило, что все были солидарны с Дутовым.

Решив, что вопрос достаточно исчерпан, Дутов вынул из портфеля другую бумагу. Это был готовый проект приказа о признании войсковым правительством Колчака. Проект приказа таким же образом был одобрен. Таким образом не прошло с момента обсуждения и 15 минут – приказ о признании был готов.

Царскому знамени пока не время

Когда Оренбург, в 1918 г., был занят казаками, Дутов во главе войскового правительства и партизанского отряда двинулся в Оренбург.

Последняя остановка перед Оренбургом была в Нежинской станице. 24 июня 18 г. отряд тронулся в город. Не доехав до города верст 5, отряд остановился, и члены правительства приглашены были к атаману.

Обсуждался план торжественного вступления в Оренбург. Решали вопрос, под каким знаменем должны вступить.

Знамен было много – целый воз.

Решили взять старое войсковое знамя. Тут же между знаменами я обратил внимание на одно очень красивое знамя, все вышитое золотом, на хорошем синем сукне с красивыми отделками. Это было знамя, поднятое оренбургским казачеством во время пребывания в Оренбурге бывшего наследника царского трона Михаила Романова⁴⁸. Я стоял рядом с Дутовым и полупшепотом задал ему следующий вопрос:

– А что, Александр Ильич, если въедем вот с этим знаменем?

Дутов также полупшепотом с таинственностью ответил мне:

– Нет, Габдрауф Габдулинович, пусть оно лежит пока, – *еще не время* (курсив документа – публ.)! – и с самодовольной улыбкой обвел торжествующими глазами остальных членов правительства, как будто спрашивая их: «ведь верно?». Вопрос без слов был понят. Такая же улыбка последовала в ответ атаману.

Ткацкие станки и 500.000 руб.

В ноябре 18 г. член войскового правительства полковник Рудаков был командирован в Омское правительство по продовольственному делу.

Окончив свои дела в Омске, Рудаков по своему почину предпринял поездку во Владивосток, якобы за мануфактурой для армии и населения, причем сумел получить от Омского правительства 500.000 руб. в счет предназначенных для Оренбургского казачьего войска сумм.

Между тем, в Оренбурге выяснилось, что Рудаков перевез в Сибирь несколько ткацких станков, реквизированных им в Оренбурге, поставил их за Омском в какой-то деревушке и открыл фабрику, уж разумеется не от имени правительства, а от себя лично. Кроме того, оказалось, что и семья полковника Рудакова давным-давно уже была перевезена также в Сибирь.

От имени войскового круга в сибирское правительство была послана телеграмма с просьбой задержать Рудакова и отправить его в Троицк на войсковой круг. Вскоре после того было получено донесение, что Рудаков, с двумя поездами мануфактуры выехал из Владивостока в Челябинск. На войсковой круг в Троицк он прибыл в середине марта. Делая доклад о своем путешествии, Рудаков с пеной у рта доказывал свою невиновность, протестовал против возведенных на него обвинений. Не знаю, чем кончилось его дело в отношении ткацких станков и 500.000 руб., но мне достоверно известно, что Рудаков в последнее время занимал довольно «теплое» местечко в министерстве Колчака. Что касается двух поездов мануфактуры, то также точно известно, что она была расхищена и растащена верхами правительства, а населению, для которого она была закуплена, не попало и аршина.

Утечка

Осенью 18 г. продовольственный отдел правительства, которым тогда временно заведовал подъяесаул Пономарев, начал распродавать спирт, чтобы этим путем выкачать народные деньги. Не прошло и одной недели, как уже несколько десятков бочек спирту было распродано. Подъяесаул Пономарев упорно отвиливал от отчета по продаже. Наконец, этот отчет был вытребован, и оказалось, что *не хватает одного миллиона рублей с хвостиком* (курсив документа. – публ.). Пономарев объяснил эту разницу «утечкой».

– Произошла, дескать, утечка при переливании из посуды в посуду.

60.000 рублей.

Не без греха и генерал Акулинин, помощник войскового атамана. За освобождение купца Аюпова он взял с него взятку в 60.000 руб. Подобные делишки Акулинин проделывал и с осужденными военно-полевым судом.

Выводы

1) За какую же власть боролось войсковое правительство во главе с Дутовым?

Вспомните «знамя».

2) Куда девались войсковые деньги, войсковое имущество, накопленное десятками и сотнями лет?

Смотрите «утечку», «ткацкие станки и 500.000 р.».

3) Как относились дутовцы к своим работам в смысле честного исполнения своих обязанностей?

Смотрите «60.000 руб.».

4) Что же, в конце концов, они дали тому народу, именем которого они вели полтора года эту кровавую гражданскую войну?

Богатое, цветущее оренбургское казачество разорено в корне. Одних сожженных станиц более двух десятков.

Десятки тысяч убитых, десятки тысяч сирот, увечных и калек.

5) К чему привели?

К апостольскому шествию всего мужского населения оренбургского казачьего войска из Тургайских степей в родные станицы, к горьким страданиям, голоду и холоду.

Долго, наверное, будет помнить оренбургское казачество атамана Дутова и некоторых его помощников из войскового правительства.

Бывший член войскового правительства, ныне перешедший на сторону Советской власти.

Габдрауф Богданов.

Богданов Г. Г. Под властью Дутова // Коммунар (Оренбург).

1919. №201. 16 октября. С. 1.

11. Оперативный отчет британского офицера связи при Оренбургской армии за ноябрь 1919 – январь 1920 г.

Ниже впервые публикуется оперативный отчет британского офицера связи при Оренбургской армии капитана Ф. Ходжеса, составленный в 1920 г. Об авторе отчета известно немного. Фелпс Ходжес родился в 1894 г., впоследствии дослужился до майора и в 1931 г. выпустил в Лондоне мемуары о своем участии в российской Гражданской войне под названием «Britmis. A great Adventure of the War. Being an account of Allied Intervention in Siberia and of an escape across the Gobi to Peking» («Британская миссия. Великое приключение войны. Отчет о союзной интервенции в Сибири и исходе через пустыню Гоби до Пекина»).

Отчет был составлен в 1920 г. и является уникальным источником, повествующим о событиях отступления Отдельной Оренбургской армии в Семиречье. Документ хранится в Лондоне в британском национальном архиве (Public Record Office) и практически недоступен для российских ученых. Выражаю благодарность к. и. н. В. Б. Каширину, вы-

явившему этот документ и снявшему с него копию. Перевод выполнен А. В. Ганиным.

Оперативный отчет № 2
офицера связи, прикомандированного к Оренбургской казачьей армии

1. Операции. В моем первом оперативном отчете, отправленном мною из Кокчетав в Омск 5 ноября 1919 г. и в телеграммах в Омск до того времени (см. Приложения 1 и 2⁴⁹) я утверждал, что Оренбургская армия была сосредоточена следующим образом:

(а) Отдельная бригада генерала Комарова⁵⁰ в Мизгильском и Алексеевке, со штабом в последней деревне. Состав около 700 человек.

(b) Первый корпус генерала [И. Ф.] Шильникова в районе Челкарского, Еленинского, Павловского и Имантовского со штабом в Еленинском. Состав около 2000 человек.

(c) Второй корпус⁵¹ генерала [А. С.] Бакича в районе Заборовской, Жерендинской и Сандиктавской со штабом в последней деревне. Состав около 6500 человек.

(d) Бригада полковника [Р. П.] Степанова в Кирилловском и Воскресенском. Состав 1300 человек.

Разграничительная линия между Степной группой 3-й армии [К. В.] Сахарова и войсками [А. И.] Дутова проходила от Чиликан Уткуль (исключительно) на реке Ишим до Дьямантуского (исключительно) и от туда к Кош-Кулю (включительно).

Утвержденные о том, что армия была уже сосредоточена к 5 ноября в вышеуказанных районах, оказалось неверным. Вскоре я узнал, что Степанов 2 ноября достиг лишь Джиланди-Адир и что Бакич в тот же день появился в Атбасаре со своим авангардом, тогда как его основные силы все еще находились на некотором расстоянии позади. Только первый корпус и слабый отряд Комарова⁵² были на месте.

Как уже сообщалось, атаман Дутов отказался подчиниться приказам Омска о движении одновременно всеми своими силами к озеру Чагли, но с целью оказать содействие левому флангу главных армий он 5 ноября издал приказы о перегруппировке своих сил. Комарову⁵³ было приказано двигаться к югу и юго-востоку от озера Чагли; Бакичу – к Шучинской по самому прямому пути, т. е. через сельскую местность; Шильникову – к Кокчетаву; в то время как Степанов был оставлен охранять западный фланг в районе Кокчетав и держать открытой дорогу Кокчетав – Атбасар. В самом Атбасаре должно было сосредоточиться около 500 человек из отдельных частей.

К этому времени противник не наблюдался, хотя небольшие отряды были замечены в разных местах. 1-го числа 300 человек при 2 орудиях и 4 пулеметах были замечены в Мариинском на Ишима; на следующий день разъезд красной конницы был замечен у Буг Алтая, на некотором расстоянии дальше к югу и на левом берегу; 3-го конная сотня появилась

у Кривоозерного в 70 верстах к западу от Кокчетав и 4-го киргизские агенты сообщили о наличии в Мариинском пехотной дивизии, тогда как в тот же день красная конница, двигаясь от Кривоозерного, атаковала Аиртавский (на южной оконечности озера Челкар), но была отбита казаками первого корпуса. Никаких других вражеских сил не встречалось, и штаб армии казался совершенно уверенным в том, что никакой опасности с запада или юго-запада не ожидается. По поступавшим донесениям противник не пересекал степь между Аральским морем и Атбасаром для преследования отставших солдат Дутова и не преследовал арьергард Бакича на кустанайском направлении. Казалось, что большевики согласны игнорировать Дутова и сосредоточиться на уничтожении основных армий [А. В.] Колчака.

Карта 1.⁵⁴ Утром 5-го казаки первого корпуса продвинулись вперед и заняли Кривоозерный, противник отошел без сопротивления.

В 8 часов утра следующего дня вражеские силы в количестве 300 пехотинцев и 200 кавалеристов с 2 орудиями и несколькими пулеметами заняли Мизгильский (Келоровка), дав по нему несколько залпов. Войска Комарова⁵⁵ отошли южнее, не оказав никакого сопротивления, и Дутов, считая, что это был авангард значительных сил противника, направил Степанова в Кокчетав. Приказ ускориться был отправлен и Шильникову.

Всех беженцев уже отправили из Кокчетав в Щучин и Акмолинск, частично для организации жилья для приближающихся войск, больные также были эвакуированы на восток.

Вследствие некоторых грабежей в Кокчетаве 5-го ночью была разрушена местная милиция.

7-го штаб Шильникова появился, и штаб армии отбыл в Щучин.

Казаки Кокчетавской станицы, которые торжественно поклялись несколькими днями ранее защищать город до конца, были замечены среди первых беженцев, отправившихся в Акмолинск.

8-го противник продвинулся к югу по главной дороге и занял Аксуйскую. Его конница затем двинулась в юго-восточном направлении. Комаров⁵⁶ продолжал отступать (Н. М.7.)⁵⁷. Красная конница, находившаяся в Кривоозерном, по сообщениям была переброшена оттуда на северо-восток и возможно к этому времени присоединилась к основным силам.

Оренбургская армия теперь находилась под независимым командованием, и я слышал от начальника штаба генерала [И. М.] Зайцева, что велась эвакуация Омска.

Карта 2. 9-го Дутов вновь решил перегруппировать свои войска и приказал занять следующие позиции:

(1) Первый корпус и бригада Степанова:

Кокчетав 2000 человек.

Щучин штаб и 3000 человек.

(2) Второй корпус и отдельные части:

Атбасар штаб и 2500 человек.

Сандиктавская 3000 человек.

(3) Штаб армии, Атаманский полк, конвойная сотня:

Акмолинск 1500 человек.

Штаб армии из Щучина выехал в Акмолинск 11-го (Н.М.7.).

Новость с главного фронта в этот момент была в том смысле, что первая армия отошла на переукомплектование, 2-я и 3-я армии в течение трех недель должны были медленно отступать и затем дать бой к западу от Омска.

14-го Омск пал, и на следующий день Кокчетав был занят войсками противника численностью около 5000 человек, состоящими из следующих подразделений:

2-я бригада 54-й дивизии.

1-й, 2-й и 3-й крепостные полки.

Отдельная бригада 35 дивизии (Н.М.9. Часть 1).

Никакого сопротивления первым корпусом или Степановым, который отошел на юго-восток, оказано не было, как сообщалось, Шильников отсутствие сопротивления оправдывал тем, что было слишком холодно.

По всем донесениям большевистские силы были плохо одеты и питались, а их моральный дух был очень низким (Н.М.9. Часть 2).

После двух дней отдыха противник направил 500 пехотинцев и 200 кавалеристов против Шильникова и занял Ивановку 17-го, Александровское – 18-го и Щучин – 21-го, Шильников отходил на юг к Акмолинску.

В то же время главный удар противника был нанесен по корпусу Бакича, штаб которого и конница находились в Атбасаре, а пехота – в Сандиктавской. В ночь на 17-е число 1-й Акмолинский степной полк противника занял Новоникольское в 80 верстах к юго-западу от Кокчетава. Полк насчитывал 250 человек (Н.М.9. Часть 1). 19-го второй полк – 2-й Кустанайский – перерезал основную дорогу Атбасар – Кокчетав между широко разбросанными частями корпуса Бакича и занял Владимирскую и Веселую (Н.М.11.). Эта информация была получена штабом армии в Акмолинске лишь через 2 дня и сообщалось также, что состав противника на этом новом театре военных действий был следующим:

1-й Акмолинский степной полк.

2-й Кустанайский степной полк.

3-й Троицкий степной полк

общей численностью около 2000 человек.

Штаб армии не выказал серьезной обеспокоенности этим новым обстоятельством, но приготовился отступать на Каркаралинск. Этапные посты, состоявшие из киргизских палаток с едой и фуражом готовились в степи

до Павлодара, но с падением Омска и прорывом красной конницы к Иркутску они были сняты и переброшены на каркаралинскую дорогу.

20-го Дутов приказал первому корпусу отходить в район Рыбинский – Канкринский, тогда как Степанову было приказано заполнить разрыв между первым и вторым корпусами от левого фланга Шильникова до линии Николаевское – Сосновка. Бакичу было приказано передвинуть свой штаб в Колютон на дороге Атбасар – Акмолинск, где располагался его корпусной резерв, состоявший из Тургайского отряда (1-й пластунский полк и два Оренбургских казачьих полка) под командованием капитана Могилева.

21-го, когда Щучин был занят противником и основные большевистские армии были в 100 верстах к востоку от Омска, Дутов получил сведения о том, что крупные силы большевиков пересекли дорогу Атбасар – Кокчетав (несмотря на присутствие 2-й стрелковой дивизии Бакича на их левом фланге), заняли Васильевское к северо-востоку от Атбасара и затем, повернув на юго-восток, ударили на Колютон. По какой-то причине этому сообщению Дутов не поверил, и никакого подозрения в опасности для его армии не зародилось в его голове (Н.М.12).

Точное расположение бригады Степанова в это время не совсем ясно. По слухам он сражался с противником неподалеку от Кокчетав, но даже штаб казался не информированным на этот счет.

Новости из Новониколаевска 22-го казались более обнадеживающими, но на следующий день наше собственное положение оказалось безнадежным в результате быстрого и успешного продвижения большевиков.

Карта III. 23-го не только были получены новости, подтверждающие факт того, что 2-я стрелк[овая] дивизия отступала к востоку от Сидоровки⁵⁸ и того, что Васильевское и Джаралгас были заняты противником, но к полудню его авангард достиг Джона Берген, небольшого пункта на дороге Атбасар – Акмолинск, к югу от Астраханского и к востоку от Колютона. Таким образом, второй корпус был не только разрезан на две части, но также был полностью изолирован от остатков армии.

Эта серьезная ситуация держалась насколько возможно в секрете, чтобы увенчался успехом благотворительный концерт, проводившийся той ночью в поддержку «религиозных добровольцев»⁵⁹ Акмолинска, так называемый полк необученных новобранцев, давших обет сражаться до смерти, все новобранцы благоразумно разбежались по своим домам за несколько часов до появления большевиков. Концерт имел огромный успех и помог покрыть издержки организаторов на значительное время в дальнейшем.

Генерал Зайцев, начальник штаба, казалось, в этот момент потерял голову.

Посланцы были спешно направлены, чтобы найти Бакича и приказать ему отходить на Каркаралинск как можно быстрее. Шильников, с другой стороны, был срочно направлен на Павлодар, – этот приказ был настолько очевидно абсурдным, что он также отступил обходным путем к Каркаралинску.

Штаб теперь понял, что главные силы противника от Кокчетава были направлены против Бакича, но никто не подумал о каком-либо сопротивлении. Не было предложений оказать сопротивление, каждый думал только о своей собственной безопасности, чем о риске сражаться с горсткой нерешительных, плохо обмундированных и недисциплинированных крестьян, каждый предпочитал столкнуться с ужасными трудностями пути через замерзшую степь в середине зимы, без видимой цели и без места, где хотя бы возможно было оказаться в безопасности.

Дутов решил попытаться соединиться со вторым Степным корпусом в Семипалатинске и сообщил мне, что [Б. В.] Анненков из Семиречья также получил приказ выступить туда.

25-го велась подготовка к отправке штаба из Акмолинска в Каркаралинск, в то время, как разбросанные части должны были двигаться насколько можно быстрее.

24-го судьба Бакича была неизвестна, хотя его 2-я стрел[ковая] дивизия, как говорили, приближалась к Николаевскому, к северу от Сидоровки и что часть бригады Степанова присоединилась к первому корпусу. Авангард Шильникова достиг Елизаветинской в 38 верстах к северу от Акмолинска.

В 2 часа ночи 25-го противник был в 30 верстах к западу от Акмолинска, и начиналась паника. К середине дня город был оставлен войсками за исключением большого количества больных и некоторых мародерствовавших казаков. Капитан де Керанга⁶⁰ из французской миссии уехал в 5 часов дня на своей машине и около 9 вечера появились 250 солдат противника и заняли город.

Таким образом, за десять дней все силы Дутова примерной численностью в 15 000 человек обратились в бегство при редких выстрелах противника силой в одну треть их собственной.

Штаб Дутова прибыл в Каркаралинск около 1-го декабря, а сам Дутов неделю спустя с арьергардом.

Бакич ушел с несколькими сотнями людей и, пройдя Спасский завод, безопасно достиг штаба. Шильников и Степанов были столь же удачливы, пройдя южнее через Баян-аул.

Падение Семипалатинска 1-го декабря, когда войска II Степного корпуса взбунтовались и убили своих офицеров, сделало занятый Анненковым район Семиречья единственным спасением для Оренбургской армии. Отход на восток через безлюдную степь начался в первую неделю декабря и продолжался в течение двух недель до эвакуации Каркаралинска под Рождество.

Дутов поехал от Сергиополя до Урджара (ставка Анненкова), где два командующих встретились в начале января. Дутов, хотя и являлся старшим офицером, был вынужден сдать командование и стал военным губернатором, заменив генерала [И. С.] Ефтина, который находился на этом посту после своего бегства из Семипалатинска.

Карта IV. Анненков, приняв на себя командование остатками Оренбургской армии, поставил Степанова во главе арьергарда и приказал ему удерживать противника у Кур-Баканас. Бакич был поставлен во главе основных сил в Сергиополе, в то время как все остальные генералы были лишены своих постов и либо отправлены в бесполезные миссии в дальние края, либо арестованы.

Я не могу сказать, сколько человек дошло до Сергиополя. Конечно, не более 5000, и многие из них должно быть являлись офицерами. Собственная дивизия Анненкова насчитывала, вероятно, 9000 человек, у него также было несколько подразделений II Степного корпуса, которые не перешли на сторону противника. Общая численность его войск могла составлять 15 000 человек, в основном конницы при нехватке артиллерии и боеприпасов.

Первоначально его фронт был только на юге, но поражение Дутова и потеря Семипалатинска вынудили его защищаться по всем направлениям. На юге его войска под командованием полковника [П. И.] Сидорова осаждали Джаркент, а основные силы удерживали Копал и имели некоторые локальные успехи. Степанов с уцелевшими из его собственной бригады и Атаманский полк Дутова охраняли дорогу от Каркаралинска, а другая конная группа вела наблюдение за противником в 60 верстах к югу от Семипалатинска.

Бакич в Сергиополе пытался реорганизовать оренбургских казаков, а свободные части были разбросаны вдоль Иртыша⁶¹ вплоть до Зайсана.

Ставка Анненкова находилась в Урджаре.

Появление деморализованных дутовцев было фатально для всей его армии, поскольку разложение, распространившееся по всем антибольшевистским войскам, не избежало и их.

21 января⁶² Сергиополь был взят противником, захватившим большую часть прежнего штаба Дутова. Урджар пал некоторое время спустя⁶³ и к концу месяца все сопротивление Советам практически закончилось, Оренбургская казачья армия и партизанская дивизия Анненкова закончили свое существование⁶⁴.

Огромные массы беженцев, как военных, так и гражданских пересекли китайскую границу в районе Чугучака и Кульджи.

Оценка

2. Силы Дутова, обстановка и планы

Приняв командование Оренбургской армией в конце октября, Дутов приказал реорганизовать войска в два корпуса, каждый из которых состоял

из двух казачьих дивизий и пехотной бригады, в дополнение к двум корпусам существовала отдельная пехотная бригада генерала Комарова⁶⁵.

Майор Стевени в своем боевом расписании к этому дню показывает общую численность штыков в 5140, примерно на полторы тысячи больше, чем число солдат, показанное в частях. Скорее всего в нее включена численность больных и органов снабжения (Приложение III).

Дутов имел, таким образом, в своем распоряжении силу, превышавшую двенадцать тысяч человек, две трети которой составляла конница из его родного края. К этому числу можно добавить по меньшей мере две тысячи мобилизованных, которые, однако, кажется, были безоружными. Бакич в своем рапорте о численности от 18 ноября указал 2422 пехотинца, 1379 безоружных и это, не включая тех мобилизованных (Приложение IV).

На самом деле кажется очевидным, что реорганизационная схема Дутова никогда бы не воплотилась в силу. Почти через месяц после ее введения второй корпус насчитывал абсурдное число частей, в которых менее 100 человек составляли полк, а одно орудие – батарею или дивизион.

Тиф также привел к заболеванию большого числа людей, около 4000 больных указывалось только во втором корпусе одновременно. Эта цифра, несомненно, преувеличение, но точно, что по крайней мере 25% армии было неспособно нести службу по этой причине.

Дутов имел, таким образом, по меньшей мере, 10 000 человек, годных к военной службе к началу ноября, из которых две трети составляли казаки из его родного края.

Армия, однако, была разбросана от Тургая, к западу от Атбасара, до Кокчетава на расстоянии более 400 верст и находилась в таком состоянии дезорганизации и деморализации, что трудно понять, почему Дутов вообще принял командование, разве только он был неосведомлен об общем положении в Сибири⁶⁶. Отход Оренбургской армии вдоль Ташкентской железной дороги к Аральскому морю превратился в беспорядочное бегство, и только страх перед красным террором мог заставить оставшиеся две или три тысячи пересечь «Голодную степь» между Аральским морем и Атбасаром в самое жаркое время года. Корпус Бакича не пошел этим же путем, но двигался от Кустаная и его силы составляли более двух третей войск Дутова.

Положение, однако, было не таким плохим, как казалось. Число людей, находившихся в строю, составляло двенадцать тысяч, в значительной степени дезорганизованных и деморализованных, но в отличном состоянии и всецело преданных делу, несмотря на ужасные лишения. Начал распространяться тиф, но не в опасной форме, и смертей было немного.

Силы по состоянию на 15 октября дают нам следующие цифры:

I корпус	Шашек	Штыков	Орудий	Сформирован из
1-я Оренбургская казачья дивизия	480	–	–	2-й Оренбургской казачьей дивизии, Сводной Оренбургской казачьей бригады
2-я Оренбургская казачья дивизия	283	–	–	4-й Оренбургской казачьей дивизии
1-я отдельная Туркестанская стрелковая бригада	451	700	1	Туркестанской дивизии и части 5-й стрелковой дивизии
Всего	1214	700	1	
II корпус				
3-я Оренбургская казачья дивизия	2030	225	4	1-й Оренбургской казачьей бригады
4-я Оренбургская казачья дивизия	589	659	5	5-й Оренбургской казачьей бригады, партизан [Н. П.] Корнаухова
2-я стрелковая дивизия	1540	1477	7	2-й стрелковой дивизии
Всего	4159	2361	16	
Отдельная бригада				
Егерский полк		69	–	Егерского полка XI корпуса
1-й стрелковый полк	320	144	1	5-й и 9-й дивизий V корпуса
отдельные части	200	–	1	отдельных частей
Всего	520	213	2	
Бригада Степанова				
1-й, 4-й, 33-й Оренбургские казачьи полки	1340	–	–	Как и раньше
Гарнизон Атбасара, штабные подразделения и т. д.	1036	215	3	отдельных частей
Переданы в Степную группу 3-й армии	–	164	–	22-й стрелковой дивизии XI корпуса
Итого	8269	3653	22	

В начале ноября не было опасности пересечения противником степи для преследования арьергарда, и поскольку разгром Колчака был глав-

ной целью противника, Дутов мог рассчитывать, по меньшей мере, на две недели, если не больше, до начала серьезного наступления красных с севера и, если бы он реорганизовал свои войска, его положение было бы прочным. Район, в котором он оказался, Кокчетав – Акмолинск – Атбасар, представляет по своей форме равнобедренный треугольник, с Кокчетавом как вершиной на севере и со сторонами примерно в 180 верст. Быстро приближалась зима и кроме как с севера, т. е. от главной дороги южнее Петропавловска, район окружен сотнями верст степи, в которой нет сколько-нибудь значительных дорог или поселений. К западу, югу и востоку замерзшее пространство с началом зимы препятствовало приближению чего бы то ни было, кроме незначительных сил. Только с севера и, следовательно, только от основной магистрали могли подойти крупные силы. Дутов мог бы сконцентрировать всю свою армию в любом из трех упомянутых городов, возвести оборонительные сооружения и разгромил бы любой отряд, посланный против него. Район изобилует обширными стадами крупного рогатого скота, овец и лошадей, деревни вдоль главных дорог были богаты, а урожай был лучшим за многие годы. Не было недостатка провизии и недостатка рекрутов⁶⁷. Его артиллерия была слабой, но тогда такой же была и артиллерия большевиков и у него было достаточно конницы, чтобы удерживать все, кроме крупной силы, вдалеке. Он не мог надеяться незамедлительно наступать, поскольку войскам была необходима перегруппировка и слаживание, его единственной надеждой казались сосредоточение и удержание позиций до наступления зимы.

К сожалению, его планы, кажется, отличались, а его восторженная встреча оренбургскими казаками, должно быть, внушила ему ложную идею их высокого боевого духа и возможностей. Он рассчитывал сосредоточить свою армию возле Кокчетава и угрожать или атаковать правый фланг большевиков. Его первоначальная диспозиция была вполне хорошей и, если бы словами выигрывались войны, он бы победил врага и был бы в Москве за многие месяцы до того. В конце октября он издавал приказы по реорганизации (как показано вверху страницы), но я сомневаюсь, чтобы он когда-либо выяснял, проводились ли его приказы в жизнь, и я сомневаюсь, что они исполнялись. Корпус Бакича был единственным, на который он мог возлагать хоть какую-то надежду, чем он так и не воспользовался, полагаясь в наиболее опасных местах на худшие части. Когда противник 6 ноября взял Мизгильский, Бакичу было приказано совершить марш на Щучин через трудную и малонаселенную местность, тогда как Шильникову было приказано идти на Кокчетав с толпой в пару тысяч человек.

См. карту III

Как только Оренбургская армия стала отдельной, Бакичу было приказано вернуться в Атбасар с половиной его сил, находившихся на до-

роге в Кокчетав, половине сил Шильникова было приказано идти в Щучин. Таким образом, в то время как противник рвался на юг к Кокчетаву, 1-й и 2-й⁶⁸ корпуса маршировали туда и обратно, растянувшись по району, а войска, которые даже в дореволюционное время предназначались только для наступательных действий, были раздроблены на небольшие отряды настолько далеко друг от друга, что оказать поддержку друг другу не могли и всецело рассчитывали на оборону. Если бы Дутов сконцентрировал свою конницу, даже ее половину и обеспечил бы успех, хотя и временный, для него это было бы бесценно. Кавалерийская атака на подготовленную пехоту вряд ли увенчается успехом, но при плохо одетых, полубубученных и никогда не завершающих формирования красных войсках победа не была бы трудно одержимой, несмотря на низкий боевой дух казаков.

Неспособность понять, что концентрация всех имеющихся сил в решающей точке была абсолютно необходима для того, чтобы добиться даже временного успеха, стала причиной поражения Дутова, хотя это становится не удивительно, когда узнаешь, что он проходил свою службу в период русско-японской войны в академии Генерального штаба, изучая теорию войны, вместо того, чтобы получить реальный полевой опыт⁶⁹.

3. Планы, силы и стратегия противника

Весьма вероятно, что большевикам было очень хорошо известно состояние армии [П. А.] Белова после бегства на восток от Аральского моря, поэтому они сосредоточились на совершенствовании сообщения с Ташкентом и устрашении казачьих общин вокруг Оренбурга. Никакого преследования, чтобы следовать за арьергардом Оренбургской армии к Атбасару, организовано не было, а силы, посланные против Дутова в течение ноября, составляли только, как уже говорилось, порядка 6000 человек.

Силы, занимавшие Кокчетав к 15 ноября, как сообщалось, состояли из 5000 человек, и бригада, которая позднее перерезала дорогу Атбасар – Кокчетав, насчитывала от 1000 до 2000 человек.

Наступление с севера, которое началось после падения Мизгильского (Келоровка) осторожно развивалось, причем продвижение шло по ночам, цель атаки достигалась вскоре после рассвета. Красные были очевидно слабы в коннице и боялись атаковать на открытой местности, которая была идеальна для тактики шока.

План противника, очевидно, заключался в том, чтобы занять Кокчетав и одновременно воздерживаться от беспокойства Дутова кроме как на его левом или западном фланге. Они должно быть увидели, что, сконцентрировавшись, он все еще опасен, но, если бы он раздробил свои силы, многие отряды могли быть полностью разбиты или рассеяны по степи, чтобы погибнуть или сдаться. От Кокчетава можно было

наступать на Щучин, Акмолинск или Атбасар до появления поддержки в угрожаемом пункте. Скорость, однако, была действительно необходима, поскольку разгром Дутова необходимо было завершить до наступления зимы как залог победы, кроме того, главные силы, действовавшие против Колчака, нуждались в запасах скота и зерна.

План противника перерезать дорогу Атбасар – Кокчетав между двумя частями корпуса Бакича был крупным маневром, но не увенчался бы малейшим успехом, если бы оренбургские части имели хоть какое-то желание сражаться. Один Бакич имел семь тысяч человек (на бумаге), а красные – менее 2000 человек.

Бесполезно писать о том, что могло бы произойти, поэтому достаточно сказать, что маневр большевиков полностью обратил армию Дутова в бегство, при том, что едва прозвучал хоть один выстрел. Ужас, внушенный приближением красных, был настолько велик, что малочисленная Степная бригада наступала прямо на Акмолинск, тогда как казаки в страхе разбежались во всех направлениях, предпочитая ужасы путешествия по степи в разгар зимы и без видимой цели встрече с горсткой мобилизованных крестьян, единственным отличительным знаком которых была красная кокарда на фуражке и которые, по всей видимости, никогда в жизни не участвовали в боевых действиях.

Бывший русский аристократ князь Хованский вел Степную бригаду, которая взяла Акмолинск.

Когда вспоминают успех, одержанный [К. К.] Мамантовым и его конным корпусом на деникинском фронте ранее в том же году, можно представить, сколь отличалась бы судьба Колчака и всей России, если бы казаки Дутова были бы быстро реорганизованы и возглавлены крупным лидером, действуя на сообщения противника к северу. Я уверен, что большевистские генералы поняли это, и их крупное наступление было достаточно оправдано достигнутыми результатами.

4. Тактика Дутова и моральный дух войск

Этот заголовок может быть опровергнут в нескольких словах. У Дутова не было тактики, о которой мне было бы известно, он никогда для этого не подходил вплотную к противнику, и единственной тактикой его казаков было бежать, как только появлялся слух о приближении красных.

Их моральный дух, следовательно, был невысок. Как и все полубразованные и невежественные люди, казаки стали бы хорошими солдатами находясь под приличным командованием и будучи дисциплинированными, но обе эти составляющие отсутствовали. Офицеры всегда бежали прежде, чем кто-либо еще, а дисциплина в подлинном смысле этого слова была неизвестна. Трудно понять, каким образом казаки вообще приобрели репутацию хороших солдат, хотя они хороши в атаках через деревни (где нет противника) и в стрельбе из револьверов по любым открытым окнам или по старикам, женщинам и детям.

Только справедливости ради добавлю, что некоторые из сибирских частей (отличавшихся даже от сибирских казаков) были хороши, за исключением того, что они ненавидели своих союзников-казаков едва ли не сильнее, чем большевиков и не без некоторого основания.

По мнению капитана де Керанга из французской миссии, который присоединился к Оренбургской армии в конце июня 1919 г., в значительной степени ответственен за это генерал Белов. Он явно принадлежал к антиказачьей партии в Омске и, предположительно, по его распоряжению началась замена казачьих командиров на его собственных фаворитов. Сложно сказать, на самом ли деле он считал это необходимым или нет, но результат был губительным.

Подобное нездоровое чувство настолько распространилось, что две партии (казачья и неказачья) отказывались поддерживать друг друга в боях, и сражение за сражением проигрывались, результатом чего стало отступление на юг вдоль Ташкентской железной дороги и практическое уничтожение армии.

В одном из таких небольших столкновений отличился храбростью капитан Е. Ф. В. Кук, М. С.⁷⁰, Р. Ф. А.⁷¹

5. Тактика и боевой дух противника

Из скудных сообщений разведки, получаемых штабом Дутова, становилось ясно, что большевики при вступлении в город или деревню действовали следующим образом – мобилизовали максимально необходимое число людей, выдавали каждому винтовки и нескольких комплектов амуниции, смешивали этих новобранцев со старшими возрастными и немедленно отправляли их в бой без какой-либо предварительной подготовки. В операциях против Дутова красная пехота отправлялась по дороге до места боя, сидя на четырехколесных крестьянских телегах. Около полудюжины людей на одной телеге или в больших сельских фургонах, в которых помещалась дюжина или больше. Возможно, дюжина конных ехала впереди для разведки, и если их обстреливали, они галопом возвращались к длинной веренице телег. Телеги останавливались, пехота высаживалась, формировала грубую цепь и наступала. Нигде не было какого-либо сопротивления, чтобы вызывать помощь с телег, при необходимости высылались свежие лошади и марш продолжался. Таким способом ежедневно преодолевались огромные расстояния.

Очень часто наступление осуществлялось только ночью, как при атаке к северу от Кокчетова.

Моральный дух противника не мог быть высок, поскольку большинство людей были крестьянами, уставшими от войны, плохо одетыми, с нехваткой соответствующей еды и ненавидящими евреев, большевиков и Колчака одновременно. Почти все хотели возвращения царя и счастливой

жизни предвоенных дней. Частым было дезертирство, и только страшные комиссары держали их в порядке.

6. Погода, дороги, телеграф и т. д.

За одним или двумя исключениями погода в течение октября, ноября и декабря была исключительно хорошей. Было, конечно, холодно, но солнечно и безоблачно. Обычно в это время года в степи разворачиваются свирепые снежные бури или бураны и делают невозможным для человека нахождение на открытом воздухе. Для оренбургских казаков было удачно, что погода оставалась хорошей, иначе они никогда не смогли бы пересечь пустынную местность между Акмолинском и Сергиополем⁷².

С другой стороны твердая почва позволяла быстро двигаться большевистской пехоте, размещенной на деревенских телегах, с запряженными в них небольшими степными лошадьми, снабжение которыми было практически неограниченным. Таким образом, они могли занять атакуемый район и привести его в некоторое подобие порядка до наступления зимы.

Единственными путями в этом районе являются старые почтовые дороги дореволюционного времени. Их немного и они представляют слабую связь внутри района, поскольку сильно изношены использованием в течение нескольких поколений. Главная дорога идет от Петропавловска на юг на Кокчетав и там разветвляется на две: одну, идущую до Атбасара и вторую, идущую через Щучин до Акмолинска и далее до Каркаралинска. Атбасар и Акмолинск также соединены почтовым трактом. Других дорог нет, таким образом, можно видеть, что этот регион полностью отрезан от путей сообщения со всех сторон, кроме севера. Разумеется, существуют дороги через степь во всех направлениях, но на них нет почтовых станций, и редко имеются какие-либо деревни.

Телеграф расположен следующим образом:

Петропавловск – Кокчетав (оттуда ветка до Щучина)

Атбасар – Акмолинск – Караганда (оттуда ветка до Каркаралинска) – Семипалатинск. От Семипалатинска линия идет через Сергиополь до Верного. От Сергиополя другая линия⁷³ идет на восток до монгольской границы, где в районе Чугучака она соединяется с китайской линией.

После падения Петропавловска Дутов имел лишь связь с Омском через Семипалатинск, очень окольный и неудовлетворительный путь. С падением последнего у него не стало телеграфной связи ни с кем.

Район к югу от Петропавловска до Кокчетава равнинный и покрыт небольшим количеством лесов и рощ. Лишь к югу от последнего города имеется небольшая гряда холмов небольшой высоты, а остальной район до Атбасара и Акмолинска открытый и плоский с небольшим количеством рек и лесов. К юго-востоку от Акмолинска до Каркаралинска местность также плоская и безлесая и оттуда на восток и на юг прелегает степь, населенная только кочевыми племенами киргизов.

7. Разведка

Средства, использовавшиеся для получения информации, должно быть, были в значительной степени схожими с обеих сторон. Большею частью использовали киргизов, поскольку их выносливость и способы быстрой передачи новостей были велики. Эти кочевые племена имеют какой-то способ передачи слова от одного поселения до другого, который необычайно скор, они часто располагали информацией о состоянии дел в Семипалатинске и Омске, насколько возможно быстро, если не быстрее, чем русский штаб. Киргиз на своей выносливой лошадке может сделать до 100 верст в сутки и даже больше, если сможет сменить коня.

Поскольку должной организации аванпостов или пикетов не было, кто угодно мог беспрепятственно проехать по району. Реквизированным для армии при отступлении телегам зачастую разрешалось вернуться назад после дня пути, и крестьяне, таким образом, могли предоставить преследующей армии массу сведений. Женщины-шпионы, как будто, использовались красными, но я не имею в их отношении определенной информации.

Брак настолько незначим в Сибири сейчас, что женщина-шпион (я слышал об одном случае) без угрызений совести прошла бы процедуру бракосочетания со штабным офицером по чисто политическим мотивам. Известный факт, что русские офицеры не могли хранить секреты от своих женщин, и наиболее секретная информация, таким образом, легко передавалась большевикам.

8. Пропаганда

Под этим заголовком нужно сказать очень мало. Я прилагаю некоторые копии плакатов, использовавшихся Оренбургской армией.

Каждый город и деревня был покрыт ими, но время, когда простые обещания и призывы могли расшевелить крестьян, ушло.

Мало или ничего не было сделано для просвещения населения в отношении правдивого состояния дел разумными газетами, публичными собраниями или лекциями и ни один офицер, старший или младший, казалось, не горел желанием подать пример честности, храбрости, трезвости и боевого духа.

Я ничего не знаю о вражеской пропаганде, поскольку мое пребывание в каком-либо месте было самым коротким, а разведывательное отделение ничего особенного не имело.

9. Беженцы с армией

Отход казаков от Оренбурга повлек за собой большое количество беженцев из Оренбурга, Троицка, Самары и Кустаная. Дальнейшее бегство увеличило это количество сотнями из Кокчетова, Атбасара, Щучина, Петропавловска и даже Омска. Некоторые из них, неспособные идти

дальше и не видящие цели в конце еще одного ужасного пути, рассеивались в степи в небольших русских поселениях или киргизских деревнях, надеясь остаться необнаруженными надвигающимся противником. Большинство, однако, продолжало бежать вместе с армией, продлевая ужасные бедствия и, в конечном счете, будучи захвачено в Семиречье или при пересечении границы Китая возле Чугучака или Кульджи. Там они обнаружили свои сибирские деньги обесцененными и существовали на милость китайских властей.

От русского консула в Урумчи я слышал, что русские продавали своих дочерей и женщин китайским солдатам с целью получить немного еды или горючего, и у меня нет причин сомневаться в этом.

Влияние этой несчастной массы людей на армию было очень плохим. Почти каждый офицер держал женщину или двух, и пример бригады Иванова может проиллюстрировать положение вещей.

При отступлении к Каркаралинску я случайно встретился с так называемой четвертой кадровой бригадой генерала Иванова. Она состояла из двухсот офицеров и четырехсот солдат и должна была служить учебным подразделением для новобранцев. По пути движения каждый офицер имел телегу, на которой находились он сам, его багаж, женщина, солдат-денщик и солдат-извозчик. Отсюда и численность бригады.

Мадам Иванова была женой генерала, который летом 1919 г. был ответственен за эвакуацию Орска и разрушение железнодорожного моста, прежде чем хранившееся там военное имущество могло быть вывезено. Ее страх был столь велик, что она предложила своему мужу передвинуть их специальный поезд за реку и разрушить мост. Это произошло ровно за три дня до занятия города противником, и огромным количеством запасов было пожертвовано⁷⁴.

Это необычайное влияние женщин было заметно во всем, и оно всегда было вредным.

Сам Дутов имел любовницу, девушку семнадцати лет, из Троицка или Орска⁷⁵.

Даже человек хорошего происхождения и воспитания, такой, как барон фон Тизенгаузен, одно время якутский губернатор и оренбургский вице-губернатор⁷⁶, казался абсолютно не понимающим свои обязанности. Он был направлен Колчаком из Омска для содействия гражданскому населению в тылу армии, и, я знаю, у него было, по меньшей мере, четыре миллиона рублей для этой цели. Сумма не очень большая в пересчете на стерлинги, но вполне крупная для этого района.

Деньги использовались фон Тизенгаузеном исключительно для содействия его бегству, и он платил баснословные суммы за все, что хотел, от пары лошадей до чашки молока. В результате несчастные беженцы с меньшими средствами оказывались не в состоянии оплачивать запрашиваемые цены. Растрата общественных средств была очень распространена,

практически каждый высокопоставленный офицер вез сотни тысяч рублей, которые могли быть получены только нечестным путем.

10. Отношение населения.

Повсюду в регионе, через который я путешествовал, основным желанием людей было возвращение к довоенным временам. Царь был бы встречен с энтузиазмом, если бы он мог дать им мир и средства для торговли и приобретения одежды, оборудования и т. д.

Белые и красные казались одинаково непопулярны, поскольку и те, и другие не сумели выполнить свои обещания, и состояние региона менялось от плохого к худшему.

В отдаленных районах люди часто были пробольшеви́стски настроены, поскольку они едва имели время почувствовать Советскую власть в короткий период ее существования в 1918 г. Их отношение, однако, едва ли было вызвано политическими соображениями, но скорее желанием прихода правительства, которое могло бы улучшить состояние региона.

Явной враждебности по отношению к казакам не было, и снабжение всегда было обильным.

11. Общий итог

Кажется едва ли необходимым вдаваться во все причины поражения Дутова. Операции имели место девять месяцев назад и кажется бесполезным обсуждать стратегию, тактику, силы, боевой дух и т. д., когда уже описанные события едва ли могут быть названы кампанией, но скорее «спасайся, кто может».

Удивительно, однако, что человек с такой подготовкой и опытом, как Дутов, позволит дезорганизации своей армии оставаться столь полной на протяжении столь длительного времени, и что он разбросает свои войска на обширной территории и потеряет недели в маршах и контрмаршах, в то время, как каждая минута была драгоценна.

Каким бы плохим ни было его командование, оно не извиняет трусости и постыдного поведения офицеров и лиц всех рангов. Офицеры, в особенности старшие, несли главную вину.

Патриотизм был неизвестным качеством, практически все были бесчестными и беспокоящимися лишь о своей личной безопасности⁷⁷. Их нелюбовь к союзникам была смехотворной, и многие открыто говорили, что Англия и Франция ничего не сделали, чтобы помочь им, и что Япония и Америка тайно помогали большевикам⁷⁸. Офицеры, которые с июля 1914 г. никогда не находились ближе десяти миль от линии фронта, утверждали, что устали от войны и требовали отдыха, и что если союзники послали войска в Сибирь, то они (русские) смогут отдохнуть и позволить нам вести войну. Они говорили это вполне серьезно. Их восхищение Германией не знало границ и большинство отказывалось

верить, что она была на самом деле разбита. Их умственная перспектива была настолько детской, что многие хотели союза с Германией с целью наказать Антанту за отказ поддержать их.

Никто не вспомнил, какая держава вызвала революцию или что сотни тысяч их соотечественников умерли в германских лагерях военнопленных.

Казалось, никто не мог понять, что ни одна иностранная держава не может принимать участия в Гражданской войне в таком масштабе, чтобы не привести к значительному усилению противника и подвергнуться риску вызвать повторение наполеоновских войн.

Мой короткий опыт с Оренбургской армией значительно укрепил мое мнение, что невмешательство союзников в русский вопрос необходимо для мира во всем мире. Я верю, что необходимо сделать все уступки, чтобы по нескольким причинам воздержаться от открытой войны.

Во-первых, тот факт, что боевые действия продолжаются на польской и украинской границе, держит соседние государства в волнении и препятствует сосредоточению этих стран на их мирном развитии, как политическом, так и экономическом.

Во-вторых и даже более важно, что Россия способна, благодаря своему положению, усилить недовольство и вызвать восстание в Афганистане, Индии, Персии и Малой Азии и предоставить этим странам практически неограниченный запас оружия и военного снаряжения.

В-третьих, с каждым днем падение Советской власти в России все ближе. Внутреннее состояние страны таково, что даже давно страдающий крестьянин не будет длительное время защищать нынешний режим, а ненависть в России к евреям за последние шесть лет несколько не уменьшилась.

Если союзники могут предотвратить войну, будет недолго до еще одной революции, и хотя в настоящее время кажется трудным иметь дело с большевиками, для этого должны быть использованы все средства.

Для младшего офицера, как я, обсуждение таких вопросов может казаться выходящим за рамки этого отчета, но ставки на скачках столь высоки, а мои впечатления в Сибири были столь определены, что, я надеюсь, они могут извинить мои ремарки.

Public Record Office. War Office. 106/1205. Лл.4–31. Машинопись.

12. Лейбург А. Ю. Южная армия Восточного фронта в 1919 году (военно-исторический очерк).

Документы личного происхождения, освещающие деятельность А. И. Дутова и неразрывно связанную с ней историю Гражданской войны на Южном Урале, на территории Степного края и в Туркестане, многочисленны.

Касательно событий 1919 г. наиболее информативны неопубликованные воспоминания белых офицеров-генштабистов А. Ю. Лейбурга и С. А. Щепихина.

Материалы воспоминаний Лейбурга были впервые введены в научный оборот автором этих строк еще в 2001 г.⁷⁹ Позднее они использовались в книгах об А. И. Дутове и А. С. Бакиче, однако до сих пор опубликованы не были.

Александр Юрьевич Лейбург родился 23 октября 1890 г. Данные об этом офицере отрывочны. Известно, что в старой армии он служил командиром 36-й отдельной самокатной роты, дослужившись до штабс-капитана. Участвовал в Гражданской войне в антибольшевистских формированиях на Востоке России. На декабрь 1918 г. служил в 1-м Енисейском казачьем полку командиром пулеметной команды. Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 19 декабря 1918 г. он был произведен в капитаны с переименованием в есаулы. В начале 1919 г. был командирован в Томск в младший класс ускоренных курсов 4-й очереди Военной академии. По окончании обучения 30 апреля 1919 г. был откомандирован в распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки. По распределению офицер попал на Южный Урал. Он был командирован в распоряжение начальника штаба Отдельной Оренбургской армии для назначения на должность офицера Генштаба и прибыл в штаб армии 24 мая 1919 г. Приказом войскам Отдельной Оренбургской армии № 360 от 30 мая 1919 г. он получил назначение старшим адъютантом Оренбургской казачьей пластунской дивизии, которой в воспоминаниях уделил особое внимание. Летом 1919 г. занимал пост начальника штаба этой дивизии. В дальнейшем Лейбург разделил все тяготы, выпавшие на долю армии. Участвовал в «Голодном походе» в Семиречье. Причислен к Генеральному штабу (на основании статьи 489 «Положения о полевом управлении войск в военное время» и согласно приказу главнокомандующего армиями Восточного фронта №1493 от 19 ноября 1919 г.). Причисление состоялось приказом по Отдельной Оренбургской армии №63 от 3 января 1920 г. Переведен в Генеральный штаб приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной Краины №34 от 18 марта 1921 г. За боевые отличия приказом по Отдельной Оренбургской армии №52 от 5 января 1920 г. Лейбург был произведен в полковники. В 1921 г. он перебрался на Дальний Восток. По данным на 1922 г. служил секретарем управления внутренними делами Временного Приамурского правительства. В эмиграции оказался в Шанхае. В 1924 г. на пароходе «Портос» прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), вступил в общество русских офицеров Генерального штаба. Жил в Банате и работал учителем. Позднее переехал в США, жил в Калифорнии, умер в Голливуде 17 сентября 1966 г.

12 мая 1925 г. Лейбург обратился в военный отдел Русского заграничного исторического архива (РЗИА) с вопросами о том, приобретает ли архив материалы по Гражданской войне и на каких условиях, а также возможно ли приобретение рукописи по истории Южной армии Восточного

фронта. Содержание рукописи военному эксперту архива генералу В. В. Чернавину сообщил генерал-майор П. М. Русский. 30 мая Лейбургу был направлен ответ о том, что рукописи архив приобретает после предварительного ознакомления и отзыва военного эксперта генерала Чернавина⁸⁰.

Военно-исторический очерк «Южная армия Восточного фронта в 1919 году» был написан в 1925 г. в КСХС. Тогда же он был отправлен в Прагу для отзыва и определения хозяйственной комиссии РЗИА на предмет приобретения архивом. В сопроводительном письме от 4 июня 1925 г. Лейбург писал:

«Ваше Превосходительство!»⁸¹

Посылая Вам для отзыва свою книгу «Южная армия Восточного фронта в 1919 году», прошу не отказать в любезности сообщить мне Ваше мнение о ней, а также и определение хозяйственной комиссии архива.

Этот военно-исторический очерк, написанный мною в течение нескольких дней, безусловно требует литературной отделки изложения и страдает краткостью и схематичностью содержания.

Если для архива представляет интерес подробный разбор боевых действий на Туркестанском участке фронта Южной армии, то я, как бывший старший адъютант, а потом и начальник штаба Оренбургской казачьей пластунской дивизии⁸², располагая некоторыми материалами, мог бы эти боевые эпизоды описать в отдельной брошюре.

Генерального штаба полковник Лейбург
Александр Лейбург. Учитель Ульма. Банат. S.H.S.»⁸³

На заседании хозяйственной комиссии архива 26 июня 1925 г. постановили рукопись Лейбурга на основании положительного отзыва Чернавина приобрести, оценив ее в 400 крон⁸⁴. В сентябре деньги были перечислены Лейбургу его сослуживцем по Южной армии, а на 1925 г. и. д. бухгалтера архива генералом С. А. Щепихиным⁸⁵.

Очерк был обнаружен в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде районного правления Общества русских офицеров Генерального штаба в КСХС.

А. Ю. Лейбург часто неточен в описании событий, происходивших на соседних фронтах, однако детальное изложение боевых операций Южной, Оренбургской и Отдельной Оренбургской армий с июня 1919 г. по январь 1920 г., описание Голодного похода представляют интерес.

Генерального штаба полковник [А. Ю.] Лейбург
Южная армия Восточного фронта в 1919 году
(военно-исторический очерк)

Прежде, чем приступить к описанию действий Южной армии, необходимо рассмотреть (в общих чертах) ту создавшуюся на Восточном

(Сибирском) фронте обстановку и те причины, которые вызвали необходимость формирования этой армии.

Наступательный период, период колоссальных успехов армий адмирала Колчака, достигших⁸⁶ к апрелю 1919 года своего предела, когда разбитые части красных армий, деморализованные стремительным порывом вперед сибиряков и волжан, в панике откатились почти до Волги, – закончился и обстановка на фронте стала изменяться в неблагоприятную для нас сторону.

Сибирская армия (на правом фланге Восточного фронта), заняв г.г. Екатеринбург и Пермь, продолжала доблестное наступление в направлении на Глазов и Вятку и уже устанавливала связь разъездами с северной архангельской армией.

Расположенная к югу от Сибирской армии, Западная армия, ослабленная беспрерывными боями и стремительным продвижением вперед, начала встречать все увеличивавшееся упорство в сопротивлении частей Красной армии, переброшенных к этому времени на Волгу с фронта Добровольческой армии ген[ерала] Деникина.

Политическая и штабная вакханалия тыла, отсутствие талантливо разработанного плана стратегического наступления, отсутствие резервов, подвоза продовольствия, снаряжения и боевых припасов привело к тому, что выдохшиеся части Западной армии, под сильным давлением частей советской армии, вынуждены были вначале приостановить свое наступление и перейти к обороне занятого пространства, а затем и начать медленное отступление.

Надежда задержать наступление красных и восстановить утраченное положение, была только на формирующийся в Зап[адной] Сибири корпус ген[ерала] Каппеля, срочно перебрасываемый⁸⁷ на фронт.

Но и эта надежда не оправдалась, так как корпус, будучи по частям втянут в бой, только временно задержал развитие наступления красных.

Южная группа ген[ерала] Белова, наступающая в Бузулукском и Оренбургском операционном направлениях, после кровопролитных, но безуспешных боев на реке Салмыш (2-й Стоход⁸⁸) в конце апреля 1919 года, занимала оборонительные позиции к юго-западу от г. Стерлитамак на восточных берегах рек Демы (приток р. Белой) и Салмыша.

На левом фланге Восточного фронта была расположена Отд[ельная] Оренбургская армия, атамана Дутова, состоящая в большей своей части из конных казачьих частей (два Оренбургских казачьих корпуса и Отд[ельная] Оренб[ургская] каз[ачья] пластунская дивизия).

Эта армия, успешно и быстро продвинувшись из Троицкого района к Орску и далее к Оренбургу и Актюбинску, после боев успешного апрельского наступления на гор[од] Оренбург с юга и востока, занимала следующее положение:

1-ый Оренб[ургский] каз[ачий] корпус, войдя в тесную и непосредственную связь с Уральской армией, был расположен⁸⁹ по левому берегу

р. Урал, от станицы Рассыпная на левом фланге до стан[ицы] Нежинская на правом, местами выдвигаясь на правый берег (ст[аницы]⁹⁰ Нижнеозерная, Чесноковская, Зубочистенская).

2-ой Ор[енбургский] каз[ачий] корпус, поддерживая связь с Южной группой, был расположен между реками Урал и Сакмара.

Отд[ельная] Оренб[ургская] казачья пластунская дивизия, имея задачей, отбросив противника в ненаселенные, песчаные киргизские степи, обеспечить Оренбургскую армию от удара с тыла, со стороны Туркестана, вела наступательные бои к югу от г. Актюбинска в районе г. Темир – ст[анция] Джурун.

Когда на фронте Западной армии, утомленные части начали, под натиском частей Красной армии, отступать, главнокомандующим было решено произвести переформирование Отд[ельной] Оренбургской армии и Южной группы в Южную армию, имея целью, по окончании формирования (в июне), решительным и сильным ударом в направлении Оренбург – Бузулук – Самара, остановить, развивающийся против Западной армии, успех красных.

Командование Южной армией было возложено на ген[ерала] Белова. К 1-му июня переформирование было закончено.

Сформирование Южной армии привело к следующим положительным результатам:

1) равномерному и полезному соединению пехоты и конницы под единым командованием и

2) расформированию многих штабов и тыловых учреждений и пополнению действующих частей армии.

Здесь будет вполне уместно указать и на те основные принципы, которые отчасти достигались при организации Южной армии. Первый основной принцип, принцип самостоятельности, был частично достигнут посредством придания стратегическим организациям известной численной силы, во-вторых, был достигнут принцип удобоуправляемости, путем уменьшения количества подчинения штабов и, в-третьих, был достигнут принцип объединения власти в руках начальника.

В состав Южной армии вошли:*

1) 5-ый Стерлитамакский корпус.

Ген[ерал] Бобрин. 9000 шт[ыков], 1500 шаш[ек], 8 орудий.

2) 4-ый Оренбургский корпус.

Ген[ерал] Бакит. 5000 шт[ыков], 2000 шаш[ек], 6 орудий.

3) 11-й Яицкий корпус.

Ген[ерал] Галкин. 3000 шт[ыков], 300 шаш[ек], 4 орудия.

4) 1-ый Оренбургский каз[ачий] корпус (сформированный из 1-го и 2-го Орен[бургских] каз[ачьих] корпусов и Отд[ельной] Орен[бургской] каз[ачьей] пласт[унской] дивизии).

Ген[ерал] Акулинин. 3000 шт[ыков], 16200 шаш[ек], 14 орудий.

* Цифровые данные приблизительные (прим. А. Ю. Лейбурга).

Итого в Южной армии состояло: 20000 шт[ыков], 20000 шаш[ек], 32 оруд[ия].

К 1-му июня обстановка на фронте Южной армии не изменилась.

5-ый Стерлитамакский корпус вел оборонительные бои к юго-западу от гор[ода] Стерлитамак на восточном берегу р.р. Дема и Салмыш.

4-ый Оренбургский корпус, расположенный к югу от 5-го, занимал оборонительные позиции на восточном берегу р. Салмыш.

11-ый Яицкий корпус формировался в г. Троицке.

1-ый Орен[бургский] каз[ачий] корпус, занимая то же расположение, по левому берегу р. Урал, вел безуспешные бои на северном ее берегу, в районе ст[аниц] ⁹¹Зубочистенская – Татищевская.

Штаб Отд[ельной] Оренб[ургской] армии, находившийся к 1-му июня в г. Орске, был расформирован, а штаб Южной группы, переименованный в штаб Южной армии, находился в гор[оде] Стерлитамак, т. е. за правым флангом расположения армии.

Наступление на гор[од] Оренбург было предположено начать в середине июля. 11-ый Яицкий корпус, отправленный на фронт, занял позиции между р.р. Сакмара и Урал.

Но приготовления к наступлению этим и ограничились.

В это время Отд[ельная] Оренб[ургская] каз[ачья] пластунская дивизия с приданными ей конными частями (1200 штыков, 1500 шашек и 5 орудий), выдвинутая заслоном на Ташк[ентской] жел[езной] дороге, после упорных боев в начале и середине июня, со много раз превосходящими ее в силах красными частями Северного Туркестанского фронта, успешно выполнила поставленную ей задачу.

Красная армия, разбитая по частям и почти совершенно уничтоженная, была отброшена за Мугоджарские горы в пустынные степи и пески. Дорога в Туркестан была открыта.

Дивизия, не ограничиваясь выполнением поставленной ей задачи, энергично преследовала отступающие, разбитые части Красной армии, перешла через Мугоджары и спустилась в пустыню, продвинувшись вперед почти до ст[анции] Челкар, более, чем на 200 верст. Дальнейшее преследование красных, благодаря весьма печальному событию в дивизии, приостановилось почти на целый месяц.

Казаки 2-го Орен[бургского] каз[ачьего] пластунского полка, распропагандированные красными, взбунтовались. Командир полка, Капитан Козин, чтобы избежать самосуда, застрелился. Высланные против пластунов конные части и артиллерия отказались действовать против своих же. Только приехавшие к этому времени члены Войскового правительства, отправившиеся вместе с Начальником дивизии на ст[анцию] Берчогур к пластунам, привели их к повинению.

Здесь кстати будет упомянуть, что в то время как красные главное свое внимание обращали на агитационно-пропагандное дело, как среди казаков, так и в своих частях, у нас на это обращалось очень мало вни-

мания, и осведомительный отдел штаба Южной армии совершенно не проявлял своей деятельности. Показательным и грустным, но все же фактом является то обстоятельство, что ни разу в частях дивизий Южной армии, не появлялись не только газеты, но и вообще никакая агитационная литература (воззвания, книжки, брошюры и т. д.), которая была так необходима для поднятия морального состояния казаков и солдат.

Человеку всегда принадлежала и будет принадлежать главная роль в войне, в особенности в гражданской: какое бы хорошее ни было оружие, какая бы ни была усовершенствованная техника (бывшая у нас весьма слабой), но если будет отсутствовать моральная подготовка частей, победа будет сомнительна. Поэтому в Гражданской войне особенно серьезное внимание должно быть всегда обращено на поднятие духа и моральное воспитание частей.

Не только в Южной армии, но и в других армиях Восточного фронта и в Сибири агитационно-пропагандное дело не было поставлено на должную высоту, почему и результаты его или минимально ничтожны или даже совершенно отсутствуют. И это было одной из главных причин тяжелых испытаний, постигших армии Восточного фронта.

Только во второй половине июля Оренбургская каз[ачья] пластунская дивизия вновь начала свое наступление на усилившиеся части северной Туркестанской армии, укрепившиеся⁹² в районе ст[анции] Челкар. Здесь было стянуто красными все, что они могли: появились новые части, снятые с Асхабадского и Семиреченского фронтов, и даже инструкторская школа красных (красное военное училище) была отправлена на фронт.

В упорном и жестоком двухдневном бою красные были вновь разбиты: потеряв большое количество ранеными и убитыми, они в панике, пользуясь ночным временем, на поездах отступили в Туркестан. Г. Челкар был взят. Ввиду отсутствия в распоряжении дивизии достаточного количества паровозов (всего 4 паровоза обслуживали всю дорогу), преследование было возложено на конные части 1-го Линейного казачьего полка, которые, пройдя более 200 верст по песчаной и безводной пустыне, к началу августа подошли к Аральскому морю. Дальнейшее наступление частей дивизии в Туркестан было приостановлено, благодаря отсутствию достаточного количества поездов, разрушенному железнодорожному пути и отсутствию воды (водокачки были разрушены красными при их отступлении из Челкара). Главной же причиной приостановки наступления было то, что казаки-пластуны, понесшие в предыдущих боях большие потери, распропагандированные красными, отказались двигаться дальше.

Глава 2

В течение этого времени (июнь – июль) Южная армия не предпринимала никаких решительных операций против красных, укрепивших-

ся в г. Оренбурге. Происходившие незначительные операции имели лишь местное значение.

Штаб Южной армии только к середине августа перешел в г. Орск. В августе отступление Западной армии приняло уже поспешный характер. Задержать наступление красных было нечем. Резервы израсходованы. Уфа пала, красные продвигались к Златоусту. Грозил ужасная катастрофа. Связь Западной армии с Сибирской⁹³ была потеряна. Сибирской армии угрожало быть отрезанной от Сибири.

В конце июля и в начале августа красные, крупными силами, перешли в наступление на 5-ый Стерлитамакский корпус, расположенный на правом фланге Южной армии, проявляя в то же время активность и на остальных участках фронта армии.

Во избежание обхода с правого фланга, обнаженного отступлением Западной армии, 5-ый корпус, оказывая упорное сопротивление, начал медленно отходить в направлении на г. Стерлитамак – Верхнеуральск. 4-ый Оренбургский корпус и 11-ый Яицкий, не теряя связи с 5-ым корпусом, также с боями начали отход в направлении на станицу Кизильская – г. Орск.

Направление фронта постепенно изменялось на северо-запад и на север.

В это время штаб Южной армии получил из Ставки главнокомандующего две директивы: одна содержала распоряжение, не теряя связи с Западной армией, отступать в Сибирь, согласно же другой – Южная армия должна была соединиться с Уральской армией.

Командующий армией, генерал Белов (Виткекопф), под впечатлением быстрых и решительных успехов на Туркестанском участке фронта армии, достигнутых небольшими силами Оренбургской казачьей пластунской дивизии и полагая, что завоевание Туркестана является легкой задачей для армии, принимает, еще в начале августа, решение: 1) овладеть гор[одом] Ташкент и 2) об отводе Южной армии в Туркестан.

В принятии этого решения немаловажную роль сыграло также и чрезмерное честолюбие ген[ерала] Белова, желавшего быть совершенно независимым командующим отдельной Южной армией.

Для выполнения принятого решения (завоевание Туркестана) командующий армией отдал приказ о формировании Туркестанского стрелкового корпуса, назначив его командиром молодого полковника Василенко (окончивший ускоренный курс 1-ой очереди академии Генерального штаба).

5-му Стерлитамакскому, 4-му Оренбургскому, 11-му Яицкому и 1-му Оренбургскому казачьему корпусам было приказано отходить, оказывая упорное сопротивление красным, на г. Орск – г. Актюбинск.

В состав Туркестанского стрелкового корпуса вошли:

1) Оренбургская казачья пластунская дивизия (1-ый и 2-ой Орен[бургские] каз[ачьи] пластун[ские] полки, 1-ый Орен[бургский] каз[ачий] Ли-

нейный полк, отд[ельный] каз[ачий] дивизион и 2-ая Орен[бургская] пластунская батарея) 800 штык[ов] 1600 ш[ашек] 5 ор[удий]

2) Туркестанская стрелковая дивизия (1-ый, 2-ой и 3-ий Туркест[анские] стр[елковые] полки и 42-ой Троицкий полк)
1500 штыков

3) Вспомогательные части (железнодорожный батальон, бронепоезд и авиаотряд) 2 аэроплана.

Одной из главных ошибок этого приказа о формировании Туркестанского корпуса было то, что элемент времени, которого было очень мало, не был учтен. Второй не менее важной ошибкой являлось то, что выполнение указанного выше решения было возложено на части ненадежные (Туркестанские полки) и морально подавленные (пластуны), что, в конце концов, и привело к тяжелому поражению.

Туркестанская стрелковая дивизия, не закончившая своего формирования, только ко второй половине августа прибыла на ст[анцию] Челкар.

Пока производилось формирование этой дивизии, Оренбургской казачьей пластунской дивизии было приказано продолжать наступление и овладеть ст[анцией] Аральское море и гор[одом] Казалинск, для «подготовки дальнейшего наступления на Арысь – Ташкент».

Станция Аральское море, сильно укрепленная красными, представляла собою пробку, которая, будучи выбитой, давала возможность сравнительно легкого овладения Ташкентом, а, следовательно, и всем Туркестаном.

Здесь необходимо отметить, что штаб Оренбургской казачьей пластунской дивизии, имея связь с уральскими казаками, населяющими берега реки Аму-Дарья и южного побережья Аральского моря, имел полное основание рассчитывать, что с продвижением частей Южной армии вперед и с занятием ст[анции] Аральское море и г. Казалинск, все это казачье население, имея вооружение, включительно до орудий, подымет восстание против красных и окажут⁹⁴ нашим наступающим частям полную поддержку, как живой силой, так и продовольствием.

По данным агентурной разведки было известно, что красные решили упорно оборонять ст[анцию] Аральское море, сильно ее укрепив окопами полной профили и проволочными заграждениями.

В случае же, если ст[анция] Аральское море будет взята казаками, то было решено отступить до ст[анции] Туркестан (недалеко от гор[ода] Ташкент), где и оказать упорное сопротивление. Казалинск приказано было эвакуировать.

Выше было указано, что первоначальной задачей Оренбургской казачьей пластунской дивизии было овладение ст[анцией] Эмба и закрепление этого района за собою.

Дальнейшее продвижение до станции Челкар включительно, производилось дивизией по собственной инициативе. Но уже в начале августа

был получен приказ о продолжении дальнейшего наступления вглубь Туркестана.

Технические работы по восстановлению железнодорожного пути, мостов и водокачек начались со дня взятия ст[анции] Челкар, но производились крайне медленно из-за отсутствия технического персонала, инструментов и материала. Железнодорожный батальон прибыл уже в конце августа.

Только к 20 августа железнодорожный путь и водокачки были приведены в исправность.

Для выполнения ближайшей задачи, овладения ст[анцией] Аральское море, Оренбургская казачья пластунская дивизия была усилена одним батальоном 42-го Троицкого полка, железнодорожным батальоном и авиаотрядом.

Таким образом, весь отряд, назначенный для овладения ст[анцией] Аральское море, состоял из 1200 штыков, 1200 шашек, 5 легких орудий, 2 аэропланов и железнодорожного батальона.

Северная Туркестанская армия красных, имея около месяца времени, после их последнего поражения у ст[анции] Челкар, была вновь усилена новыми частями, прибывшими с Асхабадского фронта и гор[ода] Ташкент, и, занимая сильно укрепленную ими ст[анцию] Аральское море, к этому времени состояла из: 6000 штыков, 1500 сабель, 25 легких и тяжелых орудий и 6 бронепоездов.

С 20-го августа началось сосредоточение частей дивизии на ст[анции] Саксаульская (Сыр-Дарьинской области).

В конце первой главы было указано, что 2-ой Оренбургский каз[ачий] пластунский полк, морально разложенный и распропагандированный красными, отказывался двигаться далее на юг. Теперь же, когда их станицы стали заниматься красными, они потребовали отправления их для защиты своих станиц, и только с большим трудом и угрозами они были отправлены к месту сосредоточения дивизии; но, не доезжая места назначения, они остановили поезд и категорически отказались ехать дальше. Только убежденные делегатами Уральских казаков, населяющих берега р. Аму-Дарья и Аральского моря, которые, стоя на коленях, со слезами на глазах, умоляли прийти на помощь казакам-Уральцам и освободить их от власти большевиков, пластуны согласились отправиться дальше.

К 26 августа вся дивизия с приданными ей частями сосредоточилась на ст[анции] Саксаульская.

В это время части Южной армии, ведя упорные бои с превосходящими их в силах частями Красной армии, медленно отходили к гор[оду] Орск и г. Актюбинск. Связь с Западной армией была потеряна уже в первой половине августа.

5-ый Стерлитамакский корпус, отходя от г. Верхнеуральска в южном направлении на г. Орск, был расположен по обоим берегам р. Урал.

4-ый Оренбургский корпус, упорно обороняясь на естественных рубежах, медленно отходил в восточном направлении на станицу Кизильская и Орск. Но Командир 4-го корпуса, генерал Бакич, не исполнив приказа командующего армией о дальнейшем отступлении на г. Актюбинск, со 2-ой Сызранской дивизией, партизанской бригадой Полковника Степанова (1-ый и 4-ый Орен[бургские] каз[ачьи] полки) и артиллерией, продолжал дальнейшее отступление в восточном направлении на гор[од] Кустанай.

5-ая дивизия 4-го Орен[бургского] корпуса, 11-ый Яицкий корпус и часть 1-го Оренбургского казачьего корпуса начали отступление в южном и юго-восточном направлениях на гор[од] Актюбинск.

В 20-ых числах августа штаб армии перешел из г. Орск в Актюбинск и далее на ст[анцию] Эмба. К концу августа части 11-го Яицкого корпуса, 1-го Оренб[ургского] казачьего корпуса и 5-ая дивизия 4-го Оренб[ургского] корпуса отступили к гор[оду] Актюбинск, а 5-ый Стерлитамакский [корпус] – к гор[оду] Орск.

Части 1-го Оренбургского казачьего корпуса, расположенные к западу от железной дороги с командиром корпуса и штабом отступали в юго-западном направлении, на присоединение к Уральской армии.

2-го Сентября красные, прорвав фронт, заняли гор[од] Актюбинск.

Части 11-го корпуса, 5-ой дивизии 4-го корпуса и 1-го Оренб[ургского] корпуса отступали далее на юг вдоль Ташкентской железной дороги к станции Эмба. Некоторые арьергардные части обходили Актюбинск и также сосредотачивались на ст[анции] Эмба. 5-ый Стерлитамакский корпус отходил на форт Кара-Бутацкий.

Таким образом, почти вся армия, за исключением большей части 4-го Оренбургского и 1-го Оренбургского казачьего корпусов, была сосредоточена вдоль Ташкентской железной дороги, запертой с севера городом Актюбинск, а с юга станцией Аральское море.

Необходимо было возможно скорее выбить красных со станции Аральское море для дальнейшего движения армии в Туркестан.

Решено было перейти в наступление 30-го августа. Еще 28-го августа был отправлен со станции Саксаульская обходный отряд (пластуны и 3 сотни 1-го Линейного каз[ачьего] полка), на верблюдах и лошадях (200 шт[ыков] и 300 шаш[ек]), для обхода ст[анции] Аральское море с востока и юга.

Здесь местность имеет совершенно пустынный характер. Все песок и песок. Куда ни кинешь взгляд, всюду одни только песчаные сыпучие пески и барханы. Пресной воды нет, привозят по железной дороге в нефтяных цистернах. Жара градусов 45–50.

30-го августа станция Конту была взята почти без сопротивления, и только к вечеру того же дня, после упорного боя был взят разъезд №85 и к ночи разъезд №86, в 4-х верстах от станции Аральское море.

С рассветом 31-го августа началось одновременное наступление на ст[анцию] Аральское море с северной, восточной и юго-восточной сторон. Красные оказывали упорное сопротивление. Артиллерийский огонь, открытый красными из всех тяжелых и легких орудий (до 25) принял характер ураганного. Уже к полудню весь резерв был израсходован. К 18 часам была занята окраина поселка Аральское море, но подошедшими новыми силами красных казаки были выбиты. Три раза части шли в атаку, но с большими потерями были отбиты.

Части, измученные страшной жарой и жаждой (воду подвезти в бочках или ведрах не представлялось возможным), утомленные непрекращающимся боем, под сильным артиллерийским огнем противника, выдохлись, а новых частей для их подкрепления не было. К 20 часам наступление прекратилось, но артиллерийский огонь, как с фронта и с флангов, так отчасти и с тыла, с судов красного флота, продолжался до темноты. В 23 часа бой прекратился и наступила мертвая тишина. Только время от времени красные, освещавшие впереди лежащую местность прожектором, показывали свою готовность. Обходный отряд, дойдя до проводочных заграждений противника, также не имел никакого успеха.

С рассветом 1-го сентября вновь началось наступление на ст[анцию] Аральское море, но после двух неудачных атак, отбитые с большими потерями части залегли и целый день [держались], находясь под сильным артиллерийским огнем, с наступлением темноты, самовольно ушли с позиции, часть же солдат 42-го Троицкого полка перешла на сторону красных.

Никакими силами нельзя было остановить пластунов и солдат, которые беспорядочными толпами собрались на ст[анции] Конту. Перешедшие в наступление красные были отбиты казаками 1-го Линейного каз[ачьего] полка и пулеметной командой 2-го пластунского полка.

Части были отведены на ст[анцию] Саксаульская. Оборона ст[анции] Конту была возложена на 1-ый Оренбургский каз[ачий] пластунский полк.

2-го сентября прибыл командующий корпусом с 1-ым Туркестанским стрелковым полком, остальными батальонами 42-го Троицкого полка, бронепоездом и одной 6-дюймовой пушкой (с комплектом в 45 шрапнелей).

Было приказано вновь 4-го сентября с рассветом перейти в наступление. Но 3-го сентября был получен приказ командующего армией о возобновлении наступления после его приезда с егерским полком, но этот приказ на следующее утро был отменен.

Командующий корпусом уехал в Челкар на дрезине.

Весть о взятии красными Актюбинска уже к 4-му сентября стала распространяться в частях корпуса.

Настроение в корпусе стало угнетенным и подавленным. Недовольство росло все более и более. Подвоз продовольствия, фуража и воды

прекратился, так как паровозы были заняты штабом армии для перевозки частей. Отряду угрожали голод и жажда.

В этот же день (4-го сентября) казаки 2-го Ор[енбургского] каз[ачьего] пластун[ского] полка арестовали своих офицеров, и, представив к паровозу караул, потребовали их немедленного отправления на север для освобождения станиц.

1-ый Линейный каз[ачий] полк ушел с позиции, отказавшись выполнить боевой приказ по охране пути на гор[од] Иргиз.

Переговоры штаба дивизии со штабом армии по прямому проводу об отводе частей не привели ни к каким результатам. На следующий день Начальник дивизии отдал приказ об отводе частей на ст[анцию] Чокусу, возложив оборону участка на 1-ый Туркестанский стр[елковый] полк. Но как только штаб дивизии с бронепоездом и пластунскими полками отошел со ст[анции] Саксаульская, 1-ый Туркестанский стр[елковый] полк взбунтовался, перебил часть своих офицеров и ушел к красным.

6-го сентября большая часть 42-го Троицкого полка также перешла к красным. Железнодорожный батальон разрушал путь.

Пластуны, захватив все паровозы, самовольно уехали в Челкар и далее на север, всюду разрушая телеграфную линию.

Связь со штабом армии была прервана. Оборона участка фронта у ст[анции] Тугуз была возложена на 42-й Троицкий полк, 1-ый Оренб[ургский] каз[ачий] пластунский полк и пластунскую батарею. Всего около 500 шт[ыков] и 4 орудия. 1-ый Линейный каз[ачий] полк, забрав с собою весь офицерский состав и обозы, ушел по долине р. Эмба на присоединение к Уральской армии.

9-го сентября приехал на ст[анцию] Джилан (штаб дивизии) Командующий корпусом: были привезены продовольствие и боевые припасы. В тот же день, к вечеру, он отправился на позицию у ст[анции] Тугуз, которая занималась 42-м Троицким полком.

Весь железнодорожный путь и водокачки до станции Тугуз были испорчены и по докладу Командира железнодорожного батальона, на его исправление потребуется не менее 10 дней.

Но уже 10-го сентября с рассветом подошли к станции Тугуз бронепоезда красных и подвергли, как самую станцию, так и занимаемые полком позиции жестокому обстрелу. В то же время пехотные части противника начали наступление и с фронта и с флангов на позицию, в то время как кавалерия была брошена в тыл. После непродолжительного боя Троицкий полк начал под прикрытием своего бронепоезда отступление. Красная кавалерия, старавшаяся разрушить в тылу позиции железнодорожный путь, был[а] отбит[а] бронепоездом. Здесь наш бронепоезд проявил отчаянное мужество: под угрозой быть отрезанным от тыла, он вел отчаянную борьбу с наседавшими частями красных. Небольшая

уцелевшая часть 42-го Троицкого полка (250 штыков), отошла на ст[анцию] Джилан, где к этому времени сосредоточились остатки 1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] полка (100 шт[ыков]), батарея, бронепоезд, и остатки железнодорожного батальона.

Здесь эти уцелевшие части были разделены Командующим Корпуса на 2 отряда:

Первый отряд, во главе с начальником Оренбургской пластуной дивизии, в составе: 1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] пласт[унского] полка, пластуной батареи, чинов бронепоезда и железнодорожного батальона (300 штык[ов] и 1 орудие), был отправлен без всяких дорог, по песчаной и безводной пустыне в направлении на гор[од] Иргиз. Часть отряда шла пешком, часть верхами на верблюдах и лошадях. Продовольствия взято с собой не было, за неимением перевозочных средств: было взято только то, что успел взять каждый из чинов отряда.

Второй отряд, под личным командованием командующего корпусом в составе 250 штыков 42-го Троицкого полка, отошел на ст[анцию] Коп-мулла. Связи с Челкаром не было, каково было положение на северном участке железной дороги, было неизвестно.

Все боевые и продовольственные запасы были взорваны и сожжены на ст[анции] Джилан: бронепоезд был также взорван, орудия испорчены и брошены.

Штаб Южной армии с Егерским полком, к 6-му Сентября прибыл на ст[анцию] Челкар. Остальные части армии, сосредоточенные частью на ст[анции] Эмба, частью же вдоль Железной дороги между ст[анциями]⁹⁵ Эмба и Актюбинск, начали движение к гор[оду] Иргиз, 5-ый Стерлитамакский корпус продвигался к форту Кара-бутацкому.

Все это движение прикрывалось с юга только 250 штыками, а с севера никакого прикрытия не было.

Здесь необходимо будет отметить, что штаб Оренбургской казачьей пластуной дивизии, еще в июле месяце послал командующему Южной армией и Командиру 1-го Оренб[ургского] казачьего корпуса свои соображения на случай отхода. Штабу дивизии уже тогда было ясно, что в случае перехода красными в наступление со стороны гор[ода] Оренбург и занятия ими гор[ода] Актюбинск, дивизии придется отступать по дороге Иргиз – Тургай и далее.

Учитывая, что в данной местности невозможно достать продовольственных припасов, Начальник дивизии (в то время полковник Г. М. Фаддеев) просил штаб армии о заблаговременной заготовке в гор[одах]⁹⁶ Иргиз и Тургай продовольственных магазинов и складов, но это штабом армии сделано не было.

12-го сентября, когда уже все части армии были в пути на гор[од] Иргиз, командующий армией (штаб еще в начале сентября перешел в Иргиз) с егерским полком оставил Челкар и двинулся в Иргиз.

Так неудачно и печально кончилось принятое командующим армией решение завоевания Туркестана⁹⁷.

К этому времени Западная армия Восточного фронта продолжала свое отступление на восток. Златоуст пал, в сентябре был взят Челябинск⁹⁸ и под угрозой уже находился гор[од] Курган.

Сибирское казачье войско, находясь перед непосредственной опасностью занятия территории войска красными, объявило поголовную мобилизацию всех казаков для защиты родных станиц. Но было уже поздно. Разложенные части Западной армии не были уже способны к упорному сопротивлению.

Этот период (июнь, июль, август и сентябрь) напряженной боевой работы частей Южной армии, и, главным образом, на туркестанском участке фронта, дает возможность подвести итоги в отношении допущенных ошибок в обстановке Гражданской войны: извлечение же из имеющегося тяжелого боевого опыта проверенных жизнью данных послужит в будущем к тому, что допущенные ошибки в прошлом будут приняты во внимание в будущем строительстве мощной русской армии.

Какие же были допущены ошибки при организации Южной армии и боевых ее действиях.

1) Главной ошибкой являлось допущение так называемых территориальных казачьих формирований, где казачьи части, ведя боевые действия в районе войсковой территории, способны только к обороне и в редких случаях к наступлению. При отступлении же большая часть казаков разойдется по станицам, и только небольшая часть наиболее стойких в своих убеждениях казаков решается бросить свои станицы и семьи и оказываются⁹⁹ способными ко всякого рода боевым действиям.

Полная недопустимость в обстановке гражданской войны введения в бой казачьих частей в районах, где находятся их родные станицы, многократно подтверждается как Оренбургским Казачьим Войском, так и Сибирским.

Мы видим, что только небольшая часть казаков-оренбуржцев отступила с территории войска, в то время, когда те казачьи части того же войска, которые были приданы Западной армии, почти полностью совершили Великий Сибирский поход.

Про пластунские части говорить не приходится, так как вообще казак-пехотинец, не имеющий лошади, с которой он сросся с малых лет, не чувствует себя уже вполне боеспособным казаком и более привязан к своей станице, чем казак-джигит. Это же наблюдалось в Сибирском, Енисейском и Иркутском казачьих войсках.

2) Отсутствие маршевых рот и сотен, которые пополняли бы убыль в боевых частях, являлось также немаловажной причиной, приведшей армию к катастрофе. Дравшиеся на фронте боевые части, истекая кровью, теряют свои боевые кадры, и неполучение вовремя укомплектований понижает их моральное состояние и боевую способность.

3) Отсутствие заботы высшего командования о нуждах казаков на фронте. Казаки не получали ни обмундирования, ни белья, в то время как пехотные части той же армии получали все в достаточном количестве. Это объяснялось тем, что неказачье командование возлагало заботы о снабжении казаков на Войсковое правительство, которое часто и не имело возможности удовлетворить все нужды казаков.

4) Назначение на строевые казачьи должности неказачьих офицеров (как было во 2-ом Оренб[ургском] каз[ачьем] пластунском полку), совершенно не имеющих понятий об особенностях жизни и службы казаков, очень часто приводило не только к крупным недоразумениям, но и к восстанию.

5) Формирование крупных боевых частей из сдавшихся и взятых в плен красноармейцев являлось одной из самых крупных ошибок военного командования, которое неоднократно приводило к роковым последствиям (части корпуса ген[ерала] Каппеля в Западной армии, Туркестанская дивизия Южной армии).

6) Несоблюдение основных принципов военного искусства и неумение сохранить дух армии, в то время, когда противник наибольшее внимание обращал именно на нравственный подъем в своих частях, явилось следствием того, что высший Командный состав был не на должной высоте.

Теория нас учит, что одна из самых главных задач стратегического искусства заключается в том, чтобы сосредоточить к решительному пункту театра действий превосходные сравнительно с противником силы. Бой у ст[анции] Аральское море показывает, что этот основной принцип командующим армией был забыт. Станция Аральское море являлась стратегическим ключом Туркестана, и в этом решительном пункте красные много раз превосходили наступающие части Южной армии.

Обращаясь к рассмотрению общих причин неудач всего Восточного фронта и падения власти адмирала Колчака необходимо отметить следующее:

На стороне советской армии было численное превосходство, не говоря уже о дисциплине, организации и более высоком моральном настроении войск – результате целого ряда успехов.

Совсем в другом положении были как Южная армия, так и другие армии фронта, находившиеся в состоянии отступления и в достаточной степени разложения, благодаря усиленной агитации красных.

Кроме этих частных причин, на понижение нравственного духа армий оказало сильное влияние и впечатление тех общих неудач, которые постигли все армии фронта. Не могло остаться на них без влияния и то враждебное правительству настроение, которое охватило уже к этому времени большинство рабочих и крестьян.

Перенести целый ряд военных неудач, не потеряв, однако, доверия к собственным силам, не подрывая авторитета верховной власти и сохра-

няя к ней уважение, может только вполне здоровый государственный организм, управляемый сильным и популярным в народе правительством.

Но в государственном образовании, как колчаковская Сибирь, управляемом случайным правительством, где политическая вакханалия и борьба партий при деятельной агитации красных, при постоянных и повсеместных восстаниях в тылу, первая серьезная неудача фронта влечет за собою, обыкновенно, падение всего государственного строя, что и случилось с правительством адмирала Колчака. При первых же неудачах все враждебные власти партии подняли голову: действия правительства и Главнокомандующего подвергались открытой критике, повсеместные восстания в тылу достигли фронта, власть расшатывалась как в тылу, так и в армии.

Глава 3

12-го сентября Ташкентская железная дорога была покинута последними частями Южной Армии, которые различными путями стягивались к гор[оду] Иргиз, Тургайской области. Только большая часть 1-го Оренбургского каз[ачьего] корпуса, двигавшаяся в юго-западном направлении на присоединение к Уральской армии, и 4-го корпуса, отступающего в кустанайском направлении, отделились от армии.

Здесь необходимо остановиться на описании той местности, по которой приходилось совершить свой поход, полный тяжелых невзгод и лишений, Южной армии.

Эта местность носит название Киргизского края, и, состоя из областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, занимает обширную площадь, состоящую преимущественно из степей, перемежающихся с пустынями. Эту территорию пересекает с северо-востока на юго-запад продолжение Уральского хребта, пустынный кряж Мугоджар, разделяющий бассейн Аральского моря от бассейна Каспийского. Почти все пространство края (за исключением долины Алтая, Тарбагатай и долин Иртыша и Урала) представляет собою совершенно пустынную горько-соленую страну с песчаными барханами, самосадочными озерами, солончаками и узкими солеными реками, теряющимися в лесах и летом высыхающими.

Из путей сообщения, кроме Оренбургско-Ташкентской железной дороги имеется 2 тракта: Орско-Казалинский и Челкаро-Иргиз-Тургайский. Орско-Казалинский тракт, являющийся исключительно караванным путем, начинаясь от гор[ода] Орска и, перейдя р. Урал, вступает в пределы Актюбинского уезда и затем направляется по долине р. Ори. Из Актюбинского уезда вступает в Иргизский уезд и проходит через форт Карабутакский. От Карабутака по открытой волнистой степи и на большем протяжении безводной, имеющей характер пустыни, дорога проходит через гор[од] Иргиз и здесь приобретает совершенно пустынный

характер, и, проходя сыпучими песками, вступает в пределы Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области.

Между Челкаром, Иргизом и Тургаем лежит земский тракт, которым пользуются очень редко: он проходит из Челкара по совершенно пустынной, ненаселенной, безводной и песчаной местности в гор[од] Иргиз. Отсюда сначала по речке Телькара пересекает р. Улькай-Ик, а затем идет по правому берегу р. Тургай.

Весь тракт имеет однообразно-пустынный характер, на протяжении около 450 верст тянутся то пески, то солончаки, то глинистые пространства. Растительности почти никакой нет.

Из Тургая выходят, кроме дороги в Иргиз, еще три дороги: одна на Орск, другая на Кустанай и третья – в Перовск Сыр-Дарьинской области: последняя исключительно караванная и проходит по солонцовой пустынной, покрытой песками, равнине.

Такой же пустынностью отличаются дороги из Тургая на Орск и Кустанай.

В населенный же район Акмолинской области (поселки по р. Ишим и Атбасар) дороги никакой не было, за исключением караванной тропы, пролегающей по такой же бесплодной солончаковой пустыне, на протяжении свыше 400 верст.

Почти все это пространство от Челкара до р. Ишима занято глинисто-солонцовыми и песчаными равнинами.

Главная масса населения состоит из кочевников киргиз. Оседлое население живет только в Кара-Бутаке, Иргизе и Тургае.

Как указано выше, уже к 12-му сентября все части Армии, оторвавшись от противника, находились в пути к гор[оду] Иргиз.

Части 11-го Яицкого, 5-ой дивизии 4-го Оренбургского и 1-го Оренбургского каз[ачьего] корпусов, двигаясь различными путями, частью без дорог, от ст[анций] Джурун, Эмба и г. Актюбинска, были сосредоточены в гор[оде] Иргизе к 11-му сентября, части 5-го Стерлитамакского корпуса, двигаясь от гор[ода] Орска, через форт Карабутацкий, прибыли в г. Иргиз к 15-му сентября, части же Туркестанского корпуса, двигаясь различными путями, без дорог, по безлюдной и безводной пустыне, через пески Б. Барсуки, прибыли в Иргиз в различное время: 1-ый отряд прибыл вечером 13-го сентября, 2-ой отряд с командующим корпусом – 16-го. Наконец, 18-го числа последним прибыл командующий армией, ген[ерал] Белов, с Егерским полком (арьергард).

Все части, за исключением Туркестанского корпуса, не задерживаясь в Иргизе более 2–3 суток, начали далее свой поход на г. Тургай. Туркестанский корпус был назначен в арьергард и только 20-го сентября, когда все части уже находились в пути на Тургай, под натиском красных, наступивших со стороны Челкара, оставили¹⁰⁰ Иргиз.

Первые части, выступившие из Иргиза в Тургай, срубали телеграфные столбы на топливо, и потому телеграфная связь с Тургаем была прервана.

Поход совершали частью пешком, частью верхом на лошадях и верблюдах.

Продовольственных припасов не было никаких (в гор[оде] Иргизе продовольственных складов не было), достать что-либо было невозможно: только некоторые счастливы из числа первых прибывших в Иргиз могли достать у населения (около 1000 человек) кое-какие продукты, большая же часть армии (свыше 12000 человек) была вынуждена двигаться в Тургай (Около 300 верст) без всякого продовольствия.

Кочевники киргизы откочевали в сторону от тракта на сотни верст.

Этот поход, прозванный голодным, останется надолго в памяти его участников.

Многие погибли во время этого тяжелого похода по голодным, песчаным и часто безводным степям Киргизского края, от голода и болезней, под палящими лучами солнца: многие падали на дороге – от истощения, часто не имели капли воды и умирали от голода и жажды на горячих песках пустыни.

Лошадей кормить было нечем, подножного корма почти не было. На глинистой и солончаковой почве растет жалкая и редкая растительность, которая в сухое, знойное лето придает местности пустынный вид. Выжженная солнцем степь кажется совершенно голой. Кругом – бурая или свинцово-белая почва, только если присмотреться, можно заметить оставшиеся кое-где пучки засохшей полыни, единственного растения песчаной, солончаковой и глинистой пустыни. Все кругом однородно-пустынно¹⁰¹.

Еще более усиливает этот безжизненный вид и угнетающе действует на нервы большое количество павших от истощения и жажды лошадей и верблюдов, повсюду лежащих на пути движения.

На оставших или двигавшихся в одиночку или небольшими группами людей нападали бродячие киргизы, убивали и грабили последнее достояние, часто раздевая донага.

Красные при всем желании не имели возможности и боялись преследовать армию, также как двигаться в пустыню без подготовки, по тому пути, по которому только что прошла целая армия, это значило бы двинуться почти на верную гибель.

Невыразимые страдания, выпавшие на долю частей Южной армии, тяжелые лишения беспримерного в истории похода по песчаным, безводным и голодным степям и пустыням Тургайской области описать невозможно.

Утомленные долгим путем части армии пешком, верхом на лошадях и верблюдах, тянутся опаленной зноем пустыне[й]. Верблюды, однооб-

разным движением, мерно качают на своих выносливых спинах вконец истомленных солдат и офицеров армии.

На каждом верблюде по 2 человека, сменяющиеся поочередно с идущими пешком.

Слабость и боль во всех членах от томительного пути, дает себя чувствовать все более и более.

Мучимые жаждой и голодом, еле-еле тянутся беспредельной пустыней бледные и печальные невольные путники. Вокруг, в течение уже почти месяца все тот же пустынный простор, все та же неподвижная мертвая природа. Все одно и то же: пески, глины, солонцы, голые холмы, и все это до того похоже в разных местах, что, кажется, нисколько не продвигаешься вперед.

Волнистая или ровная низменность с рыхлыми серыми почвами, пропитанными морскими солями, изобилующая солеными озерами, или целые гряды гор раскаленного песка, как морские волны, поднимающиеся параллельными грядами – вот ландшафты того края, по которому пришлось, волею судеб, отступить Южной армии.

Невыразимое чувство безграничной, томительной тоски вкрадывается в душу каждого.

Остановки на привал и ночлег, иногда у озер, не дают возможности ни освежиться купаньем, ни напиться. Соль. Горько-соленая вода. Лошади и верблюды, добравшись до воды, тут же в озерах, или на их берегах, сваливаются и погибают.

Только к концу сентября вся армия сосредоточилась в Тургае, где имела возможность немного отдохнуть и подкрепиться, но и здесь муки было такое незначительное количество, что удовлетворить потребность всех совершенно не представлялось возможным.

Впереди же предстоял поход по такой же пустынной местности на протяжении свыше 400 верст, до населенного района Акмолинской области.

2-го октября все части армии, покинув Тургай, были уже в пути на Атбасар.

Это движение в богатый и плодородный район было несколько легче, чем поход до Тургая, хотя и приходилось двигаться почти без дорог и перевозочных средств (вместо павших в пути от Иргиза лошадей и верблюдов достать новых в Тургае не удалось), по такой же безлюдной и песчаной местности.

Вдоль пути движения армии были выставлены этапные пункты (одна или две киргизских юрт[ы]), которые по возможности удовлетворяли проходящие части мукой, крупой и мясом.

Но от наступивших к этому времени дождей и холодных ночей, части армии, не имея не только теплой одежды, но даже и шинелей, испытывали такие же лишения. При этом начал свирепствовать брюшной

тиф, который в скором времени охватил больше половины всех оставшихся в живых участников похода.

В этот двухнедельный поход из Тургая в район Атбасара количество способных оставаться в строю уменьшилось более, чем на 50%.

В середине октября части Армии были сосредоточены к западу от г. Атбасара, где и были расположены по поселкам для отдыха и переформирования.

Все корпуса (5, 11, 5-ая дивизия 4-го, 1-ый Оренбургский и Туркестанский корпуса) были переформированы в дивизии и сведены в 1-ый Оренбургский казачий корпус, командиром которого был назначен генерал Шильников.

Армия была переименована в Отдельную Оренбургскую и в командование ею вступил атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Дутов.

Генерал Белов был вызван в Омск и назначен начальником эвакуации г. Омска.

Штаб Отд[ельной] Оренбургской армии был расположен в Кокчетаве, где была сформирована 4-ая кадровая бригада, задачей которой являлось пополнение армии мобилизованными жителями местного района.

Командующий армией получил в это время из Ставки главнокомандующего распоряжение о переброске армии в Омск, но атаман Дутов, желая быть совершенно самостоятельным в своих решениях, отказался, ссылаясь на стратегические соображения о необходимости оставления армии в районе Кокчетавы, с целью нанести красным удар во фланг в направлении на Петропавловск. К этому времени г. Петропавловск был уже в руках красных. Западная армия отступала к Омску.

К концу октября 1-ый Оренб[ургский] казачий корпус был сосредоточен в районе севернее (пик[ет] Мизгильский) и западнее Кокчетавы.

Убыль в частях армии от эпидемии тифа всех видов была настолько велика, что не только госпитали в Атбасаре и Кокчетаве были переполнены больными, но и не было почти ни одного дома в этих городах, где не лежали бы больные тифом (сыпным и брюшным).

Части таяли по часам, некоторые полки прекратили свое существование, так как не оставалось почти ни одного здорового бойца.

Переформирование армии продолжалось. Части всех пехотных корпусов, сосредоточенных к этому времени западнее Кокчетавы, были сведены в Туркестанскую стрелковую дивизию.

Казачьи же части 5-го Стерлитамакского, 1-го Оренбургского и Туркестанского корпусов были сведены в две конные дивизии, куда вошли все казаки Оренбургского каз[ачьего] войска.

Кавалерийские части 4-го Оренбургского и 11-го Яицкого корпусов были сведены в Отд[ельный] конный отряд.

В Туркестанскую стрелковую дивизию являлись только штабы, солдат же и офицеров почти не было.

Тогда Туркестанская стр[елковая] дивизия была вновь переформирована в Отд[ельную] Туркестанскую стр[елковую] бригаду, в состав которой, таким образом, вошли части всех стрелковых корпусов бывшей Южной армии, кроме 2-ой Сызранской дивизии 4-го корпуса.

К началу ноября были получены сведения, что части 4-го Оренбургского корпуса (2-ая Сызранская дивизия) и партизанская бригада полковника Степанова (1-ый и 4-ый Оренб[ургские] каз[ачьи] полки) с артиллерией двигаются на соединение с армией, в район Кокчетав – Атбасар.

В это же время начались бои с наступающими с северной и северо-западной сторон частями красных. Конные казачьи части 1-го Оренбургского казачьего корпуса были оттянуты к Кокчетаву.

К 10-му ноября части 4-го корпуса почти в полном составе соединились с армией. штаб армии перешел в Акмолинск.

Оборона гор[ода] Кокчетава была возложена на Туркестанскую стр[елковую] бригаду, отд[ельный] Сибирский казачий дивизион, отд[ельный] Башкирский дивизион «Зеленого знамени» и партизанскую бригаду полковника Степанова, которая была расположена западнее Кокчетава за озером Копа (большое озеро – 13 верст в окружности).

Начальником обороны Кокчетава был назначен начальник Отд[ельной] Туркестанской стр[елковой] бригады.

Армия заняла позицию, растянутую почти на 200 верст: на правом фланге – части 1-го Оренбургского казачьего корпуса, расположенные от гор[ода] Кокчетава включительно до станции Викторовской.

4-ый корпус был расположен к юго-западу от 1-го корпуса и занимал позиции до гор[ода] Атбасара. Для обеспечения правого фланга армии, восточнее гор[ода] Кокчетав, был расположен отдельный кавалерийский отряд.

В Кокчетаве не было почти ни одного дома, где бы не было одного или нескольких трупов солдат, умерших от тифа. Эпидемия развивалась со страшной быстротой.

К 12-му ноября красные заняли деревню Алексеевскую, в 25 верстах к северу от Кокчетав, на тракте Петропавловск – Кокчетав.

Часть поселков к западу и юго-западу от Кокчетава были заняты частями Кустанайской дивизии красных.

13-го ноября¹⁰² с рассветом части 24-ой дивизии красных двинулись на подводах из деревни Алексеевской в направлении на Кокчетав.

Начальнику отдельной партизанской бригады полковнику Степанову было приказано содействовать обороне Кокчетава артиллерийским огнем через озеро во фланг красным, конным же частям перейти в наступление на деревню Алексеевскую и в тыл красным, наступающим на Кокчетав.

К 14 часам красные части, задерживаемые отдельным Кокчетавским казачьим дивизионом и Башкирским дивизионом «Зеленого знамени», подошли к Кокчетаву. После упорного боя красные были отбиты и в беспорядке начали отступать.

Начальник партизанской бригады полковник Степанов, не желая подчиняться начальнику обороны Кокчетав, не исполнил его приказа о переходе в наступление на деревню Алексеевскую и в тыл красным, чем дал возможность красным безнаказанно отступить.

Начальник обороны Кокчетав решил передать оборону города полковнику Степанову, для чего 1-ый Оренбургский казачий полк был введен в город, и 14-го ноября¹⁰³ части Отдельной Туркестанской стр[елковой] бригады были сменены этим полком партизанской бригады.

В этот же день к полудню красные вновь перешли в наступление на гор[од] Кокчетав и после непродолжительного боя заняли его.

Отдельная Туркестанская бригада была отведена в стан[ицу] Щучинская, где был расположен штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

Отд[ельная] партизанская бригада полковника Степанова была расположена на позиции у деревни Ивановка (18 верст к юго-востоку от Кокчетав).

Отд[ельный] кавалерийский отряд отошел на село Боровое, в 75 верстах к юго-востоку от Кокчетав.

Наступившая холодная зимняя погода при полном отсутствии теплой одежды увеличила потерю в частях армии от тифа, которая приняла такие размеры, что, в сущности, армия перестала быть боеспособной. Например, Отд[ельная] Туркестанская стр[елковая] бригада, сформированная из пехотных частей всей Южной армии, за исключением одной только дивизии 4-го корпуса, состояла всего из 200 штыков, и это число ежедневно уменьшалось. Больные возились с собою на подводах, так как отправить их в тыл, за пополнением госпиталей, было невозможно.

Эта бригада была отправлена в ст[аницу] Канкринская и в боевых действиях на фронте участия принимать уже не могла.

В таком же почти положении находились и другие части 1-го корпуса. Только 4-ый корпус и был пока боеспособным и, собственно, весь фронт держался пока только им и двумя казачьими полками 1-го корпуса.

Район действия армии представляет очень красивую, холмистую местность, покрытую смешанными (березовыми и сосновыми) лесами. Но далее к юго-востоку местность делается менее холмистой и значительно беднее растительностью: от дер[евни] же Канкринской начинаются опять пустынные, слегка волнистые степи.

В период расположения армии в районе Атбасар – Кокчетав – Акмолинск (с 20 октября по 20 ноября) командующий армией и его штаб не проявили почти никакой заботы о восстановлении боеспособности армии, и вся их деятельность сводилась лишь к реформированиям

частей армии. Об улучшении же физического и нравственного состояния частей думали меньше всего. Заботы о больных и раненых проявлено не было. Они просто оставлялись на попечении местного населения.

Командующий армией и его начальник штаба ген[ерал] Зайцев заботились лишь о своих собственных удобствах и удовольствиях: в то время, когда больная армия находилась перед лицом новых тяжелых испытаний, командующий армией находит возможным устраивать балы (Кокчетав и Акмолинск).

20-го ноября части Кустанайской и 24-ой дивизий красных, прорвав фронт между Кокчетавом и Атбасаром, стремительно двинулись вперед и заняли Акмолинск.

1-ый Оренбургский каз[ачий] корпус, окруженный с трех сторон, был отброшен с Кокчетав-Акмолинского тракта на восток в пустынные степи, причем весь обоз с боевыми и продовольственными припасами попал в руки красных.

4-ый корпус с боями отходил от Акмолинска по тракту на Каркаралинск.

Впереди предстоял новый поход в район Каркаралинска и далее на Павлодар или Семипалатинск, на протяжении 800–900 верст, по совершенно пустынной и незаселенной местности.

Глава 4

Этот поход был Крестным путем армии

1-ый Оренбургский казачий корпус отступал без всяких дорог по совершенно пустынной и незаселенной местности в направлении на Баян-Аульский, 4-ый корпус – вдоль пикетного тракта на Каркаралинск.

Наступила зима, настоящая Сибирская зима с 30–35 градусными морозами. Теплой одежды не было: произведенная реквизиция теплой одежды у населения Акмолинского уезда не привела почти ни к какому результату: все уже было попрястано, да и времени не было отыскивать.

Продовольственных припасов не было, достать было негде.

Поголовный тиф всех видов косил сотнями, и брошенные за неимением перевозочных средств люди умирали в степях и в редко встречающихся аулах.

Невероятное переутомление достигало своего крайнего предела, вызывая самоубийство слабых духом и апатию в других. Уцелевшие еще, но уже еле передвигавшие ноги, не имея теплого обмундирования, голодая, многие замерзали от налетавшего степного бурана, при 20–25 градусных морозах, когда на сотни верст вокруг не было ни одного жилья, где бы можно было спрятаться от ветра и отогреться.

Две картины этого похода никогда не изгладятся из моей памяти: это картина страшной степной метели и ожесточения человека в борьбе за жизнь.

Огромная снеговая туча обтянула все небо, и густая пелена задернула свет. Неожиданно настала ночь. Наступил ужасный степной буран, когда пустынный ветер разыгрался на просторе, взрыл снеговую беспредельность.

Белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной ночи, окутал все. Снежный прах слепил глаза, зажимал дыхание, все кругом ревело, свистало, выло и трепало со всех сторон.

Двигаться вперед, да еще и без дороги, было невозможно. Все сгрудились вместе, стараясь укрыться за подводами. И все, эти люди, лошади и повозки, покрывалось густым снежным прахом.

Другая же сцена по своей бесчеловечности может возмутить всякого, даже дикаря.

Уже пять дней двигаемся, при сильных морозах, по пустынной степи, где нет ни одного жилья. Наконец, уже к вечеру случайно набрали на покинутый аул из 2–3 зимовок. Моментально они были забиты битком. Начальник Отдельной Туркестанской стрелковой бригады, старый полковник Р. (командир какого-то саперного батальона в мирное время), войдя в одну из этих зимовок и выгнав всех, увидел в ней лежащего офицера, женщину и ребенка. Офицер болен тифом, его жена ухаживает за ним.

Когда полковник Р. узнает, что этот офицер не принадлежит к чинам его бригады, он приказывает им убираться из зимовки. И никто не возмутился, никого не тронуло беспомощное, и так много переживавшими, положение женщины, ребенка и больного офицера.

Им пришлось уехать на подводе дальше. Что с ними стало, остались ли в живых или погибли от мороза и голода в степи?

Другой раз этот же полковник Р., когда прибыли в какой-то аул, уже на пути из Каркаралинского района в Семиреченскую область, приказывает какому-то санитарному отряду Красного Креста сейчас же покинуть аул и убираться. Когда же начальник этого отряда отказывается, говоря, что они только что прибыли и разместились здесь с тифозными и ранеными, он приказывает командиру полка построить роту и зарядить винтовки, угрожая открыть по ним огонь. Те вынуждены были уйти.

Не доходя до Баян-Аульского, стало известно, что красные, заняв копи Эки-баз-тус (35 в[ерст] к северо-востоку от Баян-Аула) двигаются наперерез корпусу; части повернули на юг и направились в сторону Каркаралинска.

К началу декабря Армия была сосредоточена в районах: 4-ый корпус в Каркаралинске, а 1-ый – в 35 верстах севернее, в районе пикета Куянда.

Хлеба и продовольствия здесь также не представлялось возможным достать, а впереди оставалось еще свыше 400 верст пути.

Уже 1-го декабря стало известно, что г. Семипалатинск занят красными, и остается только один путь движения на Сергиополь.

Из Каркаралинска в разные стороны идут только караванные пути, как на заводы, так и в Туркестан, Семипалатинск и Семиреченскую область.

Эта местность, по которой еще осталось пройти остаткам Отд[ельной] Оренбургской армии, представляет собою почти совершенно безжизненную пустыню. Кое-где изредка встречаются в горах киргизские зимовки, но и то на небольшом расстоянии от Каркаралинска.

Путь, соединяющий Каркаралинск с Сергиополем, служит только для передвижения караванов и идет из Каркаралинска на юго-восток, по холмистой местности, по юго-западным склонам гор Кенты, а затем, идя «голодными степями», вступает в Семиреченскую область.

6–7 декабря армия, после боев в районе Каркаралинска с наступающими от Акмолинска красными, начала свой дальнейший поход на Сергиополь.

4-ый корпус, часть 1-го корпуса и обозы Красного Креста двигались вдоль караванного пути, другая же часть 1-го корпуса двигалась без всяких дорог, через горы и пустынные голодные степи, сверяя правильность движения по карте и компасу, хотя и было 2 проводника.

Этот поход, еще более тяжелый, чем до Каркаралинска, имеет те же характерные черты.

Снега да бураны морозные, холод да голод... Пустыня безлюдная... Люди гибнут и лошади дохнут сотнями – от бескормицы валяются... Кто на ногах – еще бредут кое-как с отшибленной памятью... Поголовный тиф всех видов увеличивает тяжесть похода: здоровые везут больных, пока сами не свалятся, спят в пустынной степи все вместе, прижавшись друг к другу, здоровые и больные... Отстающие погибают.

Только к концу декабря, совершив беспримерный, полный тяжелых лишений и страданий поход, армия сосредоточилась в районе Сергиополя.

Из почти 20-ти тысячной армии в районе Кокчетавы, в район Сергиополя прибыло около половины состава, и то совершенно не боеспособных, частью больных, частью выздоравливающих и слабосильных.

Но и здесь нельзя было удовлетворить не только хлебом, но часто даже и мясом измученные части армии. В этом районе 2-ой Степной корпус и партизанская дивизия атамана Анненкова забрали уже все, что только можно.

Армия была подчинена атаману Анненкову. Атаман Дутов, по обоюдному соглашению с атаманом Анненковым, принял на себя должность Начальника Края и уехал в Лепсинск.

Армия была вновь переформирована в отдельный «Отряд имени атамана Дутова» и вошла в состав Отдельной Семиреченской армии.

Этот отряд состоял из:

1) Отдельной Сызранской Егерской бригады (2 пехотных полка, 1 конный полк и артиллерийский дивизион с парком), сформированной из 2-ой Сызранской стр[елковой] дивизии, Отд[ельной] Туркестанской стр[елко-

вой] бригады, 4-ой кадровой бригады, Алексеевского гусарского полка, Архангельского конно-егерского батальона и 2-го Сызранского артиллерийского полка.

2) 1-ой и 2-ой Оренбургских казачьих дивизий, сформированных из всех частей Оренбургского казачьего Войска и двух Башкирских конных дивизионов «Зеленого Знамени».

Командир 4-го корпуса, генерал Бакич, был назначен начальником этого отряда.

Красные вели наступление на Сергиопольском направлении со стороны Семипалатинска и Каркаралинска (конные части). С северной стороны обороняли г. Сергиополь части атамана Анненкова, с западной – части Оренбургской армии.

В середине января 1920 года наступающие по Семипалатинскому тракту красные, оттеснив части атамана Анненкова, заняли пик[ет] Арбатский и стали продвигаться к Сергиополю.

К этому же времени ими были заняты станицы Кокпекты и ст[аница] Зайсан. Части ат[амана] Анненкова, занимавшие Кокпекты, отошли на Сергиополь, – занимавшие же Зайсан, совершив весьма тяжелый и опасный зимний переход через горы Тарбагатай, отошли в ст[аницу] Бахты (на границе Китая).

В феврале был взят Сергиополь, и красные продолжали свое дальнейшее наступление на юг, и в начале марта была ими занята станица Урджарская. В средних числах марта Армия под натиском красных перешла Китайскую границу у гор[ода] Чугучак, где была интернирована и расположена лагерем к югу от Чугучака на реке Эмиль. Часть винтовок и пулеметов удалось, однако, спрятать от китайцев.

Части же Семиреченской армии, демобилизованные атаманом Анненковым, остались большею частью в Семиречье, только небольшая часть (1500 – 2000 человек) вместе с атаманом Анненковым, пройдя горными тропинками, перешла Китайскую границу между Кульджей и Чугучаком.

Через год уже отряд «атамана Дутова», под начальством генерала Бакича предпринял новый поход в Монголию, где, обезоружив китайские и монгольские части, и запасся¹⁰⁴ оружием, двинулся на соединение с отрядом барона Унгерна, но в районе Кобдо – Уланком отряд был окружен красными и враждебными монголами и после упорного боя частью успел прорваться, а частью же с начальником отряда ген[ералом] Бакичем и штабом попал в плен к красным.

Командующий Отд[ельной] Оренбургской армией атаман Дутов был убит большевиками в конце 1920 года в гор[оде] Кульдже.¹⁰⁵

Командующий Отд[ельной] Семиреченской армией атаман Анненков, арестованный по требованию красных китайцами, просидел более 3-х лет в Китайской тюрьме в гор[оде] Урумчи (закованный в кандалы),

в настоящее время освобожден и находится в центральном Китае, в главном городе провинции Гансу.

Так кончила свое существование многострадальная Южная, а потом Отдельная Оренбургская армия.

«Тяжелый крест выпал на долю Отдельной Оренбургской армии. Велением судьбы войскам пришлось сделать весьма продолжительные, почти непрерывные в течение полугода, передвижения, – сначала из района Оренбургской губернии к Аральскому морю, далее через Иргиз, Тургай и Атбасар в район Кокчетав – Петропавловск, отсюда через Акмолинск и Каркаралинск в район Сергиополя. Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые претерпели войска Оренбургской армии, во время этого продолжительного марша по пустынно-степным областям не поддаются описаниям. Лишь беспристрастная история и благодарное потомство по достоинству оценят боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Отчизны самоотверженно встречают всякие мучения и терзания».

(из приказа войскам Отд[ельной] Оренбургской армии
от 6-го января 1920 года)

ГАРФ. Ф.Р-5945. Оп.1. Д.70. Лл.2–35. Подлинник. Машинопись.

13. Статьи «Синзянского» об отступлении дутовцев в Китай

Документ 1.

От Тобола до Китая¹⁰⁶
Октябрь 1919 г. гор. Атбасар

Атаман А. И. Дутов принимает армию

Стояла сухая, ясная осенняя погода. Солнце склонилось к вечеру. На площади, у церкви выстроились остатки войсковых частей, какие только могли выбраться из объятий голодной смерти, совершая свой путь по безводной, с сыпучими песками, Тургайской пустыне. От Тургая до Атбасара 650 верст.

Здесь войсковой атаман А. И. Дутов, вновь назначенный командующим армией, принимал строевые части, какие к этому времени оказались здесь. Он обратился к ним с речью, в которой обрисовал положение армии в момент оставления ее шесть месяцев тому назад: сплоченной, сильной, крепкой, и в каком виде он принимает ее теперь: жалкие остатки войсковых частей и штабов! Он сказал, что рад снова служить и работать в своей армии на благо родины и войска.

Прием закончился. На следующий день атаман Дутов возвратился в г. Кокчетав. Здесь он лихорадочно начал приводить в порядок приходящие полки, вернее, остатки их, один вид которых приводил в смущение закаленную волю Атамана. Приходили: кто пеший, кто ехал на

верблюде, загорелые от знойного солнца пустыни, больные, разутые и раздетые. Кто в китайской курьме, прибитой винтовкой в ключья, кто в татарском халате. У многих на ногах подобие обуви – опорки!

Вот при таких тяжелых условиях приходилось вновь создавать армию. Сколотив в недельный срок несколько полков, они снова срочно были брошены на фронт к г. Кокчетаву, где была слышна артиллерийская канонада. Фронт к тому времени имел направление: левым флангом опирался на Атбасар, а правым – на Степную группу ген. Комаровского¹⁰⁷. Степная же группа в свою очередь имела стык с Сибирской армией в районе Петропавловска, где шли решающие бои за Петропавловск, являющийся ключом к овладению Омском.

Одновременно с оставлением Петропавловска отступила и Степная группа, обнажив правый фланг Оренбургской армии. Последняя удерживала линию фронта Атбасар – Кокчетав еще неделю, вследствие чего противник оказался в тылу армии верст на 200.

В первых числах ноября был отдан приказ об отходе на Омск, дабы там соединиться с Сибирской армией. Но не суждено было сбыться этому, т. к. через несколько дней Омск пал. Приходилось менять маршрут следования на Акмолинск, в который армия прибыла только 24 ноября ст.ст.¹⁰⁸ Здесь была встречена чудотворная икона Табынской Божией Матери, высоко чтимая в Оренбургской и Уфимской губерниях. Отсюда намечен был путь на Павлодар с тем, чтобы выйти на Новониколаевск. От Акмолинска до Павлодара 450 верст. Идти приходилось степью, со слабой растительностью и сплошными солончаками, населения совершенно не было, а морозы стояли изрядные.

Однако, отойдя верст 150 от Акмолинска были получены сведения, что Н[ово]николаевск и Павлодар также оставлены Сиб[ирской] армией и уже заняты красными.

Снова оказалось, что противник в тылу у нас на 300 верст. Только теперь командование нашей армией поняло, что мы отрезаны навсегда от Сибирской группы и, следовательно и от сибирской магистрали и надежду на соединение с Сибирской армией приходилось оставить навсегда. Снова приходилось менять направление, уклоняться еще южнее Павлодара верст на 350 на заштатный городишко Каркаралинск. Не доходя 100–120 в[ерст] до него – армия задержалась, чтобы в течение 2-х дней дать необходимый отдых, для приготовления к 100-верстному переходу, по безводной пустыне, без корма и населения. Здесь должны были запастись фуражом и довольствием на три дня... Однако и здесь не приходилось задерживаться, т. к. партизаны угрожали отрезать путь от Павлодара на Каркаралинск.

Синзянский

Син[ц]зянский. От Тобола до Китая // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938. С. 40–41.

Крестный путь Оренбургской армии
Из дневника оренбуржцаКак я поднялся на перевал Карасарык¹⁰⁹.

17 марта ст./ст. [1920 г.] Семиречье, село Покотиловка.

Вот и ночь. Шепотом передают приказ наступать. Отсюда под прямым углом свернули на Восток и вошли в ущелье. Снег был выше колена, – без тропы и дороги. Здесь мы узнали, что нам предстоит перевалить горный хребет Саяны, через так называемый перевал Карасарык в 18 тысяч футов высоты. Прошли всю ночь. Когда начало светать, сделали привал, а с восходом солнца снова тронулись в путь и так шли весь день. С началом темноты остановились на ночлег, разрыли снег и так легли спать, коней же пустили добывать себе корм, как смогут.

Снова настало утро, и отряд потянулся по ущелью, которое заметно поднималось все выше и выше. В это утро я уже не мог подняться, так как заболел третьим приступом возвратного тифа. На мое счастье со мной шел брат, который помогал мне и ухаживал за мной во время моей болезни. На беду, в эту ночь проходящие части захватили моего коня, и мы с братом остались двое об одном коне... что делать? пришлось одно седло сбросить: брат – чтобы облегчить себя, бросил свою шубу и остался в одной шинели. Он посадил меня на своего коня, взял его под уз[д]цы, и мы тронулись. Так мы шли целый день. Хлеба не было ни у кого: вышли спешно, никто не ожидал, путь же наш становился все труднее и труднее. Снова пришлось ночевать на снегу и, хотя склоны гор были покрыты лесом, огня не разводили. И 19 марта часов в 10 утра подошли к перевалу, т. е. к подъему более крутому, чем предыдущие. Здесь уже нельзя было ехать верхом, поэтому шли пешком, ведя коней в поводу, а так как я идти не мог, то брат и казак Камашлейщев завели меня на подъем. Здесь они оставили меня, чтобы вернуться за конями. Вернувшись с конем, брат решил сначала перевести коня через перевал, а потом уже вернуться за мной.

Никто из нас не знал, сколь далеко еще до вершины перевала. Я остался лежать у камня и ждать, когда вернутся за мной. Время летит, – вот прошла конвойная сотня. Казаки подходят, прощаются со мной, уверенные в том, что я уже остаюсь совсем, – так все свыклись с тем, что на каждом привале или ночлеге остаются или мертвые или умирающие... Вот прошел и отряд особого назначения, – пошли одиночки, а затем уже и никого не стало... Прошло с час времени – вижу еще поднимается хорунжий Рассадников. Он не прошел мимо, а как милосердный самар[ит]янин взял, посадил меня на своего коня и стал подниматься... Пройдя версты две, мы снова у крутого подъема. Здесь волей неволей меня пришлось снять, так как конь даже без седока, едва мог

подняться. Подъем этот был так труден, что совершенно обессиленные казаки оставили по дороге свою дорогую святыню, служившую утешением во время тяжелого похода – чудотворную икону Табынской Божией матери и только на следующий день снова спустились с перевала и вынесли Ее...

Подъем был невероятно трудный и опасный: слева отвесный утес, а справа бездонная пропасть. Лежу на тропе, по которой проходили части и вижу, как казак конвойной сотни атамана Дутова Радошнев ведет своего коня. Вот остается один прыжок, и конь заведен, но прыжок получился неверный, и конь повис над пропастью, зацепившись передними ногами за край обрыва. Казак растерялся, старается удержать коня за повод. Одно мгновение и увлеченный казак слетел бы в пропасть. Верно почувствовав эту опасность, он выпустил повод из рук, и конь полетел в бездну... Все, что было с конем: седло, сумы, в которых хранилось все имущество казака – все поглотила пропасть... Подумать, насколько велико было горе казака, который потерял так трагически своего боевого товарища, с которым провел всю германскую войну, а также и войну гражданскую...

И так передо мною второй барьер, на котором одиноко чернеют носилки с иконой, оставленные до завтра. Все уже скрылось из виду, стало темно. Подул ветер с острыми леденящими иглами. Мысль о том, что я брошен, заставила меня собрать последние свои силы, и вот я с опасностью сорваться в бездну, – начал цепляться камень за камень и по краю бездны взбираться наверх.

Сколько времени я потратил на это, не помню, но когда я взобрался, была глубокая ночь. Здесь была ровная площадь, но я не знал, была ли это вершина перевала или же будут еще такие же барьеры. Ветер рвал и свистал, мело снег. В трех шагах ничего не было видно. Отдохнув немного, я решил снова идти. Куда? об этом я не думал, инстинкт самосохранения толкал меня идти вперед. Но увы! силы оставили меня совершенно. Сколько было их, я потратил на подъем, но все же я попытался пойти, прошел сажени три и упал. Не было сил. Снова поднимаюсь и снова падаю... Еще раз поднялся, но уже не в силах был шагнуть, тут же упал и больше не поднялся. Лежу и думаю, что приходит конец. Нет ни страха, ни предсмертной тоски. Мной овладело полное безразличие. Вдруг вижу, что на снегу зачернело и движется ко мне, различил – лошадь. Верно, какой-то всадник отпустил ее не будучи в состоянии завести ее на подъем. Она вернулась. Повод тащился по земле. Прошла рядом со мной, но я не в силах был протянуть руку, чтобы взять ее за повод и так последнее живое существо скрылось во мгле! Стало клонить ко сну, наваливаться какая-то тяжесть, мысли в голове стали путаться, и я впал в забытье...

Сколько прошло времени, не знаю, но почувствовал, что кто-то меня трясет. Открыл глаза – предо мной стоит брат и тот казак, который

помогал мне подниматься в начале перевала. А меня уже замело снегом, и как они меня нашли, я не знаю. Видят, что я подняться не могу, берут меня, обхватывают меня веревкой, которую предусмотрительно взяли с собой, концы веревки перекинули к себе на плечи и так на весу понесли меня. Вот снова подъем, на этот раз еще круче всех пройденных. Это был шпиль всего перевала. Здесь мои спасители вскарабкиваются на 2–3 аршина, подтянут меня к себе, снова поднимаются и снова также тянут и так взобрались на вершину, где сделали привал – отдохнули. Вот отсюда-то я должен был сказать последнее прости своей родине, ибо это был рубеж между Россией и Китаем. Здесь уже склон пошел на восток, и мои спутники уже не тянули меня, а просто пустят меня, и я кубарем качусь под гору, где завалюсь под камень или застряну в снегу. Они докатятся до меня, отцепят или вытрясут из снега и снова пустят. Таким образом мы спустились с перевала, т. е. с его вершины. Здесь, внизу, отряд расположился на ночлег. Думаю, было часа два ночи, когда мы добрались до отряда. Здесь достали мне спирту, дали выпить для поддержания сил, после чего я заснул прямо на снегу, как и все. Ночью со мной случился страшный жар, так я промучился в бреду до утра. Мороз был ужасный, многие здесь поотморозили руки и ноги, а некоторые слабые замерзли насмерть. Меня же спасло то, что у меня был сильный жар. Утром отряд выстроился, больным и слабым приказано идти вперед, в числе их был и я. Утром брат достал мне коня, так как его конь при спуске с перевала разбился.

После столь для меня кошмарной ночи, я совершенно не мог сидеть в седле. Дорога все время теперь шла под гору, снегу становилось все меньше и меньше. Вот спускаемся к речке, и чем дальше едем, тем речка становится шире и сильнее. Снег виднелся только на склонах гор. Теперь речка превратилась в горный поток. Впоследствии мы узнали и название потока – Бартала.

Вот проезжает войсковой старшина Ткачев, видит, что я мучусь и решил, что я так не вынесу, оставляет одного казака в помощь брату, дабы меня засыпать, когда я умру. Прошло довольно порядочно времени – казак и брат пытаются меня поднять и везти, но это для меня было хуже смерти. Я хорошо сознавал положение их: никому не хочется отставать от отряда, да тем более в незнакомой стране, среди диких скал.

Собрал я силы, сколько имел, встал на колени перед братом и со слезами просил, чтобы он меня оставил и дал спокойно умереть: «Если же ты не решаешься оставить меня живым, то возьми пристрели меня, только не мучь... Я Богу жаловаться не буду, я чувствую, что скоро умру, мне легче умереть, только бы не трясли, не мучили!»...

Они с грустью отошли и решили ждать моей смерти. Я снова свалился на землю и впал в забытье. Но вот я очнулся и позвал брата, чтобы они везли меня, так как мне стало лучше. Действительно, у меня как

будто пелена спала с глаз, как-то вдруг стало светлее кругом. Это был кризис болезни, который совпал с концом нашего кошмарного перехода через страшный перевал... Внутренний жар и трескучий мороз сыграли в моем спасении главную роль – и только этому, быть может, я обязан тем, что мои останки не покоятся под одним из бесчисленных каменных курганов.

Синцзянский

Синцзянский. Крестный путь Оренбургской армии. Из дневника оренбуржца. Как я поднялся на перевал Карасарык // Луч Азии (Харбин). 1936. Апрель. №20/4. С.15–16.

Документ 3

Лагерь на реке Баратала¹¹⁰
(Кит[айский] Туркестан, 1920 г.)

Из записок оренбуржца

Верстах в пяти от г. Джемпани на реке Бартала отряд наш расположился лагерем, где мы и простояли около месяца.

После невероятно трудного перехода в марте месяце через снежные вершины Тянь-Шаня по перевалу Кара-сарык 18.000 фут. над уровнем моря, когда проход бывает открыт только один месяц в году – июнь, остальное время года он совершенно закрыт снегом.

Несмотря на это, все же наш отряд в течение 4-х дней, затратив нечеловеческие усилия, перевалил чрез все пропасти и вечные снега и льды.

Расположившись лагерем: кто чинил свою ветхую одежду, кто залечивал свои раны, – все начинало мало-помалу приходить в порядок. И вот, однажды, пронесся слух по отряду через сартов, что советы дали амнистию всем белым, ушедшим за границу. Вскоре слух этот подтвердился – в расположение отряда прибыл уездный начальник из Джемпани, который официально подтвердил, что им из Сов[етской] России поступило предложение поставить в известность об амнистии всех белых, находящихся на территории Китайского Туркестана.

После такого предложения началось брожение умов. Что же делать. Одни находили, что, потеряв все, дальнейшая борьба бесполезна, другие, наоборот, желали остаться верными белой идее до конца. Учитывая такую разноголосицу, Войсковой атаман А. И. Дутов издал приказ по отряду: «Кто желает возвратиться на Родину, препятствий с его стороны не будет, ибо нельзя указать срока, когда можно будет свободно и с честью возвратиться на Родину. – Возвратиться можно: может быть через год, может быть через два. А быть может только через десятки лет; кто слаб духом, устал физически и духовно, тот может записаться в список для возвращения на Родину. Считаю долгом предупредить г.г. офицеров отряда, что никто не должен с их стороны вести агитацию за или против, каждый должен судьбу свою решать сам, здесь я ничего не

обещаю и обещать не могу, ибо средств у меня нет; здесь каждый казак личным трудом должен доставать себе пропитание».

После приказа был дан срок два дня для записи, за это время записалось желающих возвратиться 240 человек.

22-го апр. ст. ст.¹¹¹ рано утром весь отряд выстроился, проводить соратников казаков на Родину. Отслужили молебен пред Чудотворной иконой Табынской Божьей Матери.

Атаман, прощаясь с уходящими, дал им совет. «При возвращении на родину, не быть предателями, не выдавать своих братьев ради собственного благополучия».

Прощаясь с уходящими, мы, здесь остающиеся, обнимали друг друга, ведь каждый из нас думал, что это будет и есть последнее прости, каждый ясно представлял себе, что едва ли когда увидимся, – у тех и других слезы капали по щекам, тяжело было расставаться со своими боевыми товарищами, с которыми не раз делили смертный час на поле брани.

Что думали в этот момент уходившие – не знаю, но мы долго смотрели во след уходившим, пока они не скрылись из вида, а сердце больно щемило в груди. Невольно напрашивался вопрос: что же ожидает впереди, как ушедших, так и остающихся?

Синцзянский

Син[ц]зянский. Лагерь на реке Баратала (Кит[айский] Туркестан, 1920 г.).

Из записок оренбуржца // Наш путь (Харбин). 1934. №111(205). 6 мая
(ГАРФ. Ф.Р-5873. Оп.1. Д.5. Л.130).

14. Дутов Н. Атаманский полк (из воспоминаний)¹¹²

Март 1920 г., части Оренбургской армии в количестве нескол[ьких] десятков тысяч подошли к границе Западного Китая в поселок Бахты, находящийся в 4–5 верстах от границы.

Начальником отряда атамана Дутова – генералом Бакичем был отдан приказ подготовиться к переходу границы и приготовить списки к сдаче оружия. Каково было состояние каждого бойца после этого приказа, когда цель не достигнута, а еще приходится казакам отдавать свое оружие, освященное в боях за Родину, передать трудно. Конь и шашка, а может быть еще и дедовская, – это наша сила и отдать их – значит поражение.

В составе отряда находился Атаманский полк под командой полковника [Е. Д.] Савина, а офицерами полка состояли: два брата Савиных, два Нелюбиных, два Мякутиных, два Карабельщиковых, два Дутовых, два Голубевых, один Красильников – оренбурцы, кроме них Иркутск[ого] войска [С. Г.] Немчинов, Енисейского – Дорофеев.

До перехода границы было решено, что полк сдавать оружия не будет и сдаст его только по приказу атамана, а если китайские власти не

пропустят, тогда полк по границе пойдет к атаману, – в Семиречье, т. к. знали, что атаман еще там...

С утра части отряда потянулись к границе и Атаманскому полку было приказано встать на охрану, т. к. части, перейдя границу, в 5 верстах от нее должны были сдавать оружие, где было устроено подобие ворот из двух китайских знамен, через которые должны проходить части отряда. Приемом оружия заведовали китайские власти из города Чугучака, при сдаче присутствовал ген[ерал] Бакич. Были случаи, когда казаки, не желая сдавать своего оружия, пытались объехать стороною, но генерал Бакич зорко следил и смельчаков возвращал обратно, заставляя их сдать оружие. Жаль, что ген[ерал] Бакич не мог понять тех, кто хотел сохранить свой боевой меч. Наконец весь отряд прошел через «врата печали» и очередь подошла Атаманскому полку двигаться и только ждали приказа от генерала Бакича. Появился гонец от него с приказом в поход и [к] сдаче оружия. Полк был построен. Командир скомандовал в поход и сам со знаменем впереди двинулся в сторону от ворот, прямо на присоединение к ушедшему отряду, оставив в стороне китайских властей и генерала Бакича. Вскоре, как только там было понятно, что Атаманский полк не желает сдавать оружие, от начальника отряда был послан гонец с приказом вернуться и сдать его, но командир полка ответил, что сдаст оружие только по приказу атамана Дутова, что только ему он подчиняется. Не могу точно знать, какой разговор был у генерала Бакича с Китайскими властями, но только Атаманский полк в полном своем вооружении пришел в лагерь на реку Эмиль, где и был охраною всего отряда.

Жизнь в лагере с первых дней потянулась однообразная и только маленькая речонка была отрадой, где вечером собирались казаки и казачки поведать ей и ветру свои горькие думы и вспомнить родной Урал. Казаки еще горели желанием продолжать борьбу, но кони чахли, оружия нет, и жить приходилось под открытым небом. Но не в первый раз казакам приходилось строить свою жизнь и добывать свое казачье счастье: Скоро стали появляться шалаши из тальника, были построены госпитали, церкви, бараки, столовые, и открытая степь стала превращаться в населенный городок с правильной планировкой построек и улиц. Например: около Атаманского полка была широкая дорога, которая называлась «Атаманской улицей». В штабе отряда был построен театр, где по праздникам ставились спектакли. Жизнь наружно, как будто, налаживалась, но каждый думал и ждал, что, может быть, скоро кончится и опять на коня в свои родные края. Были получены сведения, что атаман перешел границу и находится в городе Суйдине. Вот с этого момента и начались думы атаманцев, как бы соединиться с атаманом, началась секретная подготовка полка к выступлению. Ну, как казак казаку не поведает, что скоро в поход..., что скоро опять придется иметь бой и у кого

не загорится сердце. Стали готовиться офицеры и казаки других полков: скоро знал и весь лагерь, что Атаманцы собираются к атаману, и весь лагерь готов был подняться. При такой обстановки долго ждать было опасно, т. к. могли узнать китайские власти и поставить посты. Желанный момент наступил: был дан сигнал и седловка, полк построился и ждал командира полка и его приказа в поход. Сердце забилося отвагой, и кони чувствовали и переживали с нами остроту момента. Вот появился командир полка, окинул взглядом полк и минута молчания была пыткой для нас, командир, видимо, колебался подать команду в поход и взять на себя весь риск. Раздалась команда «слезай» и отпустить подруги. Что это? Конец всем планам или маленькая оттяжка времени. Штаб отряда донес начальнику дивизии генералу [А. С.] Шеметову, и от него поехал полковник [А. С.] Колокольцев и стал убеждать командира полка немедленно отказаться от этой мысли. После его отъезда, командир все-таки решил выступить. Был отдан вторично приказ «по коням», но видимо из штаба дивизии следили за нами, т. к. появился гонец от начальника дивизии с приглашением командира в штаб. Все поняли, что это конец и не быть нам вместе с атаманом.

После такого подъема и снова к однообразной жизни в лагере, было большим разочарованием. Лично у меня остро засела мысль во что бы то ни стало пробраться к атаману. Случай скоро представился. Командир полка должен был послать рапорт атаману и предложить мне взять на себя его доставку. Я был рад случаю и просил дать мне отпуск в г. Чугучак для подыскания оказии. Все благоприятствовало. Мне был найден попутчик Семиреченский казак, который собирался проехать в Кульджу, хотя его пропуск, довольно сомнительный, был на 4 человека. Через день после моего отъезда в Чугучак, я уже появился в полку и доложил командиру, что завтра еду и просил приготовить все бумаги, которые зашили мне в сапог. На другой день рано утром выехал в г. Чугучак, а вечером, в тот же день, дальше к атаману. Дорогой останавливались только для кормления коней, а там опять в путь и на 9-е сутки прибыл в г. Суйдин, где жил атаман. Не буду описывать моего состояния, – это невозможно... Заветная мечта осуществилась, и я с атаманом. Отряд атамана Дутова в г. Суйдине был размещен в больших казармах, служивших для конвоя Российских консульств в Китайском Туркестане. Первое, что бросилось это – дисциплина, чистота и порядок, казаки жили строевой жизнью, сохраняли свои силы и набирались новых для будущей борьбы. Шла секретная работа и подготовка к выступлению 18-ти волостей от Усть-Каменогорска до Джаркента и только ждали делегатов для переговоров о дне и часе, которые уже были назначены. Злой рок прервал работу Атамана: от руки наемных убийц Чанышева и компании, он был ранен в 6-ть часов вечера 6-го февраля, по н. с. и в 7 часов утра 7-го февраля не стало одного из первых борцов за Россию и

казачество – Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и Походного атамана всех казачьих войск, инспектора кавалерии русской армии при правительстве адмирала Колчака, генерала-лейтенанта Генерального штаба Александра Ильича Дутова.

Н. Дутов

Дутов Н. Атаманский полк (Из воспоминаний) // Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1937. С. 88–90.

15. Статья «Подробности убийства А. И. Дутова» из газеты «Русский голос».

Подробности убийства А. И. Дутова

Игумен Иона в «Русском Эхо»¹¹³ сообщает следующее об атамане Дутове.

20-го марта 1920 года А. И. Дутов с конвойной сотней и отрядом особого назначения интернировался в Китай и 2-го мая по указанию китайских властей остановился на жительство в г. Суйдине, Синь[ц]зянской провинции, Илийском округе.

В г. Суйдине есть русские казармы и небольшой участок земли. Так как часть казарм занимали китайские солдаты, а оставшаяся часть была недостаточной для расквартирования отряда, то А. И. распорядился занять свободные казармы офицерам и казакам, одну комнату оставить для часовни, куда был поставлен чудотворный образ Табынской Божией Матери, а остальные казаки и офицеры приступили к рытью для себя землянок.

Дабы не стеснять отряд и дать ему большее удобство, сам А. И. остановился вне казарм, в самом городе, наняв для себя две комнаты.

Уйдя за границу, А. И. душой и телом был с несчастным русским народом и, в частности, с[о] своим войском.

Все это и многое другое учитывали большевики, когда в Джаркент приехал командующий Семиреченским фронтом для совещания о выработке плана захвата Илийского и Тарбагатайского округов.

Совещание пришло к заключению, что пока жив Дутов, пользующийся огромной популярностью в населении, фактически командующий войсками Илийского округа, – до тех пор успеха ожидать нельзя. Вывод был ясен – воспользоваться беззащитностью опасного врага и убить его.

В это время в тюрьму был заключен Особым отделом начальник джаркентской милиции Касым Чанушев¹¹⁴ по подозрению в сношениях его с атаманом Дутовым. Желая спасти свою жизнь, Касым Чанушев взялся возглавить образованный террористический летучий отряд и убить Дутова.

24 января ст.ст. 1921 года отряд с утра прибыл к Суйдину и расположился в фанзе, стоящей недалеко от Суйдина. Все были вооружены наганами и отравленными ядом пулями.

Так как атаман ежедневно бывал в отряде, в казармах, и ездил туда без всякой охраны, то днем упомянутый отряд, разделившись на две партии, караулил по двум дорогам к казармам.

Но в этот день по болезни Александр Ильич не поехал и тогда в 5 часов вечера трое верховых мусульман подъехали к воротам атамана.

Обыкновенно у ворот атамана стояло ружье с завернутым в тряпку затвором, а в 20–30 шагах от него спал гирич – китайский солдат. На этот раз и этого не было.

Один из приезжих остался у ворот с лошадьми, а два вошли во двор и просили вестового атамана доложить ему, что привезен пакет из России.

Во дворе в это время стоял еще дневальный казак. Вестовой доложил атаману и направился с одним мусульманином в комнату атамана, а другой приезжий остался стоять рядом с дневальным.

Безоружный, незащитный Александр Ильич вышел к мусульманину, тот полез в сапог, как бы доставая пакет, выхватил револьвер и в упор сделал два выстрела в атамана и третий в его вестового и бросился бежать, на ходу делая еще выстрел в дверь. При первом выстреле мусульманин, оставшийся около дневального, стреляет в последнего и потом оба вскакивают на лошадей и уезжают.

Пуля пробила руку Александра Ильича и ушла в живот. 25 января в 6 1/2 ч. утра Александра Ильича Дутова не стало, к вечеру скончались и два верных до гроба ему казака.

Убийце – Касым[у] Чанушеву дана была жизнь и, как утверждают, он с семьей был отправлен в Москву за наградой от правителей России.

Подробности убийства А. И. Дутова // Русский голос (Харбин). 1922. №469.

16. И. М. Зайцев «В защиту от клеветников»

Жизненный путь одного из ближайших соратников атамана Дутова, весьма информированного и деятельного участника Гражданской войны генерала И. М. Зайцева известен читателям и исследователям уже достаточно подробно¹¹⁵. Тем не менее, в коллекции музея русской культуры в Сан-Франциско удалось обнаружить прежде неизвестное весьма ценное свидетельство о деятельности Зайцева в Гражданскую войну, проливающее свет на ряд аспектов истории движения Дутова.

Особое внимание И. М. Зайцев уделил преступной деятельности «атамана» Б. В. Анненкова в Семиречье. В отношении объединения казачества в конце Гражданской войны Зайцев продемонстрировал склонность к прожектерству и непонимание реальной обстановки. Документ отражает столь характерные для казачества явления, как интриганство генералитета и атаманов, склонность к созданию группировок. Вместе с тем рассуждения Зайцева об атаманщине привлекают исследователей этого явления. Постраничные примечания автора документа

под звездочками вынесены в конец публикации с единой нумерацией сносок.

В защиту от клеветников¹¹⁶

После очищения Приморья от большевиков там объявлялись одновременно самочинные политические казачьи организации, присваивавшие себе громкие наименования или «конференция всех казачьих войск» или же «совет представителей казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока», который существует и поныне в гор. Владивостоке. Когда начали появляться газетные известия о работах этой казачьей организации, о вынесенных ею постановлениях важного политического и общественного значения, в которых эта организация выдает себя как за выразительницу воли и желаний казаков целых казачьих областей Урала и Сибири, и претендует занять руководящую государственную роль в делах Приморья, и как только все эти известия дошли до разных уголков Китая, где нашли приют беженцы-казаки, то некоторые из них обратились ко мне с просьбой, ошибочно предполагая, что я осведомлен о работах этой организации, разъяснить им, кем созвана конференция, а позднее съезд, каков их состав, какие их задания и прочее. Во время моей поездки в Тяньцзин, Пекин, Харбин и Владивосток мне приходилось беседовать с казаками о работах существующего во Владивостоке «Совета представителей казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока»; все высказывали возмущение самочинным появлением названной организации. На все предложенные мне вопросы, иногда в резкой форме по адресу некоторых «мнимых представителей», я дал общий ответ на существенные вопросы и со своей стороны высказал мнение, что эта самочинная казачья организация не имеет ни юридического, ни нравственного права говорить от имени казаков целых казачьих областей при настоящем их положении, то есть, существующей там Советской власти, иначе¹¹⁷ заключать какие-либо договоры или соглашения экономического характера.

В своем ответе я разобрал общие вопросы, совершенно не касаясь личности кого-либо из представителей, и в свою очередь обратился к казакам, особенно заслуженным и почтенным из них, чтобы они высказали свои мнения о существующем Совете казачьих представителей. Словом поступил так, как мог и даже должен сделать каждый казак, интересующийся казачьими делами и которому дорого доброе имя казачества.

Против моего упомянутого выше обращения к казакам ополчился некто г-н Анисимов, председатель этой казачьей организации и именующий себя заместителем атамана Оренбургского казачьего войска.

В своем письме в редакции некоторых газет г-н Анисимов не столько возражает по существу затронутых мною вопросов, сколько изощряется в придумывании гнуснейших клеветнических измышлений против меня. Все периоды моей деятельности, начиная с первых дней революции,

так нагло представлены в другом освещении, все так подтасовано с подлыми передержками, что в письме г-н[а] Анисимова не только каждая фраза, но буквально каждое слово есть сплошная наглая ложь. Конечно, в свое время я потребую от господина Анисимова законного удовлетворения за его гнуснейшие инсинуации. Вступать же в газетную полемику с господином Анисимовым я считаю ниже моего достоинства. Г-н Анисимов в своих выпадах против меня касается таких периодов моей жизни, сопряженных для меня с такими тяжелыми переживаниями, невероятными лишениями и перенесенными трудностями, что я не могу молчать и вынужден предать гласности из того, что составляло до сих пор тайну. Многое из моих скитаний по Туркестанскому краю было известно Советским властям и раз господин Анисимов затронул этот период, особенно памятный для меня по моим переживаниям, то я должен в хронологическом порядке осветить его. Конечно, постольку, поскольку это не причинит вреда моим друзьям и политическим единомышленникам, находящимся в Туркестане.

Для наглядности и верного сопоставления между тем, что пишет г-н Анисимов в своих выпадах и как то действительно было, я буду приводить дословно выдержки из письма г-на Анисимова и против них кратко излагать как все в действительности произошло с указанием на удостоверяющие документы или лиц.

Вот, что пишет в своем письме господин Анисимов. Газета «Русский Край», издающаяся во Владивостоке, № 293, 294 от 26 и 27 апреля 1922 г.: «Считаю необходимым остановиться на общей характеристике этого новоявленного шанхайского атамана.

К моменту большевистского переворота генерал Зайцев в чине полковника командовал одним из Оренбургских полков в Туркестане. Как установлено было впоследствии он с несколькими приближенными после октябрьского переворота бросил на произвол судьбы полк и скрылся, не забыв захватить при этом с собой полковой денежный ящик (К сожалению, это обстоятельство стало известно только значительно позднее, когда мы были уже на Востоке)»¹¹⁸.

Вот, что в действительности было:

15-го июля 1917 года, после расформирования Особого совещания при военном министерстве по преобразованию армии, членом которого я состоял, я был назначен командиром 4-го Оренбургского казачьего полка, который в это время был командирован в Хиву для подавления восстания туркменских племен. По моем прибытии в Ташкент при следовании в полк командующий Туркестанским военным округом назначил меня командующим русскими войсками в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе, а Исполнительный комитет Врем. правительства Туркестанского края поручил мне временно выполнять обязанности комиссара в Хивинских владениях. Ко времени большевистского пере-

ворота в Туркестанском крае мне удалось почти ликвидировать восстание туркмен.

После захвата власти в Ташкенте большевиками, мною совместно с советом солдатских, казачьих и рабочих депутатов в г. Хиве (совет следовал моим указаниям) были посланы телеграммы в разные места, что мы не признаем вновь образовавшейся Советской власти. После октябрьского переворота я остался со всем отрядом в Хивинских владениях и предполагал пробыть до мая мес. 1918 г.¹¹⁹ с тем, чтобы тогда выступить из Хивы с отрядом большего состава и следовать по берегу Аральского моря через Уральскую область на помощь своему войску, и в этом духе начали вести подготовку. Но вследствие постановления Войскового круга Оренбургского казачьего войска о вызове всех частей в войско казаки начали проситься домой. В это время вновь образовавшееся правительство автономного Туркестана, так называемое Кокандское, начало просить меня восстановить их в правах, т. е. свергнуть Советскую власть в крае. Во всем Туркестанском крае единственно сохранивший дисциплину и порядок был мой Хивинский отряд. Большевики не могли ничего сделать против меня; назначенные ими вместо меня заместители боялись появиться в Хиву. 10-го января 1918 года я вышел с казачьим отрядом из Хивы. С 22-го эшелоны начали прибывать в Чарджуй, где к нам присоединились 4 сотни 7-го Оренбургского казачьего полка, 2 сотни семиреков, 1 Оренбургская батарея.

В Чарджуе я открыто выступил против Советской власти в Туркестанском крае и приказал арестовать чарджуйский совет. Двинулись на Самарканд и далее к Ташкенту. После занятия Самарканда наш авангард 1-го февраля разбил красную гвардию у ст. Ростовцева. В это время восстание в Коканде, свержение там советской власти. Ташкент ликовал. Казалось, большевикам пришел конец. Вдруг появились в Самарканде казачьи депутаты, частью самозванные, и начали агитировать, что довольно проливать братскую кровь, а следует помириться и сдать оружие. Как позднее, после моего побега из крепости, говорил полковник Блаватский, служивший в то время у красных, что эти депутаты были подкуплены и спешно направлены к нам на встречу. Все мои уговоры не привели ни к чему. Общее собрание комитетов всех казачьих эшелонов вынесло постановление сдать оружие. Вскоре после сдачи оружия, 3-го февраля, на ст. Самарканд прибыл карательный отряд Колузаева; оцепил казачьи эшелоны, причем несколько казаков-артиллеристов и офицеров было изрублено. Предупрежденный казаками я и жена выскочили из вагона, в чем были. Все наше имущество было разграблено. Ночь с 3-го на 4-е провел в оврагах около Самарканда, чуть не замерз. 4 и 5 февраля направился пешком в сторону Асхабада. После открытия железнодорожного движения забрался в поезд, шедший в направлении на Асхабад и Красноводск, переодетый железнодорожным рабочим. 7-го февраля на

ст. Асхабад был опознан, арестован и посажен в Асхабадскую областную тюрьму. По прибытии в Асхабад карательного отряда Колесова был предан полевому суду (тогда еще не было трибуналов); судили 9-го февраля в вокзале при большом стечении народа. Суд предъявил мне следующие четыре пункта обвинений:

1) Будучи начальником Хивинского отряда, не признавал установившуюся в Туркестанском крае Советскую власть.

2) Вошел в соглашение с Войсковым правительством и Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска для совместных действий против Советской власти.

3). Вошел в соглашение с группой лиц, образовавшейся в Коканде и именующей себя правительством автономного Туркестана, имея целью свергнуть Советскую власть в Туркестанском крае.

4) Во исполнение чего вступил в вооруженную борьбу с Советской властью, результатом чего был бой под ст. Ростовцево.

Суд, состоявший из пьяной ватаги красногвардейцев, приговорил меня к смертной казни через расстреляние и назначил срок через два часа. За 15 минут до расстрела артиллеристы, входившие в состав карательного отряда, прогнали красногвардейцев, бывших в карауле для охраны меня, и послали к комиссарам депутацию с заявлением, что они, зная меня по службе в Хиве¹²⁰, не позволят расстрелять меня, а пусть налагают другое какое угодно наказание. Суд собрался вторично, вызвал меня и объявил, что смертная казнь заменяется десятью годами каторжных работ с заменой одиночным заключением в крепости на тот же срок. Меня отправили в Ташкентскую крепость, куда привезли 13-го февраля и посадили в одиночку. Трудно описать те глумления и издевательства, которые мне пришлось испытать в первое время, когда караульную службу несли красногвардейцы (весь судебный материал по этому моему делу со всеми захваченными у меня документами хранится в Ташкентской чрезвычайной следственной комиссии).

Дважды собирались расстрелять; первый раз 24-го февраля, а второй – 8-го мая. В моей судьбе приняли живое участие Туркестанская военная организация и мусульманская. После разных предположений относительно устройства моего побега из крепости мне, наконец, удалось бежать ночью с 30-го июня на 1-е июля 1918 года, во время несения караульной службы мусульманами. Часовой и разводящий были безвинно расстреляны.

Прошу сопоставить ту наглую подлую провокацию, что выпустил Анисимов, с тем, что действительно произошло и придумать подходящее на русском языке название этого деяния, я, например, затрудняюсь. Может быть на китайском языке найдется, при полном снисхождении к понятиям этого «генерала от революции». О постигшей меня горькой участи и моих скитаниях в Туркестанском крае многим в Оренбург[ском] каз[ачьем] войске было известно; кроме того, после побега из крепости

я, состоя в Туркестанской военной организации, поддерживал связь с Войсковым правительством и Войсковым атаманом Дутовым через посылку курьеров. Или г-н Анисимов, прикрываясь неведением, выпустил такую наглую провокацию в надежде, что при теперешнем положении трудно будет установить правду. В этом случае нужно быть отъявленным наглецом.

Продолжение инсинуаций Анисимова: «Затем, конец 17, весь 18 и больше половины 19-го года, когда войско Оренбургское переживало невероятные страдания, изнемогая в неравной борьбе с большевиками, и когда все войсковые элементы несли непомерные тяжести, о генерале Зайцеве совершенно ничего не было известно».

После побега из Ташкентской крепости в ночь с 30-го июня [на] 1-е июля 1918 г. я сейчас же принял участие в работах Туркестанской военной организации, выполняя некоторое время обязанности начальника штаба и укрывался в ближайших от Ташкента аулах. В это время, в августе месяце, я послал курьера к атаману Дутову с планом о действиях Оренбургского фронта совместно с одновременным выступлением всех очагов борьбы в Туркестане. Охотником пробраться с этим планом вызвался капитан П. (ныне подполковник)¹²¹; выполнивший с успехом это поручение и который ныне здравствует и находится в Китае. Об этом плане осведомлен ген. Рудаков и, вероятно, известно генералу Вагину.

После Асхабадских событий, последствием которых было изгнание Советской власти во всей Закаспийской области, Ташкент переживал тревожные дни, ожидалось и действительно предполагалось выступление против большевиков и здесь, но этого по некоторым причинам не удалось осуществить, а пришлось отложить. Тогда совет Туркестанской военной организации решил отправить меня с небольшой группой в Фергану для формирования и подготовки добровольческих отрядов. 5-го октября 1918 года я отправился через Кындырдаванский перевал в Фергану в главе особого небольшого штаба. При мне обязанности начальника штаба выполнял полковник Петр Георгиевич Корнилов, брат известного генерала Л. Г. Корнилова. П. Г. Корнилов впоследствии был арестован, судим за это предприятие и расстрелян. Сейчас же после нашего отъезда большевики разгромили нашу организацию, благодаря предательству джигита, который передал в Ташкентскую следственную комиссию о нашем отъезде и указал многих лиц, с которыми мы поддерживали связь. В Ташкенте были произведены массовые аресты. Проживая в Фергане и не зная о случившемся, мы начали беспокоиться, почему нет никаких известий из Ташкента. Наконец, 1-го ноября отправились в окрестности Ташкента, чтобы узнать причины молчания. Выехали: я, полковник Корнилов и есаул Ю.¹²², прибывший для связи от атамана Дутова. На последнем ночлеге к Ташкенту мы узнали, что много наших единомышленников арестовано. С этого ночлега я командировал П. Г. Корнилова

в Ташкент на разведку и, как оказалось, мы расстались с ним тогда навсегда. Я направился в те места, где раньше укрывался. Оказалось мои прежние хозяева арестованы и увезены в Ташкент. Все попытки установить с кем-либо связь не увенчались успехом, одни из них были арестованы, другие сами скрылись.

Тогда я направился один верхом, переодетый сартом¹²³ на Чимкент и далее Туркестан (уездный город). Здесь в Икане нанял проводника и с ним бросились через Сузак, имея намерение пробраться киргизскими степями через Атбасар на Акмолинск. В это время декретом туркестанского Совнаркома граница была закрыта и установлено строгое наблюдение, о чем я не был осведомлен, 16-го ноября мы выехали из Туркестана на Сузак. Вечером настиг нас разъезд красногвардейцев под командой чекиста Махина, посланный в погоню за нами. По найденным у меня схеме пути и разным бессодержательным заметкам меня приняли за шпиона. Начали беспощадно избивать; решили расстрелять и уже привязали к дереву. Лишь только собравшаяся громадная толпа сарт[ов] смутила красногвардейцев. Меня привязали на аркане и несколько верст гнали пешком, все время избивая арканом и нагайками. Пусть припомнит смотритель арестного дома гор. Туркестана старый казак-оренбуржец Г. П. Чечерин, что привезенный 17-го ноября окровавленный избитый, хромой (симулировал) землемер Николай Константинович Турчанинов был не кто иной, как командир казачьего полка его родного войска. К моему счастью меня не опознали и даже не являлось подозрений в правдивости того, за кого я себя выдавал. Мне объявили, что будут держать меня в тюрьме впредь до успокоения и отправят в областную тюрьму в гор. Ташкент, где вне всякого сомнения меня сейчас же опознали бы. Удалось сообщить в Ташкент о постигшем меня новом несчастье друзьям из мусульманской организации. Оттуда приехали двое, подкупили двух членов следственной комиссии. После нескольких допросов 19-го декабря 1918 г. меня освободили из тюрьмы под строгий надзор начальника милиции. Первое время пришлось усыплять внимание милиции, притворяясь все время больным. После неудачного Ташкентского выступления Осипова 19–22-го января 1919 г. и после пробития красными так называемой «Оренбургской пробки» для Туркестана создалось такое положение, что рассчитывать на местные силы и средства для нового выступления против большевиков нельзя, а необходимо искать помощи и содействия от Сибирского фронта, хотя бы нравственной поддержки, чтобы не дать заглухнуть оппозиционному настроению среди мусульманских масс Туркестана. Мне предложили снова сделать попытку выбраться куда-либо в Сибирь, чтобы оповестить о положении в Туркестане. Тогда 16-го февраля 1919 г. я решил пробраться в родное войско под видом и [по] документам служащего свинцовых рудников и завода «Ачи-Сай» в горах Кара-гау, где укрывался перед отправлением.

Вот краткое изложение моих скитаний по Туркестанскому краю за весь 1918 год и начало 1919 года.

Много было за это время трагических и комических положений.

Обращаюсь к Вам, мои дорогие друзья по Туркестану, кто еще из Вас остался жив. Вы одни, зная все перенесенное мной за время скитаний по Туркестану, можете понять мое возмущение, когда мне приходится выслушивать гнусные измышления за все пережитое мной.

Вот клеветнические измышления Анисимова уже по прибытии моем на сторону белых: «Только в августе или в сентябре 1919 года он неожиданно появился в Омске, пробравшись, по его словам, из Туркестана через Семиречье».

3 марта начал пробираться по железной дороге от города Туркестана на Актюбинск. Оттуда на лошадях на Орск; далее думал пробираться на Белорецкий завод. Около 10 дней укрывался в деревне Богачево, что в 60 верстах от станицы Кизильской; выдавал себя за посланного для найма рабочих на свинцовые рудники Ачи-Сай.

4 апреля красные, отступая на Александровский завод, прошли деревню Богачево, где я укрывался.

Вечером в этот день я вышел навстречу разъезду из оренбуржцев 1-го Оренбургского казачьего полка и с этого дня прекратились мои скитания.

И здесь г-н Анисимов применил дословную ложь как по времени, так и по месту, и это нужно было ему для нижеследующего его измышления:

«Но в войско для работы со своими казаками он не попал, а представил Ставке обширный доклад о возможности организации восстания в Туркестане, на что попросил полномочий отпуска валютных средств».

12 апреля я прибыл в город Троицк, где находился штаб Оренбургского казачьего войска и штаб Оренбургской армии.

При первом представлении Войсковому атаману Дутову он предложил мне должность начальника штаба Оренбургского военного округа. Я принял это предложение.

Было послано телеграфное представление о назначении меня на эту должность. Атаман Дутов и его начальник штаба генерал Вагин приказали мне представить доклад об общем положении в Туркестанском крае.

В начале июня я был вызван в Омск.

В день моего прибытия в Омск Дутов уехал в командировку на Дальний Восток.

При моем представлении помощнику наштаверха генералу Бурлину выяснилось, что мой доклад в Ставку не поступал, и генерал Бурлин приказал мне написать второй. Что мною и было исполнено.

Утверждение господина Анисимова, что все мои проекты усиленно поддерживал атаман Дутов, безусловно ложно, так как все это

происходило в его отсутствие, когда он был на Дальнем Востоке. Я прибыл из Троицка в Омск 14 июня (приказ по верх[овному]¹²⁴ штабу 1919 года № 278), а предложенные мною мероприятия утверждены Верховным пр[авителем] 18 июля (резолюция Верховного правителя на моем докладе № 49).

23 августа 1919 года состоялось назначение меня на должность начальника штаба Оренбургского военного округа на театре военных действий (приказ наштаверха¹²⁵ 1919 года № 963).

В это время весь Восточный фронт был поколеблен, и Южная армия со всеми управлениями Оренбургского военного округа находилась в отступлении.

«Атаман Дутов в это время был назначен вновь командовать Оренбургской армией и выезжал навстречу армии в Атбасар.

И так как назначенный к нему начальник штаба, бывший на северном фронте, не мог прибыть своевременно к месту назначения, а путь генерала Зайцева лежал в том же направлении, то Зайцев и был взят атаманом с собой как вр.и.д. начальника штаба».

В начале сентября атаман Дутов был назначен командующим Оренбургской армией, переименованной из Южной и так как фактически к этому времени Оренбургского военного округа, начштабом которого я был назначен, не существовало, то атаман Дутов предложил мне занять должность генерал-квартирмейстера штаба армии и просил впредь до назначения кого-либо исполнять обязанности начальника штаба армии и формировать штаб.

На самом деле мне пришлось с первого дня второго периода существования Оренбургской армии и до последнего выполнять обязанности начальника штаба этой армии.

Никакого пути, как, видимо, предполагает господин Анисимов, в сторону китайского Восточного Туркестана у меня не было, и я туда не собирался.

Это что за новость? Попутчик в роли начальника штаба!

Это мог изречь какой-нибудь штатский, да и они теперь за время войны научились разбираться в служебных положениях военнослужащих.

Ведь надо же договориться до такого абсурда, что атаман Дутов взял с собой попутчика, чтобы вместе удирать через пустыни, безводные степи, труднодоступные перевалы в Восточный китайский Туркестан.

«Вместе с атаманом Дутовым и отступавшей армией Зайцев доехал до Сергиополя».

А, может быть, история, в сторону которой кивнул «анонимный атаман», на основании документов делает маленькое замечание, что,

благодаря вмешательству пристроившегося попутчика в роли начальника штаба армии, Отдельная Оренбургская армия вышла в том же самом составе, в каком мы приняли ее, когда на остальном фронте произошел полный крах.

В конце декабря 1919 года¹²⁶ все части Отдельной Оренбургской армии сосредоточились в Сергиопольском районе, благополучно совершив небывалый по трудности поход, теснимые со всех сторон красными.

Создавшееся военно-политическое положение на Семиреченском фронте повелительно диктовало сделать героическую попытку прорваться в Семиречье, а оттуда перебросить часть сил в Фергану на усиление действующих там партизанских отрядов.

Как раз к этому времени мною были получены весьма благоприятные донесения от разведывательных партий, высланных мною в разные пункты Туркестанского края. Атаман Дутов и Анненков верно оценили поначалу обстановку, что нам нужно все внимание обратить в сторону Туркестана, чтобы там зацепиться, образовать очаг борьбы и тем продлить ее.

После ряда совещаний решено было сформировать и отправить под моей командой особую Туркестанскую военную экспедицию в составе: 1) летучего добровольческого отряда; 2) летучего офицерского кадра и 3) чрезвычайной военно-дипломатической миссии с широкими правами и полномочиями.

Уже войсковые части и воинские чины, назначенные в экспедицию, были направлены на сборный пункт.

Вдруг в пути следования я получал неожиданно распоряжение Анненкова, что намеченное предприятие отменяется.

На мои запросы об истинных причинах отмены моей командировки Анненков давал смехотворные объяснения, которые и все опровергнул.

Истинная причина была та, что Анненков узнал о существовании у меня 30 тысяч рублей серебра, предназначенных на содержание военно-дипломатической миссии, согласие сметы, утвержденной Верховных правителем и которое Анненков решил во что бы то ни стало отобрать¹²⁷ у меня, как он проделывал это со всеми.

Всем известно, что пресловутый самозванный атаман Анненков за двухлетний период прославился лишь тем, что отбирал у всех без различия ценные вещи вплоть до белья у сестер милосердия (Рапорты офицеров на мое имя по поводу задержания и возвращения).

Вторая причина, по словам Дутова, это ревность.

«Откуда (т. е. из Сергиополя), получив документы, что он является политическим представителем атамана Дутова в Туркестане и забрав серебро, выехал по назначению».

В это время к атаману Дутову прибывали разные депутации из разных мест Туркестана и просили о присылке кого-либо; член Вре-

менного правительства Ферганы генерал Муханов в подробном докладе указывает в числе прочих пожеланий – прислать кого-либо из старших чинов, который мог бы объединить и примирить разные антибольшевистские организации; кроме того, с некоторыми пунктами связи никакой не существовало, так как высланные мною ранее миссии были задержаны Анненковым, все было у них отобрано и сами миссии расформированы.

Вот почему атаман Дутов предложил мне все же отправиться в некоторые места во главе особой миссии, используя для этой цели имеющееся у меня серебро, которое, как я сказал, предназначено было именно на эту надобность.

(Вот дословно некоторые выдержки из доверительной грамоты от 20 января 1920 года № 115: «Бывший начальник штаба Отдельной Оренбургской армии ген[ерал]-майор И. М. Зайцев командирован мной в Кульджу и Кашгар.

Ген[ерал]-майор Зайцев уполномочен от моего имени разрешать все вопросы политического, военного и экономического характера сообразно с обстановкой». Следовательно, ни о каком политическом представителе в Туркестан не упоминается.

Согласно установленного порядка Анненков выдал мне с миссией разрешительный пропуск на право свободного переезда через границу со всеми имеющимися у меня ценностями (разрешительный пропуск Анненкова от 5 февраля 1920 года).

19 марта на самой китайской границе, когда я с миссией остановился на ночлег вместе с откочевывавшими киргизами, неожиданно прискакал разъезд под командов[анием] хорунжего Кожевникова, посланный Анненковым и составленный из разного сброда, а, главным образом, из разбойников Ала-Кульской волости, вооруженных Анненковым, тех самых, которым впоследствии Анненков поручил вырезать несколько офицерских семей.

Начальник разъезда потребовал выдачи всех денежных сумм и ценных вещей.

Все мои протесты против такого насилия не возымели силы.

Вооруженные киргизы Ала-Кульской волости, слышав добычу, начали прибывать группами к нашей стоянке.

Мне сообщили, что анненковский разъезд вместе с разбойниками киргизами собирается с наступлением темноты учинить резню всех.

Желая избежать крупных недоразумений на китайской границе, чем можно было бы на первых же порах восстановить китайские власти против русских и уступая грубой разбойничьей силе, я приказал передать начальнику разъезда весь остаток денежной суммы в виде серебряной разменной монеты в размере 21 тысячи рублей. После чего разъезд двинулся в становище Анненкова (два акта: один с описанием ограбления,

другой – о передаче 21 тысячи рублей начальнику разъезда и мой доклад российскому посланнику в Пекине от 14 ноября 1920 г. № 225).

Не имея денежных средств на содержание миссии, я откомандировал всех чинов в район Чугучака на присоединение к русским войскам, а сам с адъютантом миссии отправлен в направлении на Урумчи, имея целью выполнить во что бы то ни стало данные мне поручения – и чтобы оттуда при содействии российского консула отправиться на Кашгар.

«Впоследствии оказалось однако, что генерал Зайцев в Туркестан не поехал, а прямым путем забрался в безопасные места Китая, где и прожил больше года, не давая никому о себе знать и не осведомляя даже атамана Дутова о месте своего проживания.

Что стало с серебром, неизвестно».

Но российский консул в Урумчи А. А. Дьяков не только не оказал мне ни малейшего содействия, а наоборот всемерно препятствовал: он настроил китайские власти, чтобы меня ни под каким видом не пропускали в Кашгар (уведомление консула Дьякова от 11 июня 1920 г. за № 117 о том, что китайские власти проезд в Кашгар не разрешают); он не позволял войти в сношение с некоторыми лицами по вопросам частного, самого невинного характера.

Когда узнал, что я отправил курьера к атаману Дутову, то начал угрожать, что о нашем заговоре донесет синьцзянскому губернатору, настаивал на моем отъезде из города Урумчи немедленно.

После этого мне ничего не оставалось делать, как отказаться от своего намерения и отправиться в гор. Пекин.

14 июня 1920 года выехали из Урумчи по южной императорской дороге и в октябре месяце прибыли в Пекин, пробыв непрерывно в пути около 4-х месяцев.

Видно у г-на Анисимова весьма слабые понятия о географии Китая, что если проехать Китай в трех направлениях: с севера на юг, с запада на восток и, наконец, с юга на север, на что потребовалось около 9 месяцев, он считает ехать прямым удобным путем, забираясь в безопасные места.

Пусть ознакомят г-на Анисимова те, кто проехал этим путем – насколько он удобен и безопасен.

О том, что я с миссией был ограблен разъездом, подосланным Анненковым, г-н Анисимов был осведомлен, однако он многозначительно говорит, «что стало с серебром – неизвестно».

С презрением отвергаю от себя возражать на остальную малопродуманную ложь г-на Анисимова.

Одно могу сказать, что из всего его послания одно правдоподобно, это то, что по моем прибытии на восток атаман Семенов приказал выдать мне известную денежную сумму. Но сумма эта Анисимовым

преувеличена, и она была отпущена частью мне на содержание, а частью на некоторые расходы.

Не могу обойти молчанием провокационного измышления г-на Анисимова, что «выступление Зайцева дискредитирует не только голос казаков, но и авторитета¹²⁸ правительства. Мне известно даже больше: компания Зайцева вместе с небезызвестными Шендриковыми¹²⁹ определенно работает на разложение приморской государственности».

Во время моего посещения Владивостока, Харбина и др. мест я вынес самое безотрадное впечатление, когда увидел такой разлад и неприязнь между войсковыми казачьими частями на Дальнем Востоке, казачьим населением и беженскими казачьими колониями.

Уссурийские казаки не признают существующего во Владивостоке «Совета казачьих представителей», считая их за беженцев, и отказались дать по мобилизации казаков; забайкальские казаки не желают входить в подчинение новому казачьему командованию; многие казаки беженских казачьих колоний рады бы встать в ряды нового освободительного движения, но мало питают доверия, это опять-таки благодаря вмешательству самозванного «Совета казачьих представителей». Вследствие такого развала участились случаи перехода казаков на сторону красных, тех казаков, которые совершили небывалый «Ледяной поход».

Вот почему необходимо [пред]принять героические усилия, чтобы объединить казачьи силы, распыленные здесь на Востоке; притом силы довольно значительные, которые могли бы послужить верным надежным ядром.

По прибытии я представил подробный доклад председателю Приамурского правительства (мой доклад № 132), в котором на основании указанных выше причин я считаю, что единственной мерой для объединения и сплочения всех казаков здесь на востоке при настоящем положении является созыв съезда уполномоченных казачьих делегатов от войсковых казачьих частей Дальневосточной армии, от казачьего населения освобожденных областей, от казачьих колоний – Владивостока, Харбина, Хайлара, Цицикара и др., с приглашением представителей от мусульманских групп, примыкающих к казакам, и что инициатива по созыву съезда должна исходить от Приамурского правительства.

Такой съезд окажет весьма ценную моральную поддержку Временному правительству; даст сильный толчок к новому порыву на борьбу и укрепит веру на местах, в казачьих областях, в возможность освобождения от большевистского ига. Я верю, что казачество будет основой новой возрожденной России.

Как видно, предложенная мною мера совершенно не направлена к разложению приморской государственности, как о том писал г-н Анисимов, а наоборот к укреплению этой государственности, с целью очистить эту государственность от недостойных элементов.

Надо полагать предложенная мною мера осуществлена не будет, ибо, как гордо заявляет г-н Анисимов, что кроме них «никаких других представителей казачьих войск нет и быть не может до освобождения казачьих территорий от ига большевиков»¹³⁰.

Вообще, г-н Анисимов от самозванства вошел в роль, когда горделиво заявляет, что он как атаман Оренбургского войска должен ответить на мое выступление, как оренбургского казака.

Пусть г-н Анисимов не причисляет меня здесь, на востоке, к своему «атаманству», избавит от этого позорного положения, и вообще на время своего «атаманства» совершенно забудет о моем существовании.

В своем послании г-н Анисимов именует меня «новоявленным атаманом».

Если это ревность в виде иронии, то напрасно.

Наименование меня «атаманом», в каком бы ни было виде, я считаю для себя оскорблением.

За время Гражданской войны разные самозванные атаманы проявили себя как «паразиты русской революции».

Благодаря заслуженной славе «самозванных атаманов», теперь даже «званные атаманы» стесняются в приличном обществе открывать свое звание.

Предавая все изложенное гласности, я прежде всего обращаюсь к Вам, мои дорогие друзья и приятели по работе в Туркестанском крае, коим я дважды обязан спасением моей жизни. К Вам направлен мой голос. Вы одни можете верно оценить и вместе со мною разделить то возмущение, которое вызывают клеветнические выпады г-на Анисимова.

Мои друзья, туркестанцы! Верьте, что после того, как я выбрался при Вашем содействии из Туркестана, все мои помыслы, все мои усилия и стремления были направлены к тому, чтобы оказать Вам помощь и содействие в вашей неравной борьбе. Но некоторые из моих начинаний: посылка миссий, командирование экспедиции, попытка отправится самому поближе к Вам, были разрушены атаманом Анненковым. Теперь объявился новый такой же атаман, который не погнушался предать гласности то, что ему известно лишь по догадкам. Всякую надежду на помощь самозванных атаманов следует навсегда оставить, сотрудничество с ними может иметь роковые последствия, вплоть до предательства (письмо атамана Дутова о работе Анненкова).

Такие атаманы нам не по пути. Мы, посвятившие свою жизнь служению народу, будем работать по мере сил и умения и никакие козни и интриги самозванных атаманов не ослабят нашу энергию. Вы, «братья» и господа самозванные атаманы, в своем честолобивом порыве не брезгуете никакими средствами, чтобы устранить с вашего пути неугодных вам лиц.

Приведу выдержки из указанного выше письма атамана Дутова:

«Политика атамана Анненкова с того момента, когда я передал армию, протекла пред моими глазами во всей откровенности, наглости и бесстыдстве. Одним из элементов этой политики является, выражаясь на специально – анненковском жаргоне, «ликвидирование меня»... и в заключение говорит: «двойная игра требует риска, коварства, жестокости и отчаянной смелости, – все это есть у атамана Анненкова». Последнее выступление г-на Анисимова вплетет новый лавр в «атаманский венок».

25-го мая 1922 г. И. Зайцев

Музей русской культуры в Сан-Франциско.
Коллекция А. Н. Вагина. Типографский экземпляр.

17. Статьи генерала А. Н. Вагина

Публикуемые статьи начальника штаба Отдельной Оренбургской армии генерала А. Н. Вагина впервые увидели свет в 1951 г. на страницах газеты «Русская жизнь», издававшейся и до сих пор выходящей в Сан-Франциско. В библиотеках России эти номера газеты отсутствуют. Работы А. Н. Вагина выявлены среди многочисленных газетных вырезок его трудов в коллекции генерала, хранящейся в Музее русской культуры в Сан-Франциско (Вагин был одним из организаторов музея).

Статьи содержат ранее неизвестные данные о планировании весеннего наступления белых на Восточном фронте (в частности, о челябинском совещании в феврале 1919 г.), а также о реорганизации армии Дутова. Вагин отмечает, что решение о расформировании Отдельной Оренбургской армии было принято в Омске уже в марте 1919 г., в самом начале наступления, причем сведения эти армейское командование получило тогда же, что не могло не сказаться отрицательным образом на моральном духе как самого Дутова, так и его окружения. Статьи проливают свет и на характер взаимоотношений штаба Отдельной Оренбургской армии со ставкой в Омске.

Документ 1

А. Н. Вагин. Оренбургское казачье войско и атаман А. И. Дутов.

История Оренбургского казачьего войска неразрывно связана с историей Самаро-Уфимской оборонительной линии.

Уфимские казаки (прикамские) образовались в 1574 году из конных стрельцов и охочих людей, а Самарские – из волжских казаков, стрельцов, иноземцев и смоленских дворян, поверстанных в казачью службу.

Из этих двух казачьих образований, а также из исетских и алексеевских казаков возникло Оренбургское казачье войско со старшинством 1574 года.

Оренбургские казаки за время всей своей славной истории были твердым оплотом юго-вост[очной] окраины России – защищая государственную границу, жертвенно служа общегосударственным интересам, проявляя наибольшую стойкость в смутные периоды истории России.

Особенно ярко было их служение в 19 и 20-м столетиях, когда они участвовали во всех внешних войнах России и в завоевании Туркестана.

Поили коней на реках Сыр-Дарье и Аму-Дарье, на Пруте, на Эльбе, на Рейне, на Сене. Разбивали коновязи от Берлина до Тюильри¹³¹.

В память о заграничных походах в войске возникли поселки Требиатский, Кассельский, Берлинский, Парижский, Фершампенуазский (по имени французского городка 100 километров на в[осток] от Парижа); в войске были казаки с фамилией Жаков, Орлинский (Орлеанский) и др.

Боролись за Россию под началом своих атаманов, а также под командой гр[афа] Платова, партизана Фигнера, ген. Скобелева, Черняева, Л. Г. Корнилова.

Штурмовали твердыни Карса, Эрзерума, Геок-Тепе, Самарканда, Ташкента; прославляли имя России в заоблачных высотах Памира.

За верную службу России оренбургские казаки удостоились многих наград, отличий, особых знаков внимания и благоволения российских императоров.

Особенно памятен современникам Высочайший Рескрипт от 23 февраля 1906 г. «вернолюбезному и доблестному Оренбургскому казачьему войску», дарованный блаженной памяти императором Николаем II.

Имея в мирное время 6 конных полков, несколько отдельных сотен, 3 конные арт. батареи и 3 запасные – в военное время Оренбургское казачье войско выставляло 18 конных полков, несколько отдельных сотен и 6 конно-арт[иллерийских] батарей (в 1-ую мировую войну было 9 к[онно]-арт[иллерийских] батарей).

В период борьбы с большевиками Войсковое правительство Оренб[ургского] каз[ачьего] войска мобилизовало 36 возрастов (от 19-ти до 55 лет), что позволило к 1 марта 1919 г. сформировать 26 конных полков, 3 пластунских дивизиона, 9 конных батарей (позже число полков и батарей было увеличено).

Из этого числа 11 конных полков и несколько к[онно]-арт[иллерийских] батарей, т. е. свыше 40 проц. вооруженных сил войска находились в Зап[адной] и Сибирской армиях адм. Колчака, и были вне территории войска, что часто упускается из виду при суждениях о действиях армии атамана Дутова во время Гражданской войны.

День войскового праздника (с 1890 г.) – 23 апреля (6 мая н.ст.¹³²) – день Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

И сегодня, молитвенно вспоминая этот день, нельзя не почтить памяти лучшего представителя войска, его Войскового атамана генерала А. И. Дутова, мученической смертью погибшего в борьбе за свободу русского народа и родного ему Оренб[ургского] казачьего войска.

Атаман А. И. Дутов родился 6 августа 1879 года; окончил Неплюевский кад[етский] корпус, Николаевское кавалерийское училище и академию Генерального штаба, почти всю свою военную службу провел в рядах оренбургских казаков. В 1-ую мировую войну был командиром

1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] полка. Политическая карьера его началась с началом русской революции, именно с открытием съезда всех казачьих войск, где атаман Дутов был избран членом Совета, а затем и председателем Совета Союза казачьих войск. Позже был членом Всероссийского Учредительного Собрания от Оренбургского казачьего войска.

На Чрезвычайном Войсковом кругу 20 сентября 1917 г. был избран почетным председателем Войскового круга и 2 октября 1917 г. – провозглашен Войсковым атаманом его родного войска. С этого момента имя атамана А. И. Дутова нераздельно сливается с именем Оренбургского казачьего войска.

А. И. Дутов был избран Войсковым атаманом потому, что он прославился своею доблестью в рядах 1-го Оренб[ургского] каз[ачьего] полка, где он получил 2 ранения; потому что с началом революции в России он избрал своею деятельностью путь защиты попорченной русской национальной государственности; потому что он взял задачей устроение казачьего войска применительно ко вновь создавшимся в России политическим обстоятельствам; потому что он сделал безошибочную оценку коммуно-большевизма, глубоко поняв его преступную природу.

И, принимая атаманскую насеку, Высочайше пожалованную войску в 1904 г., атаман А. И. Дутов принял и тяжелый крест.

И справедливо один из биографов атамана Дутова взял как эпитафию евангельское изречение: «И обретеете Симона Киринейска, ему же даде понести Крест Его»...

Борьбу с большевиками атаман Дутов начал в день переворота, т. е. 26 ок[тября] 1917 г. В этот день атаман А.И. Дутов выпустил свой исторический приказ, где объявил, что «с 20 часов 26 сего октября Войсковое правительство для блага Родины приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в войске».

Все вооруженные силы войска в то время были на фронте, в станицах шло брожение. Атаман располагал ничтожными силами: юнкера Оренб[ургского] каз[ачьего] училища, запасная сотня казаков и несколько десятков добровольцев.

Учитывая незначительность своих сил, атаман Дутов пробует расширить базу сопротивления большевизму и в декабре 1917 г. создает «Юго-Восточный союз», в который вступили кроме оренбуржцев также Уральское казачье войско, уфимские башкиры и киргизы Алаш-Орды.

Но по местным условиям «союзные» выступления могли проявиться лишь много позже. А пока, бессильные сдержать натиск большевиков, атаман Дутов и Войсковое правительство вынуждены были 17 января 1918 года покинуть Оренбург и перенести борьбу во 2-ой округ, а затем, когда большевицкие волны захлестнули все войско, то атаман Дутов перенес свою базу в Тургайские степи.

В Оренбург атаман Дутов возвратился в конце июня 1918 года¹³³ после занятия столицы войска казаками низовых станиц.

Вступив торжественно в родной город, атаман Дутов начал создавать армию для ведения борьбы с большевиками в широком масштабе и приступил к работе по объединению антикоммунистических сил в крае, с каковою целью участвовал во всех политических краевых съездах.

Сотрудничал с Комучем, на Уфимском Государственном совещании 8–23 сентября 1918 года, силою своего влияния способствовал созданию Директории.

Когда из-за своей слабости и выявившейся непопулярности Директория распалась, и в Омске возникла единоличная власть, – атаман Дутов в целях сохранения единства действий не только признал совершившийся переворот 18 ноября 1918 года, но и воздействовал в том же духе на других дальневосточных атаманов.

«От души благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной для общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников и начальников частей мне особенно дорога Ваша помощь и поддержка как первого защитника Родины, не прекращавшего борьбы с ее врагами», – заявил адмирал Колчак атаману Дутову по телеграфу в первый же день омского переворота.

Популярность атамана Дутова росла. Но одновременно росло и противодействие как ему лично, так и его армии: авторитет его подтачивали и силы внешние и внутренние.

«Оренбургская пробка», выражение, применявшееся большевиками по адресу Оренбургской армии, сковывала свободу их действий и мешала связи с Туркестаном. «Уберите атамана Дутова, и мы сами справимся с Восточным фронтом» – лозунг, брошенный большевиками их пособникам в тылу армий адмирала Колчака.

В январе 1919 г. 2 Башкирские стелк[овые] дивизии, прикрывавшие тыл Оренбургской армии с севера, покинули фронт и обнажили все коммуникации Оренб[ургской] армии. Судьба Оренбурга была решена.

В конце января 1919 г.¹³⁴ в г. Челябинске состоялось совещание командующих армиями с Верховным правителем во главе. Атаман Дутов представил выработанный штабом Оренб[ургской] армии план наступления левым крылом общего фронта для сближения с Вооруженными силами Юга России. Ставка этот план не поддержала.

В начале марта 1919 г. я был в Омске с докладом у Верховного правителя.

Вернувшись в штаб Оренбургской армии, я доложил атаману Дутову, что не только отклонен план наступления левым крылом, но и Оренбургская армия подлежит расформированию, что и обнаружилось вскоре. Сначала «разграничительными линиями» в группу генерала Белова был

передан расположенный на правом фланге Оренбургской армии корпус генерала Бакича; затем в апрельской директиве Ставки северная «разграничительная линия» для Оренбургской армии была указана – «Оренбург – исключительно» (позже исправленная на «Оренбург – включительно»).

Наконец, в конце апреля атаман Дутов был вызван в Омск, где ему предложили почетный пост генерал-инспектора кавалерии и Походного атамана всех казачьих войск. И в заключение 1-го июня 1919 года армия атамана Дутова была передана в Южную группу генерала Белова (Виттекофа)¹³⁵. Как показали последующие события, все перечисленные мероприятия омской ставки оказались «крайне вредными во всех отношениях».

Предвидя роковые последствия расформирования Оренбургской армии, я пытался сохранить какое-либо военное соединение, на которое атаман Дутов мог бы опереться в будущем для ведения дальнейшей борьбы и предложил ставке создать отдельный казачий корпус для самостоятельных действий на Туркестан. Омская ставка это отклонила.

В середине сентября 1919 г. Южная группа¹³⁶ генерала Белова перестала существовать – она расплылась. И атаман Дутов был назначен для командования остатками его бывшей армии. Он вновь пригласил меня быть начальником штаба его формирующейся армии, но ставка воспротивилась.

14 марта 1920 г. отряды атамана Дутова перешли китайскую границу и были распределены в лагерях.

6 февраля 1921 г. атаман Дутов был убит советскими агентами в г. Суйдуне (Китайский Туркестан).

Оренбургские казаки и русские освободительные армии навсегда лишились своего вдохновителя.

Заключение. Атаман Дутов был милостию божией вождь Белого движения. Он ясно отдавал себе отчет, что еще никто не выиграл победы на политическом поприще, опираясь на историю: для победы нужно доверие масс.

И атаман Дутов пользовался безграничным доверием своего войска.

Свою активность он направлял на достижение главнейших целей борьбы и на удовлетворение насущных потребностей войска.

Его приказы, обращения – содержали одну идею: освобождение России и ее духовного центра – Москвы – от коммунистического ига и созыв народных представителей возрожденной России.

Находясь уже в Китае, он все еще верил в возможность новой борьбы на Среднем Востоке, верили тому и в Туркестане, и к нему были обращены надежды мусульманского населения Ферганы и Семиречья, и это тогда, когда почти все антикоммунистические фронты России перестали существовать.

30 лет тому назад от руки убийцы-наемника погиб великий казак, ставший величием России и благополучием родного войска превыше всего.

А. Н. Вагин

Вагин А. Н. Оренбургское казачье войско и атаман А. И. Дутов // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1951. 5 мая.

Документ 2

А. Н. Вагин. Атаман А. И. Дутов

Со времени опубликования в «Русской жизни» моей статьи «Оренбургское казачье войско и атаман А. И. Дутов» ко мне поступило несколько обращений, подтверждающих данную мною характеристику атамана.

Ниже приводится выдержка из «Воспоминаний» генерала Гайды, переведенная и любезно присланная мне известным чешским политическим деятелем д[окто]ром права г. В... и содержащая суждение покойного генерала Гайды об атамане Дутове.

На стр. 149 своих «Воспоминаний» ген. Гайда говорит: «Исключением среди всех этих атаманов (ранее изложена характеристика нескольких атаманов) был ген. Дутов, атаман оренбургских казаков. Он был единственным, кто взялся за оружие против угнетателей-большевиков по мотивам высшего порядка и боролся с ними на своей казацкой территории еще до нашего (чехословацкого) выступления. Он был единственным поставившим себе целью установление порядка и законности в России, и от этого он никогда не отступал. Несмотря на свои монархические убеждения¹³⁷, Дутов часто усовещевал¹³⁸ остальных атаманов (его телеграмму атаману Семенову я уже цитировал), убеждая их не настаивать на своих требованиях, предъявляемых правительству и думать, прежде всего, о возрождении России.

Увы, все призывы этого казака-патриота оказались напрасными...»

В связи с вышеизложенным мнением пользуюсь случаем огласить также неопубликованное до сих пор письмо Войскового атамана Семиреченского казачьего войска покойного ныне генерала А. М. Ионова. Письмо адресовано старшему казаку Оренб[ургского] каз[ачьего] войска Генерального штаба генералу А. Н. Вагину 13 янв[аря] 1946 г. и написано по случаю отмечавшегося тогда в Сан-Франциско 25-летия со дня убийства атамана Дутова.

«Шестого февраля с. г. истекает 25 лет с того вечера, как пал на своем посту от руки подосланных убийц оренбургский атаман Генер[ального] штаба ген[ерал]-лейтенант А. И. Дутов, доблестный казак, стойкий поборник идеи государственного единства, рыцарь на всех жизненных дорогах.

Атаманский путь его, когда, опираясь на пожалованную ему Кругом булаву, он во главе своего казачества боролся за свободу Родины, за честь казачью, за попираемые национальные святыни, до того часа, как

восприял он терновый венец – хорошо известен его родным станичникам и всем, кто шел за ним. Я поведаю о других подробностях его жизни... Три года совместной академической страды связали меня с ним, безупречным военным товарищем, другом, ко всем благонамеренным, во всех оставившим добрую о себе память.

Представившись по окончании академии царю, мы, прощаясь, крепко пожали друг другу руки, как бы молча клянясь служить святым воинским идеалам.

Прошло 9 лет... Бушевала «великая бескровная», поливая ушатами крови города, села и веси. Среди общей растерянности, наряду с преступными действиями и бездействиями власти, начали проявляться первые всходы воинской самодеятельности.

До Донской казачьей дивизии, где в те месяцы я был начальником штаба, долетела весть о казачьем «Маяке», о «Казачьем союзе» в Петрограде, возглавляемом войсковым старшиной Дутовым, зазвонившим «набат» всем казакам, по всему простору русской земли. Тот «набат» «гудел и ширился», подхватываемый другими до той поры, пока добровольческое Белое движение не охватило всю Россию...

В начале 1919 г. с Александром Ильичем мы вновь встретились на жизненной дороге. Он был уже Войсковым атаманом оренбургского казачества и Походным атаманом в дни правления адмирала Колчака, в непосредственной близости к государственному кормилу тех дней и, когда наряду с вождями, появлялись как грибы всякие «вождики» (выражение ген[ерала] Е. К. Миллера), мечтавшие о булавах, бунчуках и ханских подушках, едва ли не самим преданным адмиралу Колчаку, самым твердым государственным мужем около него в те дни был А. И. Дутов... И на мне, как свидетеле многих тогдашних переживаний последнего, лежит долг поведать потомству оренбургских казаков, как верен был государственной идее и единству России, как предан был главе государства в те приснопамятные дни носитель оренбургской атаманской булавы.

За рыцаря долга и воинской доблести Верховного Правителя Александра Васильевича, готов был сложить свою честную казацкую голову Александр Ильич, оренбургский атаман.

Горячо любимый Александр Ильич, много раз за эти 25 лет, мы, твои сподвижники и почитатели, коленопреклоненно пели тебе «вечную память». А в эту годовщину твоей мученической кончины мы шлем мысленно с далекой чужбины на твою могилу на замену твоего тернового венца неувядаемый лавровый венец, вплетя в него, с дорогой тебе синей лентой и широкою трехцветную национальную как верному сыну матери-России... А. М. Ионов».

Полагая, что приведенные свидетельства о высоких качествах и достоинстве убиенного атамана А. И. Дутова представляют общественно-

исторический интерес, я прошу редакцию «Р. Ж.» не отказать опубликовать это мое письмо в одном из ближайших номеров.

А. Н. Вагин

Вагин А. Н. Атаман А. И. Дутов // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1951. 25 мая.

18. Новые материалы о потомках Дутова

Выход книги дал возможность установить контакты сразу с несколькими потомками оренбургского атамана, о которых в период написания работы мне известно не было, связать их между собой, получить семейные фотографии и документы, а также больше узнать о непростых судьбах наследников Александра Ильича в советское время. Как выяснилось, дети Дутова в советский период жили обычной жизнью, причем о репрессиях в их отношении неизвестно.

В Пятигорске проживает правнучка атамана по линии дочери Ольги Александровны Е. С. Гречко, которая любезно поделилась подробнейшими семейными воспоминаниями об атамане и его потомках: «В семье Ильи Петровича было два сына: Николай и Александр. Александр получил военное образование, был веселым, жизнерадостным, умным человеком. Его полюбила Ольга Викторовна, единственная дочь Петровских. Петровский – служащий, очень любил свою жену. Она умерла в 42 года и он остался верен ей всю жизнь. Сумел хорошо воспитать свою дочь и дать ей образование. Когда он узнал о любви дочери к Александру Ильичу, то был против их брака, но Ольга Викторовна пошла замуж против воли отца. Молодая чета в свадебное путешествие отправилась на Кавказ, побывали в Замке «Коварства и любви». У них было пятеро детей: Ольга (24 июля 1907 – 26 ноября 1986), Лика, Муся, Надежда и Олег.

1914 год – началась Первая мировая война. Александр Ильич преподавал в военном училище и мог бы не идти на войну, но он проиграл все наследство своей жены и, чтобы спасти свою честь, он, пообещав жене вернуть все состояние, ушел добровольцем (жене деньги он вернул, но уже в керенках).

Началась революция. Оренбургские казаки избирают Александра Ильича своим атаманом. Отец пытается переубедить сына, советуя перейти на сторону красных, но он был верен людям, избравшим его атаманом и своим идеям, до конца своих дней остается на этой службе. Семья подверглась тяжким испытаниям. Отец умер, когда красные тащили его по лестнице его собственного дома. Брат прятался, у него была чахотка и, в конце концов, умер. Ольге Викторовне предложили с детьми выехать за границу, но она осталась на родине. Красные не расстреляли семью, потому что Александр Ильич никогда не подписывал смертные приговоры и сохранил жизнь коменданту города Оренбурга, который не

разрешил уничтожить семью. Их выслали в Красноярск. Мать собрала сундуки, все погрузила и поехала с детьми, но по пути они обстреливались, их грабили и к месту приехали ни с чем. Детей определили в детский дом... Ольга Викторовна умерла и похоронена в Красноярске.

Бабушка вспоминала о приезде Колчака в Оренбург¹³⁹. На встречу с ним Александр Ильич приехал с семьей. Все были нарядно одеты, девочки в красивых белых платьях. Было много музыки, все было очень торжественно и красиво.

Еще она вспоминала, что когда ей было 10 лет, отец приезжал с войны раненым. У него была перевязана рука».

О дальнейшей семейной истории Е. С. Гречко сообщила: «Бабушка, Ольга Александровна, жила в Красноярске, там же вышла замуж за Белых Ивана Ефимовича. Ее постоянно вызывали в органы, проводили с ней “работу”. Ивана Ефимовича исключили из партии, из-за того, что он женат на дочери врага. Бабушке очень трудно было найти работу, хотя она всегда говорила: “Дети за родителей не отвечают”».

У Ивана Ефимовича была гипертония. В 50-х годах он приезжал на Кавминводы в санаторий. Очарованный нашими местами, он быстро распродает все имущество в Красноярске и они с Ольгой Александровной, дочерью Ниной (06.02.1928 – 04.04.2007) и сыном Сергеем (05.01.1940 – 07.10.1984), ему в то время было 10 лет, переезжают в ст. Константиновскую, недалеко от Пятигорска.

Иван Ефимович умирает в 1961 году. После смерти мужа, бабушка переехала в Воскресенск, Московской обл., к дочери, где умерла в 1986 году.

Бабушка была невысокого роста, полненькая, очень добрая, спокойная. Мы все ее очень любили». Всю жизнь дочь атамана скрывала опасное родство. «Бабушка Оля была очень добрая. Она никогда не гневалась, не раздражалась, не кричала, не хитрила. Спокойная, рассудительная, она была интересным собеседником. Она очень много читала и прочитанное держала в голове до конца своих дней. Хорошую память объясняла тем, что всю жизнь пришлось работать в торговле и постоянно держать в голове массу цифр... Надежда Александровна, в отличие от бабушки Оли была суетливая и многословная».

В семье сохранилось фото сына Дутова Олега, сделанное в июле 1931 г. Олег «уехал из Красноярска в Ленинград. Там он окончил вуз, женился. Переписывался с матерью на французском языке. У бабушки Ольги Александровны хранилось одно его письмо». В семье считалось, что Олег Александрович погиб в блокаду, однако (и об этом ниже) это не совсем так.

Правнучка атамана по линии дочери Надежды Александровны Т. А. Маричева из Красноярска прислала мне ценные документальные материалы по истории семьи и внесла важные уточнения в данные о потомках атамана, вошедшие в книгу (ранее были предоставлены другими потомками Надежды Александровны). Надежда Александровна в

1937–1940 гг. работала в тресте «Краслеспродторг», трудилась кассиром, инкассатором, стрелком ВОХР, в 1960-е гг. работала в цехе цементного оборудования завода «Сибтяжмаш», в 1967 г. была поощрена почетной грамотой, в конце 1974 г. ушла на пенсию, умерла в Красноярске 27 января 1977 г. По семейным воспоминаниям, присланным Т. А. Маричевой, «Ольга Викторовна Петровская¹⁴⁰ умерла примерно в 1945 г., похоронена на старом кладбище в Красноярске, которое потом провалилось, теперь ее могилы нет. Ольга Викторовна была очень образованна, знала три языка, но была совершенно не приспособлена к тем условиям жизни, в которых оказалась в Красноярске. До 16 лет с ней жила дочь Ольги Нина¹⁴¹, Ольга Викторовна больше всех других детей и внуков ей рассказывала про А. И. Дутова и про свою жизнь... Моя бабушка не брала фамилий ни одного из своих мужей, как у вас указано, а прожила всю жизнь и похоронена под фамилией своего деда по матери – Петровская.

У Надежды Александровны было 6 детей... Надежда Александровна была действительно очень общительной и подвижной. Была также очень доброй, особенно по отношению к своим детям, никогда их не ругала и ни за что не наказывала. Совершенно не признавала спиртное, даже глотка шампанского иной раз не могла сделать, как бы ее ни уговаривали. Очень любила петь...

Про двух других дочерей Дутова известно немного. Надежда Александровна рассказывала своим детям, что Елизавета умерла в детском доме, а Мария оставалась с родней Дутова в Оренбурге. Приезжала в Красноярск два раза. Больше о ней ничего неизвестно».

Наконец, в 2014 г. мне довелось познакомиться с потомками сына Дутова Олега Александровича – правнуком атамана А. И. Петровским и его супругой М. В. Петровской из Дмитрова. По семейным документам, Олег Александрович родился в 1916 г., 15 июля 1941 г. добровольно вступил в ленинградское ополчение через Куйбышевский райвоенкомат и погиб на фронте. Женат был на учительнице Людмиле Павловне Хохлачевой, скончавшейся в 1995 г. Точные данные о гибели Олега Александровича Петровского неизвестны, последнее известие от него датировано 24 августа 1941 г. В 1940 г. у О. А. Петровского родился сын Илья, трагически погибший в 1981 г., после него остались трое детей.

Потомки атамана Дутова ныне проживают в самых разных уголках нашей страны (точно известны – Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Пятигорск, Сергиев Посад, Воскресенск, Краснодарский край), а, возможно, и за ее пределами.

19. Сведения о гражданской супруге Дутова из дневника И. И. Серебренникова

Д. и. н. А. А. Хисамутдинов из Владивостока любезно поделился отрывком о гражданской супруге Дутова А. А. Васильевой из готовящихся им к публикации дневников И. И. Серебренникова¹⁴², хранящихся в

Гуверовском архиве: «Н. В. Дутов с женою, приехавшие погостить в Тяньцзинь из Таншана. Я подумал: вот судьба, пришел наводить справки об атамане Дутове, а за столом случайно застал Н. В. Дутова, его племянника, когда-то служившего адъютантом при атамане. Словно, я предчувствовал такую встречу. Я внимательно приглядывался к жене Н. В. Дутова, молоденькой, хорошенькой женщине. Я знал, что пятнадцать лет тому назад эта женщина была гражданскою женою самого атамана Дутова и имеет от него дочь, которая учится теперь в английской школе в Тяньцзине».

20. Сведения о судьбе атамана 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска К. Л. Каргина – лидера оппозиции Дутову

Материалы об одном из лидеров оппозиции Дутову, атамане 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска К. Л. Каргине прислал его внук С. М. Покрас. Ниже с незначительной смысловой правкой приводится письмо С. М. Покраса: «Мой дедушка по материнской линии Каргин Кирилл Леонтьевич родился 29 сентября (ст.ст.) 1885 г. в станице Буранная Оренбургской губернии в семье казачьего офицера... дедушка с бабушкой и моей мамой... осели сначала в Омске (видимо у дедушки были знакомые по его службе агрономом), а с 1920 г. в Красноярске, где потом жили до 1926 г, и жили неплохо. Дедушка работал краевым агрономом Красноярского края. В Красноярске родились мамины братья: в 1920 г. – Николай, в 1923 г. – Василий.

Когда местные чекисты узнали о прошлом дедушки, он был вынужден уволиться и уехать из Красноярска и после поиска работы устроился заведующим отдела земледелия в г. Новосибирск, где был арестован 22 ноября 1927 г. Приговорен Коллегией ОГПУ 20 апреля 1928 г. по обвинению в «службе в Белой армии» (ст. 58–13 УК РСФСР). Приговор: к высылке на 3 года. Реабилитирован 19 ноября 2002 г.

В июле 1928 г. вся семья выехала сначала в Усть-Сысольск (Сыктывкар), а в августе в с. Ижма (автономная область Коми). В декабре 1928 г. мама вышла замуж за моего папу и с тех пор проживала в Москве. Дедушка с бабушкой и с сыновьями жили в Ижме до 1931 г. После окончания срока ссылки на некоторое время перебрались в г. Усть-Сысольск и затем в 1933 г. в г. Тамбов (в Москву ссыльным было нельзя).

Тридцатые годы в Тамбове были для дедушки и бабушки годами мытарств. Дедушка, дипломированный агроном, смог найти какую-то работу только в поселке под Тамбовом, где вынужден был проживать вдали от семьи. Месяцами не платили мизерную зарплату. Только в 1940 г. дедушка смог организовать Тамбовскую агрохимлабораторию, заведующим которой был до конца жизни.

Умер он 17 октября 1954 г. В газете «Тамбовская правда» было сообщение об его кончине. Хоронили дедушку с оркестром.

Дедушка для меня тоже образец принципиального, интеллигентного, трудолюбивого, заботливого, доброго человека высоких моральных качеств, к тому же хорошо образованного и умелого в быту. Я все детство летом жил с бабушкой и бабушкой и их влияние на меня имело определяющее значение. Уже после их кончины всю жизнь я часто вспоминал и вспоминаю с благодарностью время, проведенное с ними, их отношение ко мне.

На долю дедушки и бабушки выпали тяжкие испытания во время войны. Старший сын Николай, в 1939 г. окончил Киевское танковое училище и за отличную учебу был оставлен в этом училище для продолжения службы.

В начале июля 1941 г. училище было эвакуировано в Кунгур Молотовской (Пермской) области. Коля мог уехать туда, но после двух рапортов с просьбой отправить на фронт в июле 1941 г. уже участвовал в жестоких танковых боях на Украине, и будучи заместителем командира батальона по технической части, сам водил танк в боях и, судя по письмам с фронта, с такими успехами, за которые в следующие годы войны давали звание «Героя». Но последнее его письмо было от 14.09.41 г. По словам очевидцев, 20.09.41 г. он был ранен в бою около г. Ромны в Сумской обл. и отправлен в госпиталь, до которого, видимо, не довезли (в 1941 г. Коле был 21 год). Младший сын Василий... в июле 1941 г. (ему еще не было 18 лет) был призван в армию и обучался в танковом училище на юге Сибири. В начале 1943 г. отправлен на фронт и 29 марта 1943 г. в бою около пос. Мга (железнодорожный узел в 50 км от Ленинграда) «сгорел в танке» (так написано в извещении)... Моя бабушка по материнской линии Каргина (в девичестве Белякова) Юлия Ивановна родилась 18 мая (по старому стилю) 1879 г. в семье обер-офицера, после выхода на пенсию бывшего уездным предводителем дворянства. Детство и юность бабушки прошли в г. Сарапул (Средний Урал) на р. Каме. После окончания гимназии работала учительницей в деревенской школе. После выхода замуж жила в г. Оренбурге. В результате событий гражданской войны оказалась с семьей в г. Красноярске, затем в г. Новосибирске, в ссылке (с. Ижма), в Усть-Сысольске (Сыктывкар), и с 1933 г. в г. Тамбове, где скончалась 11 мая 1962 г.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этой экспедиции см.: *Артемьев К. П.* Последний приют атамана Дутова. Оренбург, 2009.

Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009; *Багаутдинов Р. О.* Переход башкирского правительствa и войска на сторону Советской власти в 1919 году // Вестник Башкирского университета (Уфа). 2014. Т. 19. №2. С. 746–749; *Гольцев В. А.* Атаман Анненков. Алматы, 2006; *Он же.* Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009 (переиздана в 2014 г.); *Крах белой мечты в Синьцзяне.* СПб., 2015; *Мастренков А. С.* Мемуары по истории Гражданской войны в Оренбуржье. Дисс.... к.и.н. М., 2009; *Наземцева Е. Н.*

Русская эмиграция в Сибирь (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010; *Сафонов Д. А.* Крестьянский вопрос во взаимоотношениях Комуца и «казачьей власти» атамана Дутова // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Коломна, 2009. С. 133–137; *Он же.* Политический режим «казачьей власти» в 1918 году: к вопросу о «дутовской» диктатуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №6(144). С. 58–68; *Он же.* Правовые основы деятельности и «новации» казачьей власти атамана А. Дутова в 1918 году // Россия в годы революций и Гражданской войны: историко-правовой аспект. Материалы российской научно-практической конференции (4 декабря 2008 г.). Уфа, 2009. С. 14–21; *Он же.* Оренбургское казачье войско в годы Гражданской войны: тенденции формирования казачьей автономии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №16(270). История. Вып. 51. С. 52–57; *Семенов В. Г.* Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945». Оренбург, 2009; *Он же.* Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Оренбург, 2010; *Таймасов Р. С.* Участие башкир в Гражданской войне. Кн. 1. В лагере контрреволюции (1918 – февраль 1919 гг.). Уфа, 2009; *Он же.* Башкиры в антибольшевистском лагере: между сибирской контрреволюцией и Комучем // Вопросы истории. 2007. №8. С. 139–144 и др.

В частности, нельзя признать удачной недавнюю попытку оспорить изложенную в книге о Дутове концепцию роли белого террора в событиях Гражданской войны в Оренбуржье (*Ратьковский И. С.* Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. №2(6). С. 116–129). Отрицать казачий террор на Южном Урале не приходится, о чем на основе архивных документов и собранного статистического материала было рассказано в моей книге (*Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373). Однако не следует его преувеличивать, основываясь на пропагандистских публикациях одной из сторон, как делается в данной статье. К сожалению, И. С. Ратьковский не работал с архивными документами по этой теме и основывается почти исключительно на данных советской периодической печати и литературы, в пропагандистских целях изображавших режим Дутова как царство террора, что отделило автора от объективного отражения сложной картины репрессий.

О красном терроре против казачества в рецензируемой статье упоминается вскользь, что уже создает искаженную картину. Некритическое восприятие заявлений атамана А. И. Дутова и мемуаристики лишь усугубило искажение. Так, с полным доверием автор статьи воспринял бахвальство атамана перед находившейся проездом в Оренбурге молодой сестрой милосердия М. А. Нестерович-Берг о якобы суровости его режима и массовых расстрелах (*Ратьковский И. С.* Белые репрессии в Оренбуржье... С. 117), перед омскими журналистами о 200 казенных казаках (Там же. С. 123), перед адмиралом А. В. Колчаком о жестоком подавлении попытки восстания в Троицке и перед французским генералом М. Жаненом в аналогичном ключе о замороженном заживо кочегаре и повешенном машинисте (Там же. С. 126–127). Большое внимание в статье уделено декларативным приказам казачьей власти о репрессиях (Там же. С. 122, 125, 126) без указаний на то, выполнялись ли те или иные суровые распоряжения.

Факты же говорят об ином. Во-первых, часть событий, связанных с деятельностью Дутова, подробно изучена и не оставляет пространства для рассуждений о массовых репрессиях (например, события прихода Дутова к власти в Оренбурге). Во-вторых, сравнительный анализ заявлений Дутова, известного своим красноречием и реалити его деятельности рисует атамана мастером саморекламы, тогда как действительность оказывалась куда менее впечатляющей.

Так, в период визита М. А. Нестерович-Берг в Оренбург казачий режим отличался крайней мягкостью к своим противникам. В частности, после ареста членов Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов от партии большевиков в ночь на 15 ноября 1917 г., они были высланы в станицы с предписанием «содержать препровождаемых впредь до суда под строгим надзором, не допуская ни побега их, ни каких-либо к ним посетителей. Содержать в теплом помещении, кормить так, как едят и сами казаки – не богато, но и не голодно, не допускать над ними никаких недостойных казаков насилий. Писать письма им можно разре-

шить, но все письма направлять через Войскового атамана» (Александр Ильич Дутов: Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч[ее], относящиеся к деятельности Войскового атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда атамана Дутова. Б. м., б. г. [Троицк, 1919]. С. 116). Позднее высланные были возвращены в тюрьму, где содержались в щадящем режиме – два раза в неделю им разрешались свидания, причем даже с целыми делегациями, можно было самостоятельно готовить пищу, причем продукты поставлял штаб Красной гвардии, и даже имелось оружие. Неудивительно, что вскоре арестованным при содействии нелегального отряда Красной гвардии удалось бежать из тюрьмы (*Евдокимов И.* Побег большевистских комиссаров из дуповской тюрьмы (Записки бывшего тюремного надзирателя) // *Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников гражданской войны и документам.* Чкалов, 1939. С. 63; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. С. 122).

Некоторые факты, приводимые И. С. Ратьковским, вызывают сомнения. К примеру, он отмечает отсутствие в моей книге упоминания о том, что отец будущего героя Сталинградской битвы генерала А. И. Родимцева из села Шарлык стал жертвой наказания шомполами, практиковавшегося дутовцами и часто приводившего к смертельному исходу (Ратьковский И. С. *Белые репрессии в Оренбуржье.* С. 118). Очевидно, источником послужили позднейшие мемуары самого Родимцева. Однако есть и другие данные. Метрические книги церкви Архистратига Михаила села Шарлык (Михайловское) за 1918–1919 гг. не содержат записей о смерти отца Родимцева (выражаю благодарность за предоставленную информацию исследователю истории Шарлыкского района А. Е. Исковскому). Более того, существуют указания на то, что умер он в голодном 1921 г. (<http://general-rodimcev.narod.ru/index.files/Page326.htm> [дата обращения 26.07.2015]), когда казачьей власти на территории региона уже около двух лет не было. Удалось обнаружить личное дело Родимцева, в котором он указал годом смерти отца 1919-й, что не подтверждается метрическими записями. Таким образом, пока нет убедительных данных о времени и обстоятельствах смерти отца полководца, тем более некорректно приводить спорный случай в качестве примера белого террора.

Не относятся к жертвам белого террора и некоторые другие персоналии, отнесенные к таковым автором. Так, среди жертв террора лета 1918 г. в статье указан погибший в бою с колчаковцами 19 апреля 1919 г. командир 213-го стрелкового полка 24-й Железной стрелковой дивизии В. Барановский, похороненный в одной могиле с действительными жертвами террора в городе Сорочинске (*Ратьковский И. С.* Белые репрессии в Оренбуржье... С. 121). В статье утверждается, что похоронили его еще в ноябре 1918 г., т. е. за полгода до действительной гибели. Некто Улеев, похороненный там же, назван комиссаром того же полка, однако, судя по надписи на памятнике в Сорочинске, он являлся комиссаром Сорочинского волостного совета по продовольствию и как раз был среди жертв террора лета 1918 г.

Съезд 15 станиц Оренбургского войска, о котором по материалам исследовательской литературы упоминает автор статьи (Там же. С. 127), проходил не в 1919 г., а годом ранее, а утверждение, что Дутов якобы «лично распоряжался о расправе с любыми подозреваемыми в большевизме рабочими» (там же), кажется, можно оставить без комментариев.

В качестве достоверных в статье приведены данные советского издания 1964 г. о том, что в оренбургской тюрьме в августе 1918 г. якобы содержались 6000 коммунистов и беспартийных, 500 из которых замучили на допросах, а в Челябинске дутовцы расстреляли и увезли в тюрьмы Сибири 9000 человек (Там же. С. 124). Однако объединение коммунистов и беспартийных, расстрелянных и перемещенных в другие места само по себе выглядит нелепостью, а, кроме того, подобные цифры никак не соотносятся с фактами. Даже если принять за достоверное мифические 6000 заключенных и вычесть 500 замученных на допросах, то в заключении должны были остаться 5500 человек. Тогда как по выявленным нами архивным документам, на середину сентября 1918 г. в оренбургской тюрьме содержались всего 835 человек, включая политзаключенных (ГАРФ. Ф.Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Лл. 1об.–2), причем эта цифра бо-

лее, чем вдвое превышала расчетное число заключенных (391 человек), которое тюрьма могла вместить, а тюремное ведомство погрязло в долгах за отопление, освещение и продукты. Вместить 6000 заключенных (в 15 с лишним раз больше расчетного числа) оренбургская тюрьма не могла физически. Не могла измеряться тысячами и численность арестованных в Оренбурге летом 1918 г. коммунистов. Даже на свободе их было намного меньше, тем более на занятой белыми территории. В 1917–1919 гг. численность большевиков всей Оренбургской губернии по самым завышенным оценкам колебалась в районе 2500–2800 человек, причем при оставлении территории губернии в июле 1918 г. с красными ушли около 2000 (Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983. С. 45, 68, 83). Что касается населения Челябинска, то от младенцев до стариков оно тогда едва превышало 67 000 человек. Следовательно, расстрелу и депортации должны были подвергнуться 13, 5% жителей города. Но поскольку женщин, детей и стариков вряд ли стали бы массово репрессировать, речь о трудоспособных мужчинах (не более четверти жителей). И, если верить этим данным, белые должны были репрессировать абсолютное большинство мужского трудоспособного населения города, что является ничем не подтвержденным вымыслом.

С особой осторожностью применительно к теме белого террора следует подходить к материалам советских газет периода Гражданской войны и к советской мемуаристике. Но эти свидетельства И. С. Ратьковский представил читателям как достоверные факты, не пытаясь их проверить ни документально, ни хотя бы с позиции здравого смысла. Следование за вторичными источниками повлекло неточности. К примеру, сомнительное свидетельство о казни Дутовым 200–250 казаков за отказ служить представлено автором статьи, хотя и ненамеренно, не как один, а как два разных эпизода массового террора (*Ратьковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье...* С. 122–123, 126), при том, что речь идет об одном и том же событии, если оно вообще имело место. Дутов сообщил о нем в интервью летом 1918 г., а в начале 1919 г., когда красные стали занимать территорию войска, эти же сведения, увеличив число жертв на пятьдесят, подхватила и напечатала газета «Правда». Подобный подход позволил вменить Дутову вдвое большую жестокость, однако лишь отдалил автора от реконструкции подлинных событий.

Особенно впечатляющим представляется эпизод жестокой казни белыми под Оренбургом весной 1919 г. некоего рабочего Кореня, служившего поваром у красных и захваченного в плен с походной кухней. Согласно приводимому в статье советскому мемуарному свидетельству, белые вылили пищу из кухни, разрубили повара на куски, сложили останки в кухню, залили их водой, подожгли топку и лошадь направили к красным (Там же. С. 127). Наверное, нельзя полностью исключить, что чудовищный эпизод мог иметь место в жестокой действительности Гражданской войны. Но несуразность описания при знании реалий эпохи бросается в глаза. Прежде всего, все изложенное слишком сложно для воплощения. Однако более существенно другое. В условиях полуголодного существования и неприветливой весны 1919 г. под Оренбургом бойцы на передовой не выбросили бы дефицитную трофейную пищу ради бессмысленного садистского убийства заблудившегося повара. Кроме того, ни сами бойцы, ни их начальство не могли одобрить самовольный возврат противнику трофейной полевой кухни с лошадью, хотя бы потому, что захваченные полевые кухни учитывались белым командованием на Южном Урале среди трофеев отдельной строкой (см., напр.: РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Лл. 23об., 27–27об., 41об.). Наконец, направление лошади в сторону противника еще не гарантирует того, что она дойдет до вражеских окопов и что, таким образом, садистская шутка удается. Совокупность этих данных делает вероятность подобного эпизода стремящейся к нулю, а, скорее всего, речь идет о вымысле и слухах.

Судя по преамбуле, автор статьи поставил перед собой задачу показать масштабность казачьего террора в Оренбуржье и, прежде всего, террора, проводившегося самим атаманом Дутовым. Приводимые им факты, в большинстве своем, известны и не раз упоминались в предшествующих работах. Однако для демонстрации еще больших масштабов террора И. С. Ратьковский включил в свою статью сведения о событиях, не имевших отношения не только к дутовскому режиму, но подчас даже и к оренбургскому казачеству. Например, свидетельства

о чехословацком терроре, данные о репрессиях, проводившихся Временным Сибирским правительством, различными армейскими подразделениями, данные о терроре не подчинявшихся Дутову казаков-повстанцев (*Ратьковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье... С. 118–121*). Оренбургским казакам оказалась приписана расправа над пленными бойцами 25-й стрелковой дивизии в селе Ташла в июле 1919 г. (Там же. С. 127). Но против знаменитой чапаевской дивизии действовали не оренбургские, а уральские казаки. Эпизоды боевых действий в статье также отнесены к проявлениям террора (Там же. С. 119), что неверно.

Едва ли обоснованно выделение «кризисного» (лето 1918 г., зима 1918–1919 г.) и «стабильного» (осень 1918 г.) периодов дутовского правления в целях демонстрации нерепрезентативности собранных мною статистических данных (Там же. С. 123–124). Боевые действия в Оренбуржье отличались достаточно высокой интенсивностью практически весь период 1918–1919 гг., в связи с чем назвать какой-либо период стабильным затруднительно. Сведения, не укладывающиеся в построения И. С. Ратьковского и опровергающие реанимируемые советские мифы (например, статистику наказаний в «кризисный» период, также содержащуюся в моей работе, равно как и точные данные о количестве заключенных в оренбургской и других тюрьмах – *Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. С. 361–362, 370, 373*), он проигнорировал, подменив анализ источников рассуждениями про некий «упрощенный подход» в качестве новой исследовательской тенденции (*Ратьковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье... С. 116*). Но этот упрек скорее следует адресовать самому И. С. Ратьковскому, не ознакомившемуся с документами по теме своей статьи.

В то же время И. С. Ратьковский вынужден признать приверженность белых букве закона. По мотивам моей книги он упоминает о дифференцированном подходе казачьего военно-полевого суда к наказанию в отношении крестьян-повстанцев, захваченных в 1919 г. с оружием в руках, когда большинство задержанных были оправданы (Там же. С. 126). Ответа на вопрос, как эти и другие факты соотносятся с советскими мифами о массовом белоказачьем терроре, автор статьи не дал, хотя и допустил, что приводимые им данные могут быть преувеличенными вследствие политизации (Там же. С. 124). В свете этого невозможно согласиться с выводом из аннотации к статье о том, что белый террор в регионе носил массовый характер, став одной из причин поражения антибольшевистского движения на Южном Урале (*Петербургский исторический журнал. 2015. №2(6). С. 354*).

⁴ Так, В. А. Рыкунов в работе, посвященной эмиграции белых войск в Китай и ее последствиям, утверждал, что «в начале 1920 г. состоялся трагический поход белых войск, состоявших в основном из терских, уральских, оренбургских и семиреченских казаков и корпуса генерала Бакича в Северо-Восточный Китай, в район Синьцзяна» (*Ракунов В. А. Эмиграция белых войск из России в Китай и ее военные последствия (1918–1945 гг.)*. Автореф. дисс.... к. и. н. М., 2011. С. 22). В этой цитате диссертант продемонстрировал как незнание азов географии рассматриваемого им региона (Синьцзян расположен не на северо-востоке, а на северо-западе и западе Китая), так и не владение базовыми историческими фактами по теме исследования (терские и уральские казаки в исходе белых из Туркестана в Китай не участвовали, практически все оренбургские казаки, наоборот, отступали в Синьцзян в составе отряда, а не корпуса генерала А. С. Бакича, и, отделяя их от частей Бакича, диссертант показал непонимание сути событий).

Наиболее ярким примером плагиата является кандидатская диссертация В. В. Марковчина, из 213 страниц которой не менее 51 (*Марковчин В. В. Деятельность русской военной эмиграции в Северо-Западном Китае: 1920–1926 гг.* Дисс.... к. и. н. Курск, 2010. С. 28–30, 45–47, 92–109, 150–163, 180–192) целиком или, в редких случаях, отдельными абзацами позаимствованы из моей монографии о генерале А. С. Бакиче (*Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 3, 99–100, 114–122, 125–129, 131–143, 151, 159–162, 166–169, 171–174*).

⁶ *Ганин А. В. Оренбургские казаки на Дальнем Востоке в 1920–1922 годах // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И. И. Минца. М., 2007. С. 636–662; Он*

же. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919–1920 гг. // Горынычъ. Краеведческий сборник. Ч. 2. Уральск, 2007. С. 34–110; *Он же*. Судьба белого генерала: Александр Николаевич Вагин // Земля Иркутская (Иркутск). 2007. №1 (32). С. 97–100; *Он же*. Председатель Совета министров П.В. Вологодский и Отдельная Оренбургская армия // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2008. №16. С. 21–38; *Он же*. Оренбургское казачество и церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Русская православная церковь и Белое движение. Белая гвардия. Альманах. 2008. №10. С. 146–162; *Он же*. Адмирал А. В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противостояние в ноябре-декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. №1(8). С. 21–37; *Он же*. Атаман А. И. Дутов // Белое движение: исторические портреты. Сост. А. С. Кручинин. М., 2011. С. 728–773; *Он же*. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 239–268; *Он же*. Проблема пьянства в Оренбургском казачьем войске накануне и в период Гражданской войны // Новейшая история Отечества. Сб. науч. трудов. Вып. 4. Саратов, 2012. С. 45–53; *Он же*. Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014. №7. С. 52–58; *Он же*. «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // Воспоминания соловецких узников 1923–1939. Т. 2. 1925–1928. Соловки, 2014. С. 162–171; *Он же*. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 16–59; «Отрицательные стороны прежнего институтского воспитания с культивированным пренебрежением ко всякому черному труду». К истории эвакуации Оренбургского Войскового женского Института из Оренбурга в Троицк в январе – марте 1919 года. Отчет из фондов штаба Оренбургского военного округа / Вступительная статья и публ. А. В. Ганина // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 2012. Кн. 12. С. 125–135; *Он же*. Черногорац у службы Русије: генерал Бакић. Никшић, 2009; *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945. Биографический справочник. М., 2007; *Ганин А. В., Хайруллин М. А.* «Наблюдатель выскочил на крыло...» Авиационные формирования Южного Урала в 1918–1919 годах // Родина. 2007. №9. С. 74–79.

Подробнее см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 279.

Его заметка, посвященная Голодному походу, была ранее опубликована в приложении к книге о генерале А. С. Бакиче: *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 227–228.

В другом письме Россихин пишет о сыне Илье 1898 года рождения и дочери Ксении 1903 года рождения.

¹⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 45. Д. 1121. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Лл. 2об.–3.

¹³ Там же. Л. 32об.

¹⁴ Там же. Л. 33об.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 30.

¹⁸ Там же. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 43.

²⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 494. Л. 2.

²¹ Там же. Лл. 2–2об.

²² Там же. Л. 2об.

²³ Здесь и далее выделено в оригинале.

²⁴ От ред. О самостоятельности тогда не говорил еще ни один народ, впоследствии ставший на путь госуд[арственной] независимости (прим. редактора журнала «Вольное казачество»).

²⁵ Исполнение «Боже, царя храни» на официальной церемонии в Челябинске летом 1918 г. представляется маловероятным.

²⁶ Сведения о том, что Дутов летом 1918 г. носил погоны с императорскими вензелями не соответствуют действительности.

²⁷ Сохранена стилистика документа.

²⁸ На самом деле по чину генерал-майора, который Дутов получил 25 июля 1918 г., полагалось обращение «Ваше превосходительство». По чину полковника полагалось обращение «Ваше высокоблагородие». Очевидец отмечал, что в Челябинске на Дутове были еще полковничьи погоны (Ганин А. В. Атаман А.И. Дутов. С. 193).

²⁹ 1919 г.

³⁰ Станицы.

³¹ Официально именовался стрелковым.

³² Точные данные о численности и составе армии Дутова в этот период см.: Боевые расписания Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий / Вступит. статья, подготовка текста и комментарии А. В. Ганина // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. №8. С. 213–218.

³³ В документе ошибочно – «армейских».

³⁴ Так в документе.

³⁵ В действительности позиции существовали почти исключительно на бумаге.

³⁶ В документе – «переживая».

³⁷ В документе – «в деле».

³⁸ Т. е. более, чем.

³⁹ В документе – «распропагандированные».

⁴⁰ Так в документе.

⁴¹ Так в документе. Деникин имел чин генерал-лейтенанта.

⁴² Резолюции: 12/ХІІ. Опер. Интересно, но устарело и без конца. Ку[сонский]. Получено без конца, если отыщется, текст вставить. Шт[абс-]ротм[истр] Арсен[ьев].

⁴³ Имеется в виду уфимская Директория в составе Н. Д. Авксентьева, В. Г. Болдырева, В. А. Виноградова, П. В. Вологодского и В. М. Зензинова.

⁴⁴ Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д. А. Лебедев.

⁴⁵ На документе резолюция чернилами: Канц[елярия]. Доложено. Об[ращение] Войск[ового] атамана приказал направить в копии председат[елю] Краев[ой] Рады и председ[ателю] правительства. Полк[овник] Ожаровский 10/ХІІ. К письму прилагался портрет Дутова с его автографом (Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Ф. 4208. Л. 1).

⁴⁶ Дутов имел в виду все же не казаков-мусульман, а башкир А.-З. Валидова.

⁴⁷ Речь идет о газете «Коммунар».

⁴⁸ Николая Романова.

⁴⁹ Не публикуются.

⁵⁰ Возможно, генерала Н. М. Комаровского.

⁵¹ В действительности IV Оренбургский армейский корпус.

⁵² Комаровского.

⁵³ Комаровскому.

⁵⁴ Карты не публикуются.

⁵⁵ Комаровского.

⁵⁶ Комаровский.

⁵⁷ Здесь и далее речь идет о донесениях Ходжеса. Вероятно, сокращение от Hodges mission.

⁵⁸ Здесь и далее в документе, видимо, ошибочно – Сироровка.

⁵⁹ Очевидно речь идет о так называемых «Дружинах Святого Креста».

⁶⁰ Этот офицер оставил воспоминания о пугествии через пустыню Гоби (*Kerangat. A travers le désert de Gobi* (mars 1920) // *La Géographie*. 1921. Т. XXXVI. №3. Р. 340–349).

⁶¹ Река Черный Иртыш.

⁶² Белые оставили город 19 января.

⁶³ На самом деле только 21 марта 1920 г.

⁶⁴ В действительности, организованное сопротивление большевикам в Семиречье продолжалось до конца марта 1920 г.

⁶⁵ Комаровского.

⁶⁶ Основной причиной принятия Дутовым командования было то, что он считал себя ответственным за судьбу оренбургских казаков, избравших его атаманом.

⁶⁷ Автор дневника преувеличивает положительные свойства этого района и не учитывает реального состояния армии Дутова и ее снабжения (отсутствие зимней одежды и медикаментов, эпидемия тифа), что связано, на мой взгляд, с тем, что снабжение офицеров союзных миссий было несопоставимо с обеспечением и снабжением личного состава белых армий. В действительности, возможность армии Дутова выжить зимой в указанном районе вызывает сомнения.

⁶⁸ Правильно – IV корпус.

⁶⁹ Автор дневника излишне критично относится к служебному пути Дутова. В действительности будущий атаман участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, хотя его боевой опыт до Гражданской войны и был небольшим (только 1905 и 1916 годы, причем подробности службы Дутова в Маньчжурии неизвестны).

⁷⁰ Т. е. кавалер военного креста (Military cross).

⁷¹ Royal Field Artillery – Королевская полевая артиллерия.

⁷² По другим описаниям погода была не столь благоприятна для похода.

⁷³ В документе несогласованно – линии.

⁷⁴ Данная история скорее напоминает сплетню, поскольку ни железнодорожного моста, ни, тем более, его разрушения под Орском не было, передвигать поезд куда-либо было бесполезно, т. к. недостроенная железнодорожная ветка Оренбург – Орск в любом случае не позволяла эвакуироваться по железной дороге, поскольку контролировалась красными в узловом Оренбурге, а до Орска не доходила.

⁷⁵ Речь идет об Александре Афанасьевне Васильевой из станицы Остроленской 2-го (Верхнеуральского) военного округа Оренбургского казачьего войска.

⁷⁶ До 1917 г. губернатора с такой фамилией в Якутской области не было. Речь идет о коллежском советнике (позднее – статском советнике) бароне Дмитрие Орестовиче Тизенгаузене, который в период с 28 мая 1912 г. по 1914 г. был оренбургским вице-губернатором (Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 431, 461–462).

⁷⁷ Эта оценка относится лишь к финалу борьбы оренбургских казаков, в более ранний период, который автор дневника не застал, картина была иной.

⁷⁸ Для таких суждений были объективные причины, о которых автор умалчивает.

⁷⁹ Ганин А. В. Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 94–97.

⁸⁰ Архив Славянской библиотеки (Прага). Т-RZIA. 6–958.

⁸¹ В углу резолюция: «Прошу В.В. Чернавина ответить по вопросам, запрашиваемым в наст. письме. 16/VI». (подпись неразборчива).

⁸² Подчеркнуто красным карандашом.

⁸³ ГАРФ. Ф.Р-5956. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

⁸⁴ Архив Славянской библиотеки. Т-RZIA. 2-6-45.

⁸⁵ Архив Славянской библиотеки. Т-RZIA. 6-958.

⁸⁶ В документе – «достигший».

⁸⁷ В документе – «перебрасываемого».

⁸⁸ Мемуарист сравнивает бои на реке Салмыш с кровопролитными боями Первой мировой войны на реке Стоход.

⁸⁹ В документе – «была расположена».

⁹⁰ В документе – «ст.ст.».

- 91 В документе – «ст.ст.».
- 92 В документе – «укрепившихся».
- 93 Здесь и далее – мемуарист неточен. К августу прежних наименований армий уже не существовало. В середине июля 1919 г. Сибирская и Западная армии были реорганизованы в неотдельные – 1-ю (командующий – генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев), 2-ю (генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий) и 3-ю (генерал-майор К. В. Сахаров) армии.
- 94 Так в тексте.
- 95 В документе – «ст.ст.».
- 96 В документе – «гор.гор.».
- 97 13 сентября 1919 г. между станциями Берчогур и Мугоджарская состоялась историческая встреча разведчиков 3-й Туркестанской дивизии 1-й армии и войск советского Туркестана.
- 98 Мемуарист ошибается. Челябинск был взят красными еще в конце июля 1919 г.
- 99 Так в тексте.
- 100 Так в тексте.
- 101 Так в тексте.
- 102 В документе – «сентября».
- 103 В документе – «сентября».
- 104 Так в тексте.
- 105 Автор ошибается. Дутов был убит в феврале 1921 г. в Суйдине.
- 106 Очерк впервые увидел свет в сборнике «Оренбургский казак», изданном в Харбине в 1937 г. и сохранившемся в России в единственном экземпляре в Государственном архиве Хабаровского края.
- 107 Автор ошибается. Степной группой командовал генерал-майор Д. А. Лебедев, тогда как генерал-майор Н. М. Комаровский служил в Оренбургской армии и участвовал в описываемых событиях в составе IV Оренбургского армейского корпуса.
- 108 7 декабря по новому стилю.
- 109 Также встречается написание Кара-сарык и Кара-Сарык.
- 110 Далее в статье – Бартала.
- 111 6 мая 1920 г.
- 112 Воспоминания Н. В. Дутова были впервые опубликованы в сборнике «Оренбургский казак», вышедшем в Харбине в 1937 г. тиражом 500 экземпляров и сохранившимся до наших дней в библиотеке им. Гамильтона Гавайского университета в Гонолулу. Копия сборника была любезно предоставлена автору русским библиографом П. Полански. Автор очерка, племянник (к сожалению, точная степень родства неясна, поскольку у атамана был только брат Николай) и личный адъютант А. И. Дутова сотник Николай Дутов, служил в Атаманском полку отряда генерала А. С. Бакича, а позднее уехал в Суйдин к дяде, впоследствии жил в Тяньцзинь, где женился на гражданской супруге атамана.
- 113 Русская газета, издававшаяся в Шанхае.
- 114 Так в тексте. Правильно – Касымхан Чанышев.
- 115 *Ганин А. В. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. №3. С. 28–32; Он же. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. №8. С. 193–207; Он же. «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // Воспоминания соловецких узников 1923–1939. Т. 2. 1925–1928. Соловки, 2014. С. 162–171.*
- 116 Объяснения ген[ерал]-майора И. М. Зайцева, бывшего особоуполномоченного атамана Дутова и начальника штаба Оренбургской армии (прим. И. М. Зайцева).
- 117 Так в документе.
- 118 Здесь и далее в документе И. М. Зайцевым выделены пункты обвинения, которые он опровергает.
- 119 О чем просили Хивинское правительство и представители от населения Хивинского ханства (прим. И. М. Зайцева).
- 120 Сердечное отношение и отеческую заботу об их семьях (прим. И. М. Зайцева).

- 121 П. П. Папенгут. В других документах Зайцева указан в чине поручика.
122 Н. М. Юдин.
123 Т. е. узбеком.
124 Так в документе.
125 Начальника штаба Верховного главнокомандующего.
126 В документе ошибочно – 1920 года.
127 В документе – отобразить его у меня.
128 Так в документе.
129 Шендриковы – семиреченские казаки, братья. Илья Никифорович (18.07. 1878 – 09.07. 1957) – студент Петербургского университета, исключенный за участие в политических демонстрациях (1901), член партии меньшевиков (вышел из партии в 1907 г.). Окончил Санкт-Петербургский университет, работал присяжным поверенным. Член Туркестанского комитета Временного правительства (1917). Юрисконсульт Главного управления по делам казачьих войск (Омск). Представитель Семиреченского войска при адмирале А. В. Колчаке. В эмиграции в Китае и США. Степан Никифорович (01.08. 1885 – не ранее 1947) – студент Санкт-Петербургского и Московского университетов, находился под надзором полиции, врач, член партии меньшевиков, депутат Всероссийского Учредительного собрания от Семиреченского казачьего войска. Член Сибирской областной думы. В эмиграции в Китае и Гонконге.
130 Ну, а если придется долго ждать, тогда следует издать правила о порядке «престолонаследия», хотя бы по женской линии (прим. И. М. Зайцева).
131 В статье ошибочно – Тюльери.
132 Нового стиля.
133 Точная дата возвращения Дутова в Оренбург – 7 июля 1918 г.
134 В действительности, 11 февраля 1919 г. Подробнее о челябинском совещании см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 582–597.
135 Реорганизация производилась на основании приказа Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака №181/оп от 23 мая 1919 г. Согласно этому документу Отдельная Оренбургская армия и Южная группа Западной армии переформировывались в Южную армию под командованием генерал-майора П. А. Белова.
136 Правильно – армия.
137 В действительности, начиная с весны 1917 г., монархизм Дутова по документам не проследивается.
138 Так в документе. Имеется в виду – совестил.
139 По всей видимости, речь идет о встрече Дутова с Колчаком в Троицке.
140 Супруга Дутова.
141 Имеется в виду внука атамана, дочь Ольги Александровны Петровской.
142 Первый том дневников с упоминанием о том, что дочь Дутова учится в Английской школе Тяньцзиня, уже увидел свет (Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Себренинниковых, 1919–1934. В 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» М. – Стэнфорд, 2006. С. 370).